

Часть шестая

КОНФУЗИИ И ВИКТОРИИ

Назревавшая на севере война не интересовала остальную Европу. В 1700 году Франция, Австрия, Англия, Голландия, германские и итальянские государи внимательно следили за тем, что происходило по ту сторону Пиренеев: там умирал последний представитель Габсбургского дома в Испании бездетный Карлос II. В наследство он оставлял огромную империю.

Испанская ветвь Габсбургов вырождалась из-за постоянных кровнородственных браков. Все наследственные признаки ее вырождения нашли в Карлосе II свое крайнее выражение. Обвинение, предъявленное Габсбургам природой, читалось во всей его внешности. Рахитичная фигура, выпяченная далеко вперед нижняя челюсть, мертвенный взгляд — все эти черты, характерные для королей этой династии, достигли у Карлоса II пределов безобразия. Даже на портретах придворных художников тридцативосьмилетний король выглядел шестидесятилетним стариком. К тому же он был слабоумен от рождения. Над любым частным лицом, обнаружившим хотя бы половину тех качеств, которыми обладал Карлос II, суд давно бы назначил опеку. Но он по праву престолонаследия получил возможность вершить судьбы половины мира — королевства Неаполитанского, герцогства Миланского, Сардинии, Сицилии, Фландрии, огромного берега Африки, царства в Азии со всем побережьем Индийского океана, Мексики, Перу, Бразилии, Парагвая, Юкатана, бесчис-

ленных островов во всех океанах. Между тем Карлос II не знал своих собственных владений: когда французы захватили Моне (испанские Нидерланды), он думал, что Людовик XIV отнял этот город у английского короля. Всю жизнь Карлос II считал себя одержимым и несколько раз заставлял священников изгонять из себя бесов.

В 1679 году он женился на французской принцессе Марии-Луизе. Это была крупная победа Людовика XIV над Австрией, до того неизменно поставлявшей невест для испанских королей. Однако с первых лет этого брака стало ясно, что трон останется без наследника. Граф де Рабенак, французский посланник в Мадриде, в письмах Людовику XIV рисовал спальню Марии-Луизы как место, посещаемое призраком, и заверял своего государя, что у испанского короля никогда не будет детей. Упустить такой случай не хотел никто, и вскоре целый рой иностранных претендентов начал вербовать сторонников при мадридском дворе.

Несчастливая Мария-Луиза была отравлена австрийской партией в 1689 году. С ее смертью угасла та искра разума, которую еще сохранял Карлос II. Все прежние развлечения — охота, бой быков, аутодафе — стали ему неприятны. Король запирался ото всех в своем кабинете или бродил с утра до ночи по песчаной пустыне вокруг Эскориала. Остальное время он посвящал ребяческим играм или ребяческим подвигам веры. Он любовался редкими животными в зверинце, а еще больше — карликами во дворце. Если ни те, ни другие не разгоняли черные мысли, клубившиеся у него в голове, он читал «Ave» или «Credo»³⁴, ходил с монашескими процессиями, иногда морил себя голодом, иногда бичевал. Его физический упадок в последние годы жизни принял характер разложения. Однако жизнь теплилась в нем еще десять лет. Его даже вновь женили, но этот брак без всякой надежды на потомство был простой политической махинацией, австрийской интригой, проникшей в постель к умирающему. Его вторая жена, Мария-Анна Нейбургская, преданная Австрии, деятельно поддерживала права австрийского эрцгерцога Карла на испанское наследство, между тем как Людовик XIV, опираясь на мощный внутренний заговор, направлял к Пиренеям свои

³⁴ «Ave» и «Credo» — католические молитвы; вторая из них — символ веры, первая обращена к Деве Марии.

армии, требуя испанский престол для своего внука. Договоры о разделе королевства составлялись и обсуждались на глазах у Карлоса, враждующие партии пользовались им как неким легитимным трупом, влагая перо в его пальцы, двигая его руки и качая голову.

Испанских Габсбургов отличало болезненное любопытство к смерти. Иоанна Безумная, мать основателя Испанской империи Карлоса V, таскала за собой на носилках по всей Испании забальзамированный труп своего мужа; она бдила над ним в течение сорока лет, кладя вместе с собой на ложе. Карлос V устраивал репетиции собственных похорон. Филипп II за несколько часов до смерти приказал принести череп и возложил на него свою корону. Отец Карлоса II спал в гробу.

Карлос II, в свою очередь, подчинился этому зову небытия. Он завершил свое царствование необычным поступком: спустившись в королевскую усыпальницу Эскориала, приказал вскрыть саркофаги своих предков, осмотрел их и долго рыдал над трупом первой жены, Марии-Луизы.

В конце 1700 года он умер, завещав королевство герцогу Анжуйскому, внуку Людовика XIV. Новый король, под именем Филиппа V, торжественно въехал в Мадрид, отпраздновав свое воцарение сожжением 138 еретиков. Людовик XIV ликовал: «Пиренеев больше не существует!» Остальная Европа спешно сбивалась в союз, направленный против несносного счастливица.

Итак, надеяться на чью-либо помощь Швеции не приходилось. Точно учтя это обстоятельство, Паткуль торопил Августа с началом войны. Кроме того, он указывал королю на то, что ему необходимо первым овладеть Лифляндией, чтобы не пустить в нее союзника, московского царя.

В середине февраля 1700 года саксонские войска под командованием генерала Флемминга без объявления войны вторглись в Лифляндию. Почти одновременно датчане под предводительством Фредерика IV наводнили Голштинию. Узнав об этом, Петр сжал кулаки. Эх, жаль, пособить нечем! Возницын и Украинцев все еще балансировали в Карловицах на грани войны и мира.

План Паткуля по овладению Ригой включал в себя два важнейших пункта: восстание рижан и внезапность нападения саксонцев. События первых же дней войны опрокинули эти расчеты. Рижане остались верны шведской короне, а генерал Флемминг совершил внезапный бросок, но не под стены Риги, а в Польшу,

на собственную свадьбу со знатной панной. В ожидании его возвращения саксонцы беспомощно топтались на границе Лифляндии. А в Варшаве сенаторы негодовали, зачем король, не спросив их, пошел на Ригу. Что ж это получается? За обедом они спокойно сидели с послом шведским, весело беседовали о курвах, а после обеда — война!

Паткуль сердился на Августа по другой причине. Вместо того чтобы поспешить к армии, король развлекался в Дрездене охотой и балами. В середине марта он, наконец, прибыл в Варшаву, но лишь для того, чтобы возобновить оставленные в Дрездене забавы. Русский резидент в Польше доносил Петру, что король предпочитает театру военных действий придворную сцену и забавляется по вечерам на операх и комедиях. Только в конце июня Август появился под стенами Риги. К этому времени Дальберг успел принять все необходимые меры к обороне города. Не надеясь больше на собственные силы, Август запросил помощи у царя. В Москву поехал старый барон Аанген с письмом от короля. Наслышанный о страшных боях царя с Ивашкой Хмельницким, барон настоял на том, чтобы Август сделал приписку: «Любезный брат! Прошу вас вручителя сего пощадить от крепких напитков, потому что они вредят его здоровью смертельно».

А Петр метался между Воронежем и Москвой, готовя флот к войне с Турцией и набирая армию против шведов. С помещичьих и монастырских дворов брали рекрутов; помимо этого, на Москве кликнули клич записываться на царскую службу, суля добровольцам 11 рублей, а также корма и винные порции в походе. Желających нашлось множество; впрочем, все они были гуляки великие, а за мушкет и взяться не умели. Новобранцев одели в суконные кафтаны по образцу немецкой пехоты, нахлобучили на них низкие треугольные шляпы и срочно принялись учить неразрывному строю, ровному шагу, дружной стрельбе плутонгами и атаке с примкнутыми багинетами. Офицерами были сплошь немцы из Кукуя.

Царь заверял Лангена: «Если сегодня получу известие о мире с турками, завтра двину войско под Ригу». Он и в самом деле в нетерпении потирал руки: просьба Августа о помощи давала ему возможность осадить Нарву и занять Лифляндию, не нарушая официальных обязательств. В Нарву отправился сержант Преображенского полка Василий Корчмин — якобы для переговоров

о покупке пушек, на деле — осмотреть нарвские укрепления. Собранные им сведения порадовали Петра: в Нарве, писал Корчмин, всего 300 солдат, «зело больных, худых и старых», остальные сидят в Риге.

Но тут — как обухом по голове! — донесение из Карловиц: султан хочет возобновить войну. В Стокгольм срочно выехал боярин Андрей Яковлевич Хилков, везя с собой заверения царя в нерушимости Кардисского договора. Петр сделался особенно ласков со шведским резидентом в Москве Книшперкроном. Приглашал его к себе, обнимал, говорил: «Неужели ты думаешь, что я соглашусь начать несправедливую войну и разорвать вечный мир, мной подтвержденный? Если бы король польский и овладел Ригой, она ему не достанется: я вырву ее из его рук».

Чтобы увидеть шведского короля, Хилкову пришлось ехать не в Стокгольм, а в Копенгаген. Известие о вторжении саксонцев и датчан застало Карла на охоте в Конгзерских лесах. Выслушав посланника риксдага, молодой король улыбнулся: «Мы заставим их вернуться той же дорогой, которой они пришли»; после этого он как ни в чем не бывало продолжил охоту и не унялся, пока не наловил сетями четырнадцать медведей. Вернувшись в Стокгольм, он погрузил на корабли 6-тысячный десант и спустя несколько дней высадился под стенами Копенгагена. Датский гарнизон капитулировал. Узнав о падении своей столицы, Фредерик IV подписал в городке Травендале мирный договор со Швецией. Первая кампания Карла XII продолжалась не более шести недель. Семнадцатилетний победитель милостиво принял Хилкова. Короля окружала блестящая свита, но сам он был одет в серый суконный мундир и ботфорты, и в этом костюме напомнил Хилкову Петра, также не любившего парадные мундиры и пышные облачения.

В день подписания Травендальского договора, 8 августа, Петр запускал в Москве преизрядный фейерверк и праздновал долгожданное торжество — заключение мира с Турцией. На другой день он сел за письмо Августу, извещая его о том, что нынче же посылает войско к Нарве. Хилкову было велено объявить войну шведскому королю — за многие шведские неправды, утеснения подданных московского царя, а наипаче за то, что во время государева шествия через Ригу от рижских жителей чинились ему многие противности и неприятства.

Август прочитал письмо царя уже в Варшаве — 15 сентября он снял осаду Риги.

22 августа русские полки выступили из Москвы. Тридцатитысячное войско было разделено на три генеральства: Автонома Михайловича Головина, Адама Адамовича Вейде и князя Никиты Ивановича Репнина. Иностранные посланники и резиденты, провожавшие царя, наперебой восхищались превосходным состоянием армии. Ах, что за солдаты! Рослые, молодые, отлично экипированные — не уступят немецкой пехоте! А что за артиллерия — нарвские стены не простоят и двух недель! Петр слушал, довольно улыбался. Нарва — это только начало. Бог даст, в этом году его увидят под Ревелем и Дерптом.

В Твери его ждало письмо от польского короля. Август пенял ему за опоздание, просил о новой встрече и сообщал, что, по слухам, Карл XII намерен высадиться с войском в Пернау. Впрочем, и Август, и Петр считали такое развитие событий маловероятным, поскольку о Травендальском мире ни тот ни другой еще не знали. А потому если капитан бомбардирской роты Петр Михайлов и поспешил из Твери к Нарве, опережая полки, то лишь вследствие обычного своего нетерпения, а не по какой другой причине.

В Новгороде ему пришлось задержаться, так как армия сильно запаздывала. Проливные дожди размыли дороги, подвод не хватало. Полки тащились к Нарве по колено в грязи, с каждым днем все больше теряя свой боевой вид. Порадовал царя только приезд австрийского генерала Карла Евгения герцога де Кроа³⁵, потомка венгерских королей. Кроа представился Петру еще в Вене, заявив о своем желании поступить на русскую службу. Царя тогда сразили отличные рекомендации, выданные генералу разными европейскими дворами, — участвовал в пятнадцати кампаниях, громил турок под Веной... Кроа был принят на службу — отчасти из-за того, чтобы досадить вероломному цесарю. Теперь Петр передал генералу общее командование, поручив вести армию под Нарву, а сам остался в Новгороде подгонять отставшие полки.

Последний полк приплелся в Новгород 19 сентября, а 22-го Петр был уже в нарвском лагере. Инженер Галларт, посланный на подмогу Августом, был удивлен, застав наутро царя

³⁵ Это имя в некоторых источниках пишется иначе: де Круи.

в передовых траншеях, с бумагой и карандашом в руках снимающим планы городских укреплений. Петр прервал его недоуменные вопросы: «Апостол Павел говорит: не работающий да не ест» — и тут же принялся обсуждать, в каких местах лучше расположить батареи. В конце концов он распорядился сосредоточить огонь всей артиллерии на Нарве, а не на Ивангороде, как предлагал Кроа. В тот же день царь взялся и за восстановление в полках дисциплины, изрядно расшатавшейся за время похода: одного офицера за незначительный проступок велел на три часа привязать к пушке.

Однако, несмотря на присутствие царя, осада велась не так бодро и решительно, как предполагалось в Москве. Прежде всего в крепости под началом барона Горна оказалось не 300 солдат, как доносил Корчмин, а 1 300, и солдаты эти не лечились от ревматизма и подагры, а постоянно тревожили русский лагерь смелыми вылазками. Затем артиллерия, казавшаяся в Москве столь превосходной, на деле оказалась из рук вон плоха: орудия разрывались после нескольких выстрелов, порох был настолько плохим, что едва добрасывал ядра до стен. Между тем шведские пушки укладывали целые ряды солдат в русских траншеях. В довершение всего после двух недель бомбардировок кончились порох и снаряды, и русские орудия замолчали. Во второй половине октября осада свелась к земляным работам в залитых ледяной водой траншеях, под тоскливый свист шведских ядер. Петр, чертыхаясь, бродил под стенами Нарвы, как кот вокруг тарелки с горячей кашей.

Снег уже выбелил окрестную равнину и покрыл льдистой коркой выщербленные ядрами камни нарвских стен и башен, когда в русском лагере узнали о приближении шведов. Король Карл все-таки высадился в Пернау и спешил на помощь Нарве с 8-тысячным отрядом. Навстречу ему, взрывая рыхлый снег копытами лошадей, двинулась дворянская конница Шереметева.

Разгромив два передовых шведских отряда, Шереметев тем не менее не решился вступить в бой со всей шведской армией. Разоренная местность не давала возможности закрепиться на оборонительных позициях. Шереметев доносил царю, что колодезная вода безмерно худа, люди от нее болеют, изб нет — все пожжено, дров нет, кормов нет... Не оказывая больше никакого сопротивления, он откатывался назад и рано утром 18 ноября появился в русском лагере под Нарвой с известием, что по пятам

за ним движется шведский король. Оправдаться перед царем при личной встрече ему не довелось: Петр покинул лагерь за четыре часа до его возвращения, выехав с Головиным и Меншиковым в Новгород.

Царь уезжал со спокойным сердцем. В военных способностях Кроа он не сомневался. А Карл, ну что ж, разобьет лагерь где-нибудь поблизости и будет тревожить осаждающих диверсиями — невелика беда: Нарва надежно обложена со всех сторон, а на баталию шведский король, конечно, не решится. Да хоть бы и решился — опытный Кроа даст отпор этому самонадеянному сопляку. Гораздо больше шведского короля Петра волновал Август. Кажется, пришло время скрепить их союз новой встречей. Не мешает также лично проинспектировать подвоз снарядов.

Отъезд царя не вызвал никакого беспокойства в русском лагере. Барон Ланген в письме к Августу от 18 ноября даже шутил: «Я надеюсь, когда герцог фон Кроа примет главное начальство, дела пойдут совсем иначе: у него нет ни вина, ни водки, следовательно, лишенный своей стихии, он, без сомнения, удвоит приступы, чтобы быть поближе к комендантскому погребу».

На другой день последовал разгром.

Петр узнавал о случившемся постепенно, по мере того как в Новгород приходили остатки разбитых полков. Да, конфузия получилась знатная. Кроа с его отличными рекомендациями проявил удивительную беспечность. Сведения, представленные Шереметевым, не побудили его ни усилить караулы, ни стянуть армию в кулак — полки так и остались разбросанными вокруг Нарвы на протяжении восьми верст. Под утро разыгралась сильная вьюга, шквальные порывы западного ветра швыряли целые сугробы в лицо нашим солдатам. Шведы вынырнули внезапно из белесой кутерьмы. Их стремительная атака в каких-нибудь полчаса превратила русскую армию в толпу беглецов. Первой показала спину дворянская конница. Вместо того чтобы ударить шведам в тыл, ратники сломя голову бросились в Нарву. За ними побежала и пехота; единственный мост через реку обрушился под тяжестью дерущихся и давящих друг друга людей. С истошным воплем «Немцы изменили!» толпа принялась вымещать свой страх и свою ярость на командирах, пытавшихся навести порядок. Видя это, Кроа и почти все офицеры почли за лучшее вручить свои шпаги шведам — пусть сам

черт командует такими солдатами! Шведский король, напротив, вел себя как подобает воину. Под ним убили трех лошадей — он только смеялся: «Кажется, русские хотят поупражнять меня в верховой езде!» Пленных офицеров он принял ласково, как гостей, пленных солдат, обезоружив, отпустил.

Больше всего царя тревожила судьба его гвардии — неужели и они тоже бежали, как зайцы? Прибывший в Новгород позже других генерал Вейде, командовавший преображенцами и семеновцами, успокоил его. Оба полка вели себя героически: отразили все атаки и выговорили себе право отступить с оружием и знаменами. Петр с облегчением вздохнул. Ну, хоть эти не подвели. Но вот немцы... Большое жалованье брать мастера, а как дошло до дела — лапы вверх? Читая список сдавшихся офицеров, он с горькой усмешкой то и дело возвращался к двум именам: Петра Лефорта и Александра Гордона. Сыновья...

Европа рукоплескала шведскому королю, поэты настроили свои лиры в честь юного героя. Карла сравнивали с великим Александром, а Нарву — с Гавгамелами. Лейбниц, разочаровавшись в царе, переложил надежды на просвещение москвитов на Карла и трепетал от восторга при мысли, что скоро власть шведского героя будет простираться от Стокгольма до Амура. На русских послов и резидентов при иностранных дворах сыпались откровенные издевки и насмешки. Андрей Артамонович Матвеев доносил Петру из Гааги: «Шведский посол с великими ругательствами, сам ездя по министрам, не только хулит ваши войска, но и самую особу вашу злословит, будто вы, испугавшись приходу короля его, за два дня пошли в Москву из полков...» А из Вены шли жалобы Петра Алексеевича Голицына, что канцлер граф Кауниц и говорить с ним, государевым послом, не хочет и все прочие министры только смеются над нами... По рукам ходила медаль, выбитая в Швеции в насмешку над царем. На одной стороне Петр был изображен греющимся возле своих пушек, обстреливающих Нарву; на другой стороне — плачущим при виде бегства русской армии.

Но Петр и не думал плакать. Его мучил жгучий стыд за Нарвскую конфузию, и вместе с тем он чувствовал к Карлу нечто вроде благодарности. Да, он ввязался в эту войну, как слепой, не ведая

ни своих возможностей, ни силы неприятеля. Шведский король открыл ему глаза — побил наголову. Может быть, не раз побьет и впредь — ну что ж, пускай, зато воевать научит.

*Карл XII в сражении
под Нарвой.
Гравюра Г.-Ф. Ругендаса,
начало XVIII века*

А пока следует подготовиться к встрече гостя, и Петр принимается спешно укреплять Псков и Новгород. День и ночь вокруг городских стен копают рвы, ставят деревянные и каменные палисады с бойницами, возводят земляные раскаты. Материалов и людей не хватает, но царь не останавливается ни перед чем. По его распоряжению ломают церкви на камень, с монастырских стен и башен снимают деревянную кровлю, священников и монахов, посадских людей обоего пола, солдат и драгун сгоняют на земляные работы. За всеми зорко следит недреманное царское око. Нерадивых полковников Петр потчует плетью, взяточников-подрядчиков принародно вздергивает на виселицу.

Одновременно идет создание новой армии. На Москве вновь кличут вольницу в солдаты, принимают даже беглых холопей и крепостных. Рослых отбирают в гвардию, прочих отправляют в Новгород. К зиме войско вырастает втрое против прежнего. Виниуса назначают надзирателем артиллерии. Правда, артиллерии нет — вся осталась в руках у шведов. Но Петр торопит: время яко смерть, к весне непременно нужно полтораста орудий. Виниус недоумевает: где взять металл? Тут же следует царский указ: брать в церквях и монастырях битые колокола для пушечного литья, а где нет битых — брать целые. Скоро Пушечный двор ломится от свозимых отовсюду колоколов, но делу чинится пущая остановка — из-за пьянства мастеров, которых ни битьем, ни лаской от той страсти отучить невозможно. Виниус рвет на себе волосы: добрых мастеров — один немчин да русский, из остальных один русский нарочит да пьян, другие два весьма спились и никакого наказания не опасаются. В Москве срочно заводят артиллерийскую школу, 250 ребят, детей мастеровых и заводских рабочих, сажают за изучение артиллерийского и инженерного дела.

О море теперь некогда было и помечтать. Сведенный воронежский лес остался гнить на донских верфях, а сам славный шкипер Питер со всеми его навигацкими и корабельными познаниями неутомимо готовился к долгой сухопутной войне.

Той же осенью умер патриарх Адриан. Потрясенный казнью стрельцов, изведав крутой нрав царя, престарелый владыка последние два года ни в чем не перечил Петру, перестал анафемствовать бритые подбородки и чужеземные кафтаны. Его духовный авторитет сильно упал. В народе роптали, что патриарх живет из куска, спать бы ему да есть, держится за свой клубок белый, затем и не обличает. Измученный, больной старик мало обращал внимания на толки, целиком уйдя в молитвы и размышления о горнем. Недели за три до смерти ходил он на Перерву в монастырь Святого Николая Чудотворца для освящения новой церкви — за острой стужей его едва довели до места, уже хворого. На обратном пути в Донской монастырь он так изнемог, что все думали — умрет дорогой. С трудом привезли хворого старика в село Голенищево за Воробьевыми горами, где был загородный патриарший двор. Старцы никого к нему не допускали. Здесь его и разбил

паралич. Трое суток пролежал он без памяти и без языка, мало взглядывая левым глазом и едва шевеля левой рукой. 16 октября его не стало.

Петр в это время был под Нарвой. Боярин Тихон Никитич Стрешнев запросил царя: «Кому соборную церковь ведать изволишь? А на Москве архиереи Смоленский, Крутицкий, Вятский». Петр, однако, приказал боярину повременить с выборами нового патриарха. Хватит с него этих монашеских царей с их вечным осуждением всех его начинаний. Кстати, в Патриаршем приказе казна большая, сгодилась бы на военные нужды.

Петр долго выбирал, кому поручить надзор за церковью, приглядывался к архиереям: этот дурак, другой хоть и учен, но чересчур самостоятелен, третий привержен старине... Наконец, вспомнив одну историю полугодовой давности, остановил свой выбор на митрополите Рязанском и Муромском Стефане Яворском. Тогда, в марте, Стефан, бывший еще игуменом Донского монастыря, получил от патриарха повеление готовиться на завтра к наречению в архиепископский сан. Поутру собрались архиереи в Крестовой палате патриаршего дома, а Стефан не пришел. Послали за ним в Донской монастырь, но Стефан решительно отказался ехать, сославшись на непосильность возлагаемого на него бремени. Еще два раза ездили за ним патриаршие гонцы и возвращались ни с чем. А меж тем продолжался уже часа три благовест к наречению... Адриан рассердился, велел не выпускать Стефана из монастыря и написал обо всем царю. Петр ответил патриарху, чтобы Стефану непременно быть Рязанским митрополитом, и... спустя две недели Стефан смиренно принял посвящение. Петр раскусил подспудную покладистость Стефанова характера, кроющуюся за внешней строптивостью. Вот такой человек ему и нужен. В середине декабря последовал царский указ: Патриаршему приказу не быть, а духовными делами ведать местоблюстителю патриаршего престола митрополиту Рязанскому и Муромскому Стефану.

Чуть позже царь принялся за всю монашескую братию. В Монастырский приказ посадил боярина Мусина-Пушкина, велел перевести монахов в монастырях на денежное и кормовое довольствие, а что остается из монастырских доходов сверх того — расходовать на богоугодные дела. Ведь старцу что надобно? Хлеб да вода. Вместо того чтобы даром брюхо

набивать, пусть лучше содержат гарнизонных солдат, понеже солдату против старца всегда надобно излишнее: у иного жена и дети, и сами служат и работают, не имея себе покоя.

Приготовления к вторжению шведов оказались напрасными. Карл всю зиму простоял в Лифляндии, не трогаясь с места. Петр спрашивал себя, не мирных ли послов дожидается шведский король, и с трудом боролся против сильного искушения начать переговоры. Нет, теперь хотя бы: и вечный мир заключим, а вечный позор чем загладим? Непременно нужна хоть малая виктория.

Выполняя царский приказ, Шереметев двинул войско в Ливонию. По замерзшим рекам и болотам он подошел к Мариенбургу, но был отбит отрядом Шлиппенбаха, которого Карл оставил оборонять восточную Лифляндию. Преследуя Шереметева, Шлиппенбах вторгся в российские пределы и дошел до Псково-Печерского монастыря, однако тут потерпел поражение и был вынужден отойти. Военные действия выродились в ряд мелких стычек и обоюдный грабеж мирного населения.

Тем временем Петр в конце января 1701 года выехал на свидание с Августом в Биржах под Дюнабургом, для того чтобы склонить союзника к продолжению войны и уговорить поляков поддержать своего короля. Он так спешил, что Август, уведомленный о его приезде, тем не менее не успел выехать ему навстречу и встретил царя у стен замка. Они обнялись и отправились вместе осматривать арсенал и укрепления. Во время прогулки стреляли из пушек в мишень: король поразил цель дважды, бомбардир Петр Михайлов — ни разу (вот тебе и артиллерийский диплом!). Затем царь командовал сопровождавшим его взводом преображенцев и с удовлетворением показывал, что ружья и штыки у его гвардейцев длиннее саксонских. Все обратили внимание, что царь на прогулке и за обедом держался слева от Августа, как бы признавая его старшинство. Обед продолжался до глубокой ночи, при пушечной пальбе и трубных звуках. Оба государя так подгуляли, что Август проспал обедню следующего дня. Петр стоял в костеле один, с опухшим лицом, и подробно расспрашивал поляков о католическом богослужении и обрядах. Один польский сенатор намекнул, что его царское величество могло бы многое сделать для соединения греческой и римской церквей.

Петр не поддержал разговор: «Государю принадлежит только тело народа, над душою властвует Христос».

Он примчался в Биржи не для соединения церквей, а для соединения Польши со своим королем. Однако похоже было, что первое выполнить легче, чем второе. Литовский подканцлер Щука, выслушав все посулы царя, загадочно заявил: чтобы втянуть Речь Посполитую в войну со шведским королем, нужны выгоды посущественнее тех, которых можно ожидать от этой войны. Петр попросил пояснить. Щука улыбнулся. Охотно. Вот если бы царское величество уступил хотя бы Киев с воеводством, то Речь Посполитая имела бы чем прельститься. Царь нахмурился. Вон куда метят! Довольно будет Речи Посполитой взять назад Лифляндию. Щука пожал плечами: если для Москвы трудно отдать Киев, то тем труднее для Речи Посполитой вести войну с непобедимым шведским королем. Не сделался подканцлер сговорчивее и за совместными обедами у короля, где все пирующие пили немало и следили, чтобы один от другого не отставал. Петр в подпитии хвастал, что у него скоро будет 80 кораблей и гавань на Балтийском море. Щука, щуря глаз, слушал, молчал и вместо вина вдоволь тянул московское пиво.

Зато с Августом царь договорился продолжать войну со шведом всеми силами и не оставлять ее без общего согласия. Правда, цена этой покладистости была немалой: за свою верность король просил 20 000 московского войска в свое распоряжение и 100 000 рублей ежегодно. Делать нечего, пришлось обещать.

В марте Петр возвратился в Москву. Следом приехал генерал-адъютант от Августа — за деньгами. Петру пришлось шарить по всем закромам. Взяли деньги в приказах — не достало, взяли в Троице монастырскую казну — опять мало. Хорошо, что выручили бомбардирский поручик Александр Данилович Меншиков и богатый гость Филатьев — добавили недостающее. Деньги в Польшу повез князь Репнин, под охраной 20-тысячного войска.

Успехи в этом году чередовались с несчастьями. В июне вспыхнул страшный пожар в Москве — выгорели весь Кремль со всеми приказами и полгорода: монастыри, церкви, дома, склады с военными припасами... Царский дворец сгорел

до основания, на Иване Великом попадали колокола, в Успенском соборе погибли дорогие образа с окладами на полтора миллиона рублей. Петр с трудом отстоял от огня Каменный мост и Замоскворечье.

О мире со шведским королем он больше не вспоминал — прежде всего потому, что мира не желал сам Карл. Всю зиму молодой герой с досадой выслушивал мнения своих министров о том, на каких условиях лучше заключить мир с побитыми соседями, и наконец прогнал от себя всех, кто только смел заикнуться о переговорах. Как они не поймут, что он ведет войну не с Саксонией и Россией, а с их вероломными государями! Его честь требует не слагать оружия до тех пор, пока он не подденет их короны на острие своего копья. Впрочем, о царе можно пока не думать. Бить московитов не труднее, чем ловить медведей в Конгзерских лесах. В любой момент он вторгнется в Московию и заключит мир на выгодных для себя условиях. Петра Карл только презирал, но Август его бесил. Хорош двоюродный братец! Гнусный предатель! Он, Карл, клянется Богом, что этот куртизан жестоко поплатится за свое коварство. Кроме того, еще одна победа над Петром только потешит Европу; иное дело обученные саксонцы Августа — победу над ними Европа оценит!

В июне он внезапно бросился на саксонский корпус генерала Штейнау, стоявший на Двине. Штейнау спокойно дожидался его, полагая, что король не решится на переправу. Но шведы, разложив и подпалив на своем берегу огромные ворохи сырой соломы, смело кинулись в воду. Когда ветер рассеял застлавший берег дым, саксонцы увидели идущие на них синие шеренги. После жаркой схватки поле боя осталось за шведами.

Август узнал о поражении Штейнау во время верховой прогулки. Придя в бешенство, он дал шпоры коню и не слез с седла, пока не загнал бедное животное. Тогда, соскочив на землю, он саблей отрубил коню голову.

Карл без боя занял всю Курляндию. Проезжая мимо Бирж, он завернул туда, чтобы пообедать. Городские власти удивлялись королевскому столу — каша, хлеб, пиво, как это отличается от недавних пиров царя и польского короля! Карл усмехался. Ну что ж, тем легче он расстроит им пищеварение.

Неудачи в этом году чередовались с успехами. В начале зимы Шереметев вновь повел войско в Лифляндию. Шлиппенбах запросил у Карла подкреплений, но получил только чин

генерал-майора. Благодаря короля за милость, он осмелился приписать, что предпочел бы вспомогательный корпус, ибо численность идущих на него московитов превосходит всю королевскую армию. Карл коротко отвечивал: «Не может быть». Да хоть бы и так — разве под Нарвой было иначе?

29 декабря Шлиппенбах был полностью разгромлен у мызы Эрествер. Правда, ему удалось уйти в Дерпт.

Преследовать бегущих шведов Шереметев не смог: после теплыни от морозов понастило, лошади проваливались в глубокий снег и обдирали ноги до костей. Воевода ограничился тем, что разорил весь Дерптский уезд. Отнятый скот и скарб отправили в Псков, а пленную чухну разобрали себе казаки. Шереметев распорядился не отнимать у них пленников — чтоб охочее были.

Петр радовался без удержу первой победе. Слава богу, мы можем бить шведов! Меншиков повез Шереметеву орден Святого Андрея Первозванного и фельдмаршальский жезл. Соразмерные награды получили офицеры, солдатам выдали по серебряному рублю. В Москве целый день стреляли из пушек и звонили в колокола за счастливую викторию; народ упивался вином, водкой и пивом, расставленными в бочках на улицах и площадях. На кремлевских башнях развевались отбитые шведские знамена. Пировавший в Кремле Петр то и дело подходил к окну, чтобы посмотреть на них. Выдали все-таки господа учителя ему дипломы, и — слышь, Данилыч, — дипломы-то эти поважнее прежних будут, а?

Когда Август возвратился после свидания с Петром в Варшаву, город уже был наводнен прокламациями шведского короля, в которых Карл клятвенно заверял поляков, что он воюет не с Речью Посполитой, а с вероломным саксонским курфюрстом, и обещал освободить Польшу от тирана. На сейме верхово-дили противники Августа. Душой всех интриг и на этот раз был примас. После множества бурных заседаний сенаторы постановили в войну со шведским королем не вступать. Августу было предложено вывести саксонские войска из Польши и отказаться от союза с царем.

Август все же предпочел получать законы от победителя, а не от своих подданных. Под Бирженским договором еще не успела

просохнуть королевская подпись, а в Курляндию уже выехала фаворитка Августа графиня Аврора Кенигсмарк с тайным поручением склонить Карла к миру. Красавица Аврора была единственной женщиной, которая сумела не только удержать при себе ветреного германского Самсона, но и стать его неофициальным министром. Карл был знаком с ней. По матери Аврора принадлежала к шведскому роду Врангелей; при вступлении Карла на престол она присовокупила к поздравительному письму Августа милые французские стихи с перечислением блестящих качеств юного монарха, которого «все боги заранее помещали в храм славы, и только Вакх и Венера молчали». Вряд ли Август помнил эти знаменательные строки, когда, уверенный в успехе, посылал к Карлу богиню любви с масличной ветвью мира.

Приехав в шведский лагерь, Аврора первым делом посетила палатку графа Пипера, ближайшего советника шведского короля. Зная, как его повелитель относится к мирным посланцам от Августа, разомлевший толстяк тем не менее пообещал устроить ей свидание с Карлом — как бы случайно, во время утренней верховой прогулки короля. Действительно, прекрасная Аврора появилась на тропинке, по которой скакал король, словно утренняя заря, и с улыбкой пошла навстречу Карлу. Но ее ждало разочарование. Презрительно усмехнувшись, Карл процедил сквозь зубы грязное ругательство и дал шпоры коню. Продажные женщины вызывали у него отвращение.

Еще хуже закончилось посольство камергера польского короля графа Витцума — его Карл просто засадил в тюрьму.

Вслед за тем шведский король двинулся на Варшаву.

При приближении шведов сенаторы разъехались из столицы. По пути Карл не встретил никакого сопротивления. 14 мая 1702 года варшавяне увидели у городских ворот человека со стриженной головой, без парика, в синем солдатском мундире и огромных ботфортах. Короля узнали не сразу, а узнав, открыли ворота по первому требованию.

Август попытался еще раз отстоять свои права при помощи силы. Лично возглавив саксонскую армию, он встретился с Карлом на равнине под Клишовом. Шведский король сам повел в атаку конную гвардию. Тесно сомкнутыми рядами, колено к колену, всадники врубались в самую гущу саксонцев. Август также несколько раз водил драгун в контратаку, но все,

что ему удалось сделать, — это подтвердить свою славу храбреца и силача. Саксонцы бежали, бросив знамена, артиллерию, лагерь и обоз с военной казной.

Август с остатками разбитой армии заперся в Сандомире. Здесь, стремясь развеяться от постигших его несчастий, он за несколько зимних месяцев спустил на балы и оперных певичек все деньги, с таким трудом собранные для него Петром.

В это время Шереметев опять гостил в Лифляндии. 13 июля он еще раз накрыл Шлиппенбаха, при мызе Хуммули. На этот раз в сражении полегла вся шведская пехота. Лифляндия оказалась в руках у русских. Шведские гарнизоны в Риге, Пернау, Дерпте, Нарве и Мариенбурге не смели показать нос из-за городских стен.

Б. П. Шереметев.
Художник
И. П. Аргунов, 1753 год

По приказу царя Шереметев два месяца ходил по Лифляндии, все разоряя, чтобы неприятелю пристанища найти и сикурсу³⁶ своим городам подать было невозможно. Чухну и латышей с семьями тысячами отправляли в Москву, Азов и Малороссию. У жителей отобрали 20 000 голов скота; что не смогли угнать — порубили и покололи. «Желание твое исполнили, — доносил Шереметев царю, — больше разорять нечего, все разорили и запустошили без остатку». Петр был доволен: изрядно погостил Борис Петрович в Лифляндии, изрядно...

В довершение всего на Лифляндию была двинута малороссийская саранча — запорожские казаки. С ними, однако, вышла оказия. Андреевский кавалер гетман Мазепа писал Петру, что запорожцы, не ведая в очах своих ни страха, ни стыда, так буйно и лениво шли, что едва к Масленице вышли на смоленский рубеж, и сколько на походе своем причинили неправд, грабежа и обид людям малороссийским и великороссийским, того и пересказать нельзя: едва и неприятель может хуже поступить. А пришли в Лифляндию — поднялся великий ропот, что москали уже все себе забрали.

— Когда так, — кричали казаки, — пойдем служить к польскому королю!

Многие действительно убегали к полякам, другие нападали на москалей и офицеров-немцев и отнимали у них добычу.

В августе Шереметев осадил Мариенбург. Крепость была хоть и небольшая, но располагалась на острове, и шведы засели в ней крепко. Пришлось фельдмаршалу напоследок изрядно с ней повозиться.

В Мариенбурге жил тогда пастор Эрнст Глюк с семьей. В доме у него воспитывалась шестнадцатилетняя девушка Марта Скавронская. Она рано осталась сиротой, и Глюк взял ее к себе из сострадания, поручив ей одевать своих детей, водить их в кирку и следить за порядком в доме. Читать и писать ее не учили. И все-таки положение Марты в доме пастора было лучше и выше простой служанки. Руки ее, прежде загрубевшие от работы, мало-помалу побелели, она расцвела, стала наряжаться, чернить волосы.

Солдаты шведского гарнизона ходили по воскресеньям в кирку послушать проповеди пастора. Там Марту и приметил

³⁶ То есть помощи (от *фр. secours* — помощь).

один молодой драгун. Вскоре он попросил ее руки. Она не колеблясь ответила согласием — драгун был статным кудрявым блондином. В тот же вечер Глюк обручил молодых. Однако, вместо брачного пира, жених вместе с отрядом драгун отправился на подмогу Шлиппенбаху. А через несколько дней Мариенбург был осажден Шереметевым.

Двухнедельная бомбардировка крепости вызвала всеобщее уныние. Солдаты и офицеры заговорили о сдаче.

26 августа, когда русские войска пошли на приступ, они самовольно выкинули над главными воротами Мариенбурга белый флаг. Однако комендант был готов скорее взорвать крепость, чем сдать ее. Прежде чем выполнить свое намерение, он предупредил своих знакомых, чтобы они как можно быстрее покинули крепость. Среди этих знакомых был и пастор Глюк. Толпа мариенбургских обывателей вышла из ворот и направилась в русский лагерь просить милосердия. Глюк, знавший русский язык, шагал впереди и нес в руках славянскую Библию. За ним шли члены его семьи и Марта.

Шереметев принял пастора милостиво. Впрочем, на него почти не глядел, зато не спускал глаз с Марты. Вот так девка! Узнав, что она обручена, пожевал губами, подумал. Ничего, пускай останется при нем. Пастор скромно опустил глаза.

Марту усадили за стол, гобоисты заиграли веселую мелодию... В эту минуту мариенбургский замок взлетел на воздух — комендант, напоследок напившись пьян, спустился в пороховой погреб с зажженным факелом...

В начале сентября Шереметев вернулся в Псков подсчитывать трофеи. В фельдмаршальском обозе в Россию въехала и Марта Скавронская — трофей наиприятнейший, как уже смог оценить его грешный фельдмаршал.

На Страстной неделе 1702 года в Москву приехал Паткуль. Израненный в боях под Ригой и на Двине, он был по-прежнему деятелен и непримирим. С первых слов заявил царю, что полностью разочаровался в Августе: «Королю я более не верю. У вашего величества теперь нет других союзников, кроме Бога». Просился на русскую службу. Царь один действительно воюет со Швецией, поэтому он, Паткуль, здесь.

Петр ухватился за него. Паткуль был назначен тайным советником с годовым окладом в пять тысяч рублей. На Красной площади палач публично сжег все напечатанные против него в Стокгольме обвинительные статьи. Вслед за тем Петр сразу засадил Паткуля за работу, потребовав его мнения о наилучшем устройстве русской армии. Лифляндец представил царю доклад, основная мысль которого сводилась к тому, чтобы заменить всех русских офицеров немецкими. Прочитав бумагу, Петр хмыкнул. Если бы все было так просто... А Нарва? Все же издал указ с приглашением иностранцев в Россию, обещая им высокое жалование и свободу вероисповедания. Но Паткуля решил использовать по дипломатической части.

Петр зорко следил за делами в Европе. В начале 1702 года умер король английский и штатгальтер голландский Вильгельм. На освободившийся престол села королева Анна. С ее воцарением в Европе сразу на четырех фронтах — в Испании, Италии, Германии и Бельгии — вспыхнула война за испанское наследство. О делах на Севере при европейских дворах и думать забыли. Петр в письме к Апраксину не скрывал своей радости: «Смертью бывшего короля зело великая перемена учинилась: началась общая война. Дай Боже, чтоб протянулась. Хуже не будет нам». Паткуль был послан в Вену подбивать немецких князей и курфюрстов к выступлению против шведского короля, — благо у Швеции было много немецкого. Он и тут немедленно подал совет: для лучшего ведения переговоров заменить всех русских послов иностранцами, но Петр только досадливо отмахнулся — в способностях своих дипломатов сомнений у него не было.

Август из Сандомира слал ему письма, в которых жаловался, что Петр оставил его, невзирая на прежнюю великую дружбу: «Шведы врываются в Польшу, а вы сидите тихо дома! Ударьте на шведов, спасите Литву, которая так храбро против них билась!»

Петр ответил, что клятве в Биржах верен. В конце сентября 1702 года, после возвращения Шереметева из Лифляндии, он сам повел войско к Нотебургу, древнему новгородскому Орешку на Невском протоке. Крепость располагалась на речном островке. Ее небольшой гарнизон, засевший за высокими мощными стенами, способен был выдержать длительную осаду. Как только шведские караулы завидели передовые отряды русских, комендант подполковник Шлиппенбах (брат генерала) укрепил

на башне королевское знамя — сигнал о помощи. Петр ответил на «сей комплимент» усиленной бомбардировкой; солдаты взялись за апроши, окрестные жители готовили лодки для штурма.

На третий день канонады супруга коменданта от имени всех офицерских жен отправила в русский лагерь барабанщика с просьбой позволить женщинам выйти из города от великого огня и дыма. Петр, смеясь, отписал, что никогда не согласится опечалить шведских дам разлукой с мужьями, и потому, если они изволят оставить крепость, то пусть прихватят с собой и своих любезных супругов. Барабанщика потчевали отменно и отпустили обратно. Ответ царя показался шведам досаден: сразу по возвращении парламентаря их орудия открыли огонь по батарее, на которой находился Петр.

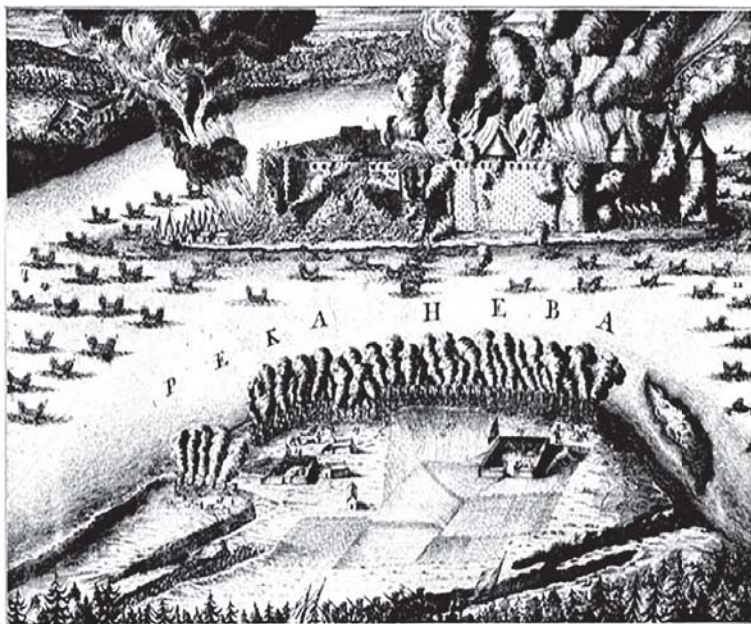
За действиями русских войск наблюдал саксонский резидент Кенигсек, прибывший из Москвы. Одним поздним октябрьским вечером он, проходя по узкому мосту через глубокий ручей, оступился, ударился головой о бревно и расшибся насмерть. Царь, позванный к месту происшествия, первым делом осмотрел карманы Кенигсека, ища в них какие-нибудь бумаги, способные пролить свет на ближайшие намерения Августа. Но вместо деловых бумаг он обнаружил связку писем с отлично знакомыми ему голландскими писульками. В первую минуту Петр отказывался верить своим глазам. Его Анхен неверна? Да быть не может! Однако приложенный к письмам миниатюрный портрет Анны Монс не оставлял никаких сомнений в измене.

Петр словно взбесился. При виде царя приближенным казалось, что возвратились страшные дни стрелецких казней. Впрочем, на сей раз все головы остались на плечах. Анна и ее сестра, которая, как явствовало из писем, содействовала тайным встречам, по распоряжению Петра были заперты в собственном доме, под строгим надзором князя-кесаря; им даже запрещалось посещать кирку. Что делать с ними дальше, Петр еще не знал. Где-то в глубине его души великодушные еще боролись с ревностью.

А пока он назначил штурм Нотебурга. Приготовления еще не были закончены, но Петр должен был дать какой-то выход душившей его ярости. В воскресное утро 11 октября русские лодки со всех сторон обложили крепость, солдаты полезли в проломы. Их встретили картечь и каменные ядра. Русские подались

назад, и офицерам пришлось оттолкнуть от берега лодки, чтобы пресечь всякую попытку к бегству. Шведы дрались не щадя живота, солдаты не давали Шлиппенбаху прекратить тринадцатичасовой бой, грозя застрелить его, если он осмелится начать переговоры о сдаче. Наконец, когда в крепости остался в живых всего 41 человек, комендант решился вывесить белый флаг. Петр сам ударил в барабан, приказывая прекратить штурм. Уцелевшие шведы покинули Нотебург на почетных условиях — с женами, детьми, оружием и распущенными знаменами.

*Штурм шведской крепости Нотебург.
Гравюра А. Зубова из «Книги Марсовой», 1713 год*

При пушечной пальбе царь торжественно въехал в город, переименованный в Шлиссельбург, то есть Ключ-город, — в знак того, что с его взятием отворились ворота в неприятельскую землю. В Москву полетели восторженные письма ко всей компании. Виниусу Петр писал: «Правда, что зело жёсток сей орех был, однако ж, слава Богу, счастливо разгрызен». Комендантом Шлиссельбурга был назначен Данилыч, которому поручалось срочно восстановить разрушенные укрепления.

К тому времени Меншиков давно уже перестал быть неприятельным Алексашкой, вечно рыщущим, где бы перехватить сотняшку рублей. Смерть Лефорта сделала его ближайшим другом царя (в народе даже поговаривали, что царь живет со своим денщиком). Он стремился закрепить свое новое положение, ухаживая за девицей Дарьей Арсеньевой, ближней боярыней родной сестры царя царевны Натальи. Петр поощрял амурные авансы своего любимца. Теперь перед ним заискивали знатные сановники, стремившиеся заручиться поддержкой Данилыча во всяком деле, и его милостивое расположение стоило весьма недешево. Меншиков выдвинулся не потому, что умел распотешить царя, обустроить его походную жизнь и в нужное время подsunуть бабу для венериных утех — таких мастеров при дворе было хоть отбавляй. Петр увидел в нем другое. Оказалось, что этот полуграмотный сын придворного конюха легко проникает в самую суть важнейших государственных дел, может недурно заменить царя в армии, на верфи и в приказе и умеет не завалить ответственное дело. Короче, в Меншикове Петр чуял верное плечо, которого ему так недоставало после смерти Лефорта.

А для друзей царь не скупился — не то что для женщин. Пока Данилыч зимовал в избе в Шлиссельбурге, жалуясь на превеликие морозы и жестокую стужу, от которых и за ворота выйти немочно, Петр, проездом в Воронеж, возводил для него Ораниенбург. Вернувшись в марте в Шлиссельбург, царь остался доволен комендантством Меншикова и его смелыми вылазками против шведов. Зато распалился на Виниуса, который, вместо незамедлительного подвоза в крепость снярядов и лекарств, потчевал царя *московским тотчасом*. Данилыч получил приказание расследовать, отчего чинится такое небрежение в деле, которое тысячи таких голов, как у Виниуса, дороже. Дьяк попытался подмаслить царского любимца взяткой — поднес ему 10 коробочек золота, 150 червонцев, 300 рублей и собственноручную записку на 5 000. Но Данилыч не принял подношения и подробно доложил обо всем царю, ядовито присовокупив: «А прежде бил твоей милости челом о пожаловании деревни, сказывал, что есть и пить нечего... Он бы такую великую дачу не дал, если б не чаял от того приказу впредь себе великих пожитков». Разгневанный, Петр вычеркнул Виниуса из членов компании, отнял у него заведывание Аптекарским и Сибирским приказами и наложил взыскание в 13 000 рублей. Меншиков был чрезвычайно доволен тем, что

свалил давнего царского знакомого, скрывая свою радость за ревностным негодованием к прощтрафившемуся дьяку.

Петр рубил наотмашь старые связи еще и потому, что зимой 1703 года его сердце снова болело об Анне Монс, которая оказалась замешанной в весьма неприятном деле — ворожбе и чародействе. Стараясь вновь возбудить к себе страсть царя, она покупала у московских колдуний гадальные тетради, рецепты привораживаний, чародейные перстни, приворотные травы. Ворожеи денно и ночью толклись в ее комнате, читая заговоры на тоску и присуху, чтобы раб Божий Петр рабу Божию Анну дожидался и не мог бы без нее ни жить, ни быть, ни пить, ни есть, ни на утренней заре, ни на вечерней, ни в обыден, ни в полдень, ни при частых звездах, ни при буйных ветрах, ни в день при солнце, ни в ночь при месяце и чтобы впивалась тоска, въедалась тоска в грудь, в сердце, в черную печень, в горячую кровь рабу Божию Петру и разрасталась, расходилась по всем жилам ноетой и сухотой по рабе Божией Анне...

Об этих неожиданных занятиях царской любовницы сделалось известно князю-кесарю. Разразился скандал. Волхование на царскую особу наказывалось по закону смертью (в то время обязательство не вредить членам царской семьи колдовством и чародейством входило составной частью в государственную присягу). Но видно, ворожба подействовала — Петр не нашел в себе силы поднять руку на дважды провинившуюся перед ним женщину. Следственное дело против нее было прекращено. Петр ограничился тем, что забрал у Анны пожалованные деревни, а выстроенный для нее палаццо отдал под анатомический театр. Подаренные вещи и драгоценности остались при ней, за исключением осыпанного алмазами портрета Петра, который царь потребовал обратно, — возможно, чтобы обезопасить себя от новых попыток ворожбы на своем изображении.

Царь ходил мрачный и осунувшийся, а Меншиков, напротив, цвел и сиял. Анна Монс была последним человеком, кто мог соперничать с ним за сердце царя.

В апреле 1703 года Шереметев двинулся с полками по правому берегу Невы. Шли лесами большими и малыми и завидели, наконец, при устье Охты в Неву, маленький земляной городок,

занимавший не более десятины земли: то был Ниеншанц, стороживший устье Невы. В нем сидели 600 человек под началом старого и больного полковника Аполлова. Взять Ниеншанц с ходу, однако, не удалось, и Шереметев обложил крепость. На другой день прибыл к войску бомбардирский капитан Петр Михайлов и нашел, что стрельба зело редка. Тем же вечером началась сильная бомбардировка. Шведы вначале отвечали живо, потом смолкли, и на рассвете барабанщик на валу ударил к сдаче. Царь приказал отпустить гарнизон с богом на почетных условиях. Осмотрев затем невиское устье, он обнаружил, что место сие — наиудобнейшее для морской пристани. Ниеншанц был переименован в Шлотбург.

Пять дней спустя, 3 мая, караулы донесли, что на взморье показались два шведских судна — 10-пушечная шнява и 8-пушечный бот, которые, еще не зная о падении Ниеншанца, дали пароль двумя пушечными выстрелами. Шереметев распорядился ответить таким же паролем. Обман удался — шведы стали на якорь.

7 мая, на рассвете, бомбардирский капитан Петр Михайлов и поручик Меншиков с обоими гвардейскими полками на 30 лодках подкрались к шведским судам. Из-за густого тумана шведы не сразу заметили неприятеля, а заметив, подняли паруса, но мелководье не позволило им быстро выйти в море. Русские окружили корабли, забросали их ручными гранатами и пошли на abordаж. Шведы храбро защищались, а когда, наконец, стали просить пардону, было уже поздно — унять разъяренных преображенцев и семеновцев оказалось невозможно. Пощаду каким-то чудом вымолили себе всего 13 шведов.

Петр и вся компания радовались, как дети, которым удался лихой налет на чужой огород. Два неприятельских корабля взяли! Небывалая виктория — первая морская победа! На всякий случай царь велел боярину Стрешневу порыться в московских архивах — не было ли чего-нибудь подобного в прежние времена? Стрешнев отписал, что во всем Разряде ничего такого не сыскано: «И еще в сундуках станем искать, а чаю, сыскать нечего: примеров таких нет». То, что грозные шведские корабли были всего-навсего большими лодками, царевой гордости не убавляло. Бомбардирского капитана Петра Михайлова и поручика Меншикова фельдмаршал Шереметев пожаловал Андреевскими кавалерами, офицеры получили золотые медали с золотыми же цепями, солдаты — медали

без цепей. На радостях начались бои с Ивашкой Хмельницким, и злодей Ивашка всю компанию пошиб.

Петр был счастлив: на третий год войны он наконец-то стоял у моря.

16 мая на одном из островков невского устья застучали топоры — это солдаты и рабочие закладывали деревянный городок Санкт-Питербурх: шесть бастионов, обнесенных стеной и валом. Одновременно рядом, в Лодейном поле, сооружали морскую верфь. Земляными работами занимались пленные шведы. Несколько позже к ним присоединились русские, татары, калмыки и другие инородцы, присланные из внутренних губерний. Все они делились на два разряда: казенные рабочие получали только пищу, а вольные и плату — три копейки в день. Сначала у них не было ни лопат, ни заступов, ни тачек. Не было и земли, нужной для возведения укреплений, — кругом расстилались болота, топи, подернутые тиной и зыбкой моховиной, и приходилось таскать землю из дальних мест в старых мешках, рогожах или просто в полах платья. Не лучше обстояло дело и с провиантом для рабочих. Покупать хлеб на месте, в разоренных войной деревнях и мызах, нечего было и думать. Рабочие голодали, довольствуясь капустой и репой, почти вовсе не видя хлеба.

Полуголодная жизнь в шалашах, посреди болот, в сыром климате обыкновенно заканчивалась лихорадкой, горячкой или цингой. Иностранцев поражало равнодушие русского простонародья к смерти. Когда кто-нибудь из рабочих заболел, то просто ложился на голую землю, отказываясь от лекарств и мало заботясь о том, выживет он или умрет. Умершего клали где-нибудь на видное место и зажигали рядом восковую свечу, чтобы собрать подавание на погребение. Набрав достаточно денег, тело завертывали в рогожу, обвязывали, как мешок, веревкой, клали на носилки, и двое мужиков несли умершего на кладбище. Порой по дороге несколько раз опускали тело на землю, затепливали свечу и снова собирали скудное даяние...

Скоро берега Невы покрылись невзрачными деревянными домиками, на которые русским — и боярам, и простолюдинам — было тошно смотреть, не то что жить в них. Но Петр не мог налюбоваться новым городком. Гавань на Балтике! Рай! Парадиз!

Выйти в море, однако, все еще было нельзя — на горизонте постоянно маячила шведская эскадра Нумерса. Не был безопасен Петербург и со стороны суши. В июне шведский генерал

Крониорт пошел разорять новую русскую крепость. Петр лично вышел ему навстречу с четырьмя конными полками и в жарком бою на реке Сестре отбил, порубив с тысячу шведов.

С берегов Сестры царь сразу же отправился в Лодейное поле, спускать на воду готовые корабли. Между тем наступила осень, и шлиссельбургский и шлотбургский губернатор Меншиков впервые познакомился с петербургским октябрём: солнца давно нет, страшный ветер и дождь целый день, воды с моря набивает столько, что иной день и рухлядь в домах подмокает... Тяжко стало Данилычу в столь гнилом месте одному, без компании, и он, с обычными шутками, звал к себе Петра, который в это время катался по Ладожскому озеру: «Не ведаем, для чего так замешкались; разве тем замедление чинится, что ренского у вас, ведаем, есть с бочек десять и больше, и потому мним, что, бочки испраздня, хотите сюда приехать... О сем сожалею, что нас при том не случилось».

Бочки с рейнским испразднили не скоро. Когда Петр возвратился в Петербург, Неву уже прихватил ледок. Невзирая на это, царь едет на море и около Котлина меряет морскую глубину: здесь будут батареи, оборона Петербургу. Своими руками он делает модель новой крепости — Кроншлота — и едет в Воронеж, посмотреть исправность азовской флотилии.

В ноябре явился в устье Невы первый иностранный купеческий корабль с солью и вином. На радостях петербургский губернатор Меншиков угостил на славу храброго шкипера, не побоявшегося шведских каперов и подарил ему 500 золотых; матросам выдали по 30 талеров.

А Шереметев этой осенью забирал у шведов города и городки. Петр в письмах нахваливал фельдмаршала: «Музыка твоя хорошо играет: шведы горазды танцевать и фортеции отдавать». Вся Ингрия была в руках у русских. Зимовать Шереметев ушел в Эстляндию, как в прошлом году в Лифляндию. Гости были прежние — казаки, калмыки, башкиры, — и гостили они по-прежнему. Шлишпенбах в очередной раз бежал, города Везенберг, Вейзенштейн, Феллин, Обер-Пален, Руин были превращены в груды золы. Скота и людей было взято вдвое против прошлого года.

Карла мало заботило разорение его прибалтийских владений. На тревожные доклады Пипера он равнодушно отвечал: «Успокойтесь, мой дорогой Пипер, ведь противник не сможет унести крепости с собой. Чем больше крепостей занял царь,

тем больше славы мы добудем, вернув их». Как когда-то в Стокгольме, он был вновь увлечен охотой, только зверь на этот раз был покрупнее — польский король. Карл травил Августа по всей Польше: в Торне, Пултуске, Львове — и все никак не мог обложить его. Тем временем варшавский сейм низложил Августа и возложил польскую корону на молодого познаньского воеводу Станислава Лещинского. Верные Августу вельможи собрали в Сандомире свой сейм, на котором объявили избрание Станислава незаконным.

Сейм воевал с сеймом, Карл с Августом, шляхтичи, засыпая вечером, не знали, сторонниками какого короля они проснутся наутро; Лещинский, глядя на все это, хлопал глазами. Конца польскому безнарядью не предвиделось. Война, превратившаяся поначалу в охоту, вырождалась в длительное взаимное кровососание.

Народ дивился на огненные фейерверки, возжигаемые в Москве по случаю взятия лифляндских и эстляндских городов, плевал вслед пленным шведам, которых солдаты проводили под триумфальными арками с голыми эллинскими идолищами, и, угощаясь даровым вином, выкрикивал здравицы и многолетие царю Петру Алексеевичу. Но когда рядом не было посторонних ушей, в домах и трактирах шли совсем другие разговоры. Крестьяне роптали: «Как Бог его нам на царство послал, так мы и светлых дней не видали, тягота на мир, рубли да полтины на подводы, отдыху нашей братии, крестьянству, нет!» Сын боярский делился своими горестями: «Какой-де он государь! Всю нашу братию на службу выволок, а людей наших и крестьян в рекруты забрал, никуда от него не уйдешь, все распропали на плотах в Азове и Питербурхе... И как это его не убьют? Вот как бы убили его, так бы и служба миновалась, и черни было бы легче». Солдатские жены всхлипывали: «Какой он царь! Он крестьян разорил с домами, мужей наших забрал в солдаты, а нас с детьми осиротил и век плакать заставил». «Какой он царь! — подхватывал холоп. — Он враг, омок мирской. Сколько ему по Москве ни скакать, а быть ему без головы». Монах крестился: «Навешал государь стрельцов, что полтей³⁷,

³⁷ *Полть* — половина свиной туши.

а уж ныне станет их солить». Нищий вздыхал: «Немцы его обошли, час добрый найдет — все хорошо, а иной найдет — так рвет и мечет. Да вот уже и на Бога наступил — с церковью колокола снимает!» И все хором вопили: мироед — весь мир переел, а на него, кутилку, переводу нет, только он переводит добрые головы!

Поминалось, ох поминалось цареву имя все и не все недобрым словом. Надевает посадский человек новую шубу, сшитую по иноземному образцу, и, не попадая долго в рукава, вдруг выпаливает со злобой: «Кто это платье завел, того бы повесить!» А жена его поддакивает супругнику: «Прежние государи по монастырям ездили, Богу молились, а нынешний государь только на Кукуй ездит». Другой посадский, уплатив царским мытарям корабельные и ратные деньги, со скрежетом зубовным шипит: «Так бы, кажется, своими руками его и удавил!» Ну кому нужна эта долголетняя война, от которой все пришли в конечное разорение? Положим, и царь Алексей Михайлович вел долгую и тяжелую войну с поляками, но зато православных черкас защитил от унии и Киев добыл, а теперь столько крови проливается и казны тратится — и все из-за какого-то губительного болота!

Один свет в окошке — государь царевич. При упоминании о нем суровые лица светлели. На него одного надежа. Окружил себя царевич благочестивыми людьми и ведет борьбу с боярами, потаковниками подмененного царя. Гуляет, например, царевич на Москве с донскими казаками и, когда увидит которого боярина, так и мигнет казакам, а те, ухватя боярина за руки и за ноги, бросят в ров. Нынче нет у православного народа государя, а про того, кто сейчас всеми владеет, и царевич говорит, что-де он ему не батюшка и не царь.

Алеша рос испуганным и недоуменным мальчиком. Его детский ум был подавлен обилием совсем недетских впечатлений, не в силах рассортировать и осмыслить их. О чем бы ни пытался он думать, перед его мысленным взором сразу вставала грозная фигура отца, заслоняя собой вещи, людей и события, делаая их загадочными и непонятными. Но загадочнее и непонятнее всего остального был сам отец. Прежде всего он по каким-то причинам не любил матушку, всегда хмурился и сердился, когда появлялся дома, потом и вовсе заточил ее в монастырь. Алеша

разлучился с матерью в слишком нежном возрасте, чтобы питать к ней какие-либо другие чувства, кроме благоговейных воспоминаний. Любое ее слово он хранил в душе, как святыню, а почти все, что он слышал от нее, исчерпывалось жалобами на отца, проклятиями испортившим его немцам и укорами всему отцовскому делу. Сам Петр, бывавший в Москве редкими наездами, строго осведомлялся об успехах царевича в науках, тащил его с собой в токарню и уезжал, прибавив сыну страха и недоумения. Алеша проводил целые дни, выдумывая, каким образом подластиться к отцу при следующем свидании, но, когда им снова случалось встретиться, беспомощно терялся от страха перед ним и прятал свое отчаяние под броней тупой одеревенелости...

Его безрадостное детство прошло на женской половине дворца, под придирчивым надзором тетки, царевны Натальи Алексеевны, и ее боярынь. Алеша сознавал, что основной их обязанностью было сторожить его от матери, пресекать любые попытки общения с ней. Общество этих бессердечных женщин было порой невыносимо, но он ни разу не взбунтовался против него. Подчиняться им было для него так же естественно, как пить, есть и спать. Строгость надзора лишала его даже видимости своеволия в поступках. Эта вечная стесненность навсегда испортила его характер, не дав ясного развития ни одной из его черт. Мысли и стремления Алеши были скованы не менее его поступков узостью кругозора и ограниченностью желаний. Где-то в глубине души и в нем дремала смутная потребность в свободе, но он не мог представить иного средства ее обретения, кроме бегства — впрочем, и оно было для него неосуществимо...

Вступление в отроческий возраст вызволило его из ненавистного гинекея, но учителя и воспитатели были так же мало способны дать ему душевное тепло и пищу для ума, как и теткинское окружение. Грамоте царевича обучал Никифор Вяземский, славившийся как отличный грамотей и словесной мудрости ритор, умевший писать и говорить необыкновенно пышно и широко-вещательно. Оправдывая свою славу, Вяземский известил царя о начале занятий с царевичем необычайно цветистым письмом: «Приступил к светлой твоей деннице, от тебя умна солнца изливающей свет благодати, благословенному царских чресл твоих плоду, светлопорфирному государю царевичу, сотворих о безначальном альфы начало, что да будет всегда во всем забрало благо...» Других достоинств Вяземский не имел, был человек сла-

бохарактерный и нудный, и, когда царевичу надоедал его веле-речивый слог, он просто-напросто лупил учителя и прогонял его.

Когда Алеше пошел десятый год, Петр задумал послать его учиться за границу, в Дрезден, к новому своему приятелю и союзнику королю Августу, но стремительные успехи Карла помешали этому намерению. К царевичу пока что приставили ученого немца Мартина Нейгебауэра для наставлений в науках и нравов. Общий надзор за воспитанием сына Петр поручил своим любимым денщикам, Данилычу и «дедушке» Кикину. Новый учитель годился лишь для того, чтобы служить предметом нескончаемых насмешек. Нейгебауэр непременно желал состоять при царевиче в звании гофмейстера, чтобы иметь в подчинении русских «кавалеров». Однако это назначение не состоялось, и русские «кавалеры», обнаружив у немца этот пунктик, при всяком удобном случае доводили его до белого каления своими издевками. «Га-га, смотрите, гофмистр!» — дразнили они его. Это намеренное коверканье заветного звания приводило Нейгебауэра в ярость. Он швырял в обидчиков чем ни попадя, кричал: «Собаки, собаки, ферфлюхт, варвары, гундсфот!»

Однажды за обедом, в присутствии царевича, Нейгебауэр повздорил с Вяземским и стал грозить вытолкать его из-за стола. Вяземский важно возразил, что ничего этого немец сделать не может, потому что сам он подчинен Александру Даниловичу и все здесь только Александра Даниловича знают. Нейгебауэр, вспыхнув, закричал свое: «Варвары, собаки!» — бросил нож и вилку прямо перед царевичем и даже схватился за шпагу. Вяземский остался спокоен: «Хоть бы ты и гофмистром был, а так бы за столом не бросал и не бранился!»

Услышав ненавистное слово, Нейгебауэр завизжал, брызгая слюной: «Собаки, собаки! Я вам покажу! Как Бог мой жив, я вам отомщу!» — и выбежал вон. Оказалось — навсегда. Когда все случившееся достигло ушей царя, он велел выслать немца за границу. Разобиженный, Нейгебауэр отомстил тем, что выпустил в Германии брошюру, в которой писал, что царь и бояре обращаются с честнейшими и храбрейшими иноземными офицерами как со щенками, дают им пощечины, подвергают палочным ударам, плюют в лицо. Не довольствуясь этой брошюрой, он обещал издать подробное описание нравов русского народа, его обманов, идолопоклонства, наглости, рабства, жестокости, неблагодарности, ненависти к иноземцам, лени, неверности;

особенно обещал распространиться о подвигах Меншикова с немками, которых потом брюхатыми навязывают немецким офицерам. Брошюра эта сильно подпортила кровь Петру.

На смену Нейгебауэру пришел доктор прав барон Генрих Гюйсен, рекомендованный царю из Вены Паткулем. Гюйсен попытался внести в беспорядочное образование царевича некую систему. По его плану, представленному Петру, царевич должен был каждое утро и вечер прочитывать две главы из Библии — так, чтобы Ветхий Завет был пройден один раз, а Новый — дважды. Вместе с тем ученик должен был полгода посвятить исключительно изучению французского языка как наиболее легкого и употребительного, взяв за руководство грамматику, изданную для французского дофина. В часы отдыха царевичу следовало показывать карты и рисунки из географического атласа, приучать его понемногу к употреблению циркуля, знакомить с началами арифметики и геометрии, упражнять в фехтовании, танцах и верховой езде; для забавы занимать умеренной игрой в труктафель и балгауз. В течение последующих двух лет предполагалось начать с ним изучение истории и географии как истинных оснований политики, продолжать математику, учить слогу и чистописанию, читать Пуффендорфово сочинение о правах и обязанностях человека и гражданина и обучать военным экзерцициям. В завершение всего изложить царевичу о всех политических делах на свете, об истинной пользе государств, об интересах государей Европы, познакомить с военным искусством — фортификацией, навигацией, артиллерией и составить комнатную библиотеку на французском языке.

Петр одобрил план, и учение началось. Гюйсен давал царю самые лестные отзывы о своем ученике, писал, что царевич много читает, делает выписки из прочитанного, советует учиться своим сверстникам; прочел шесть раз Библию: пять раз по-славянски и один раз по-немецки; прочел всех греческих отцов церкви и все духовные и светские книги, которые были переведены на русский язык; по-французски и по-немецки говорит и пишет очень хорошо. Царевич, по словам учителя, разумен выше своего возраста, тих, кроток, благочестив. Вот только математика и военные науки даются ему плохо, а военных экзерциций и фехтования он просто не переносит. Петр чуял в этих избирательных успехах сына какой-то смутный протест, и не без основания.

Приезды Петра в Москву теперь превращались для Алеши в настоящую муку, потому что царь экзаменовал его преимущественно в тех науках, которые вызывали у него отвращение. Встретив небрежение и нерадение, Петр, не задумываясь, пускал по привычке в ход дубинку и кулаки. Юноша все больше тосковал по матери, не теряя надежды хотя бы на краткую встречу с ней.

Царица Евдокия между тем носила одежду инокини не более полугода. Постригли ее тайно — не в церкви, а в келье, и потому в Суздальском Покровском монастыре не знали об ее иноческом чине. Для русских людей она оставалась законной царицей. (Впрочем, даже постриженные царицы и царевны при желании вели в монастырях вполне светский образ жизни.) Нарядившись в телогрею и повойник, она принимала у себя в кельях гостей и выезжала в окрестные монастыри, молиться за царевича Алексея Петровича.

В январе 1704 года она простудилась и слегла. Узнав о ее болезни, царевич не выдержал — помчался в Суздаль, невзирая на строгое батюшкино запрещение видаться с матерью. Наговорились и наплакались вдоволь. На обратном пути Алеша неотступно думал об одной истории, вычитанной недавно в Несторовой летописи. Когда князь Владимир проведал о том, что жена Рогнеда покушалась на его жизнь, то приговорил ее к смерти. Но, войдя в ее покои, чтобы своими руками убить ее, князь встретил своего сына, малолетнего Изяслава, который, подавая ему меч, сказал: «Разве ты думаешь, что ты здесь один?» История не шла у Алеши из головы. А вот батюшка, похоже, думает, что он один...

Царевна Наталья Алексеевна сразу донесла брату о свидании царевича с матерью. Петр немедленно вызвал сына для отчета к себе, под Нарву, где в то время находился с войсками. Пусть, кстати, и привыкает к походной отцовской жизни. Может, выучится фортификации и артиллерии хоть на практике...

Русская армия расположилась под Нарвой в тех же местах, что и четыре года назад. Гарнизон командовал тот же самый генерал Горн, который и на этот раз не сомневался в неприступности городских укреплений — ведь гарнизон увеличился втрое против прежнего. Кроме того, комендант пребывал

в уверенности, что ему и теперь придется иметь дело не с обученной армией, а с наспех собранной толпой московитов. Комендантов Ниеншанца и Нотебурга, подписавших почетные капитуляции, Горн держал в тюрьме как изменников.

Но что-то все-таки изменилось. Прежде всего, на выручку Нарве шел уже не шведский король, а Шлиппенбах, который, будучи отучен Шереметевым от лихих налетов, не очень-то и спешил. Только 8 июня Горн, стоя на башне с подзорной трубой, различил вдали, на Вейсенбергской дороге, синие мундиры, шляпы с белой обшивкой и желто-белые знамена. Русские вывели навстречу неприятелю несколько полков, оба войска сблизились и потонули в клубах порохового дыма и пыли. Было слышно, как шведы стреляют залпами, а русские отвечают беспорядочным огнем. Горн распорядился послать навстречу Шлиппенбаху тысячу человек под командованием полковника Лоде. Ворота Нарвы открылись, и шведы под барабанный бой двинулись со штыками наперевес к месту боя. Завидев у себя в тылу противника, русские начали отступать. Передовой драгунский эскадрон Лоде вплотную приблизился к войскам Шлиппенбаха и соединился с ними. Дальше произошло что-то непонятное — солдаты Шлиппенбаха окружили и стали колоть и рубить нарвских драгун! Когда Лоде понял, в чем дело, было уже поздно: его отряд находился слишком далеко от Нарвы. Семеновский и Ингерманландский полки, переодетые шведами, учинили под стенами крепости настоящую бойню; назад в Нарву вернулось не более половины вышедших в поле солдат.

Хохот, раздававшийся этим вечером в русском лагере, был ничуть не тише того веселья, которое царило в Нарве четыре года назад. Петр без конца сыпал шутками. Высокочтимым господам шведам показан зело изрядный нос! А все потому, что пред их очами гора гордости стояла...

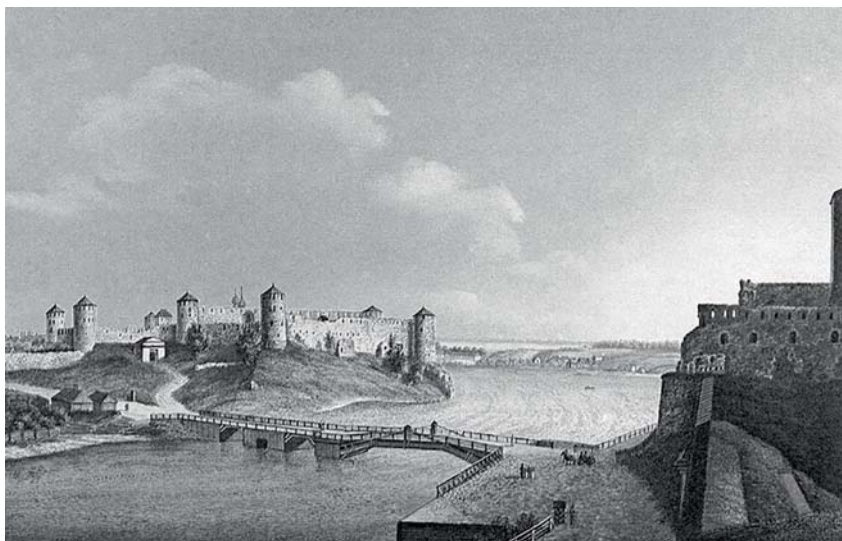
Настоящий Шлиппенбах был разбит несколькими днями позже. Он бежал в Ревель и известил оттуда Горна, что уже не имеет достаточных сил выйти в поле.

20 июня под Нарву прибыл фельдмаршал Георг Бенедикт Огильви, нанятый в Вене Паткулем на русскую службу за сумасшедшие деньги — 12 000 рублей в год. Царь хоть и крикнул, но условия фельдмаршала принял. Ладно, главное — смыть с себя позор — взять Нарву. Огильви было вручено командование всей армией. Однако новый главнокомандующий, ознако-

мившись с ходом осадных работ, нашел, что Нарва неприступна и для успеха под ее стенами следует сосредоточить по меньшей мере армию в 70 000 человек. Его величество поступит мудро, убеждал он Петра, если пока сосредоточит усилия на Ивангороде. Петр досадливо морщился. Да что они заладили — что Кроа, что этот: Ивангород, Ивангород... Падет Нарва — Ивангород сам откроет ворота. Не слушая советов Огильви, он приказал артиллерии пробить брешь в нарвских бастионах.

Русские орудия открыли канонаду, не прекращавшуюся ни днем ни ночью. Круглые сутки в город с неба падали ядра, пробивая потолки, разнося вдребезги крыши, так что в дома градом сыпалась черепица; раскаленные чугуны кругляши отскакивали от каменных стен и мостовых и с грохотом катились по улицам, пока не встречали на своем пути другую стену, колонну, балюстраду или человека. В воздухе стоял запах сухой извести, штукатурки, пепла и гари, от которого саднило в горле и щипало глаза. Даже в полдень на улицах Нарвы царил полумрак. В городе полыхали пожары, взлетел на воздух арсенал; на десятый день рухнула стена одного бастиона, а во втором появилась брешь. Но Горн упорствовал. В ответ на предложение о почетной капитуляции до штурма он обругал русского парламентаря последними словами.

*Вид на Нарву и Ивангород.
Неизвестный художник, первая четверть XIX века*

9 августа русская армия сосредоточилась вaproшах. Шведы не ожидали штурма средь бела дня — спустя всего три четверти часа после сигнала об атаке русские ворвались в крепость. Сильно поредевший шведский гарнизон укрылся в Старом городе, бросив жителей Нарвы на произвол судьбы. Картина всеобщей резни и грабежа была столь ужасной, что Горн, поднявшись на стену, лично ударил в барабан о сдаче. Но унять разъяренных русских солдат было уже невозможно, они не щадили ни женщин, ни детей. Вскоре запылал и Старый город. Стрельба, крики, стоны, рев пламени, грохот рушащихся зданий — все слилось в один ужасный гул...

Наконец, спустя два часа после начала штурма, в гибнущий город въехали Петр и Огильви. Они немедленно распорядились трубить на всех улицах, призывая разбежавшихся солдат вновь собраться под свои знамена. Возле магазинов и складов были выставлены караулы. Петр не чурался самых крутых мер, чтобы остановить грабеж: одного мародера лично заколол шпагой. Войдя затем в городскую ратушу, он бросил окровавленное оружие на стол перед побледневшими бургомистрами: «Не бойтесь, это русская, а не шведская кровь!» Этой же шпагой он размахивал перед носом у Горна, взятого в плен на валу Старого города: «Это из-за твоего упрямства я должен убивать своих солдат!» Отвесив старому гордецу крепкую пощечину за хулильные слова, сказанные парламентару, царь приказал препроводить его в тюрьму, где раньше сидели пленные русские солдаты и коменданты Ниеншанца и Нотебурга. Жена Горна погибла во время общей резни, и тело ее было брошено в Нарву и унесено в море вместе с тремя тысячами трупов, подобранными на нарвских улицах.

Ивангород сдался через неделю.

Царевич Алексей, приехавший по вызову отца под Нарву, находился в русском лагере в звании солдата бомбардирской роты — Петр желал, чтобы он шаг за шагом повторил его карьеру. Однако тринадцатилетний юноша большую часть времени проводил в своей палатке за духовным чтением и совсем не горел желанием копать траншеи и закладывать батареи. Вечером 9 августа, возвратившись в лагерь, Петр вызвал его из рядов Преображенского полка.

— Сын мой! — сказал царь. — Я взял тебя в поход, чтобы показать тебе, что я не боюсь ни труда, ни опасностей. Я сегодня или

завтра могу умереть, но знай, что мало радости получишь, если не будешь следовать моему примеру. Ты должен любить все, что служит к благу и чести Отечества, должен любить верных советников и слуг, будут ли они чужие или свои, и не щадить трудов для общего блага. Помни, что если советы мои разнесет ветер, то я не признаю тебя своим сыном: я буду молить Бога, чтобы он наказал тебя в этой и будущей жизни.

Алексей со слезами схватил отцовскую руку и припал к ней губами. Он будет покорным сыном, но он еще так молод для войны... Ему бы хотелось пока жить в Москве, учиться... Петр раздраженно вырвал руку и приказал ему занять свое место в строю.

Но спустя минуту лоб царя разгладился, и его снова захватила безудержная радость. Отложив шпагу, он сел за перо, каламбурил: «Нарву, которая 4 года нарывала, ныне, слава Богу, прорвало...» Московская компания радовалась победе. Стрешнев писал: «За сию победу в Москве молебствовали и из пушек стреляли; народу множество было, и в церковь не вместились: столько николи не помню».

Тем же летом пал Дерпт. Огненный пир продолжался всю ночь, солдат насилиу уняли. В то же время славный городок Питербурх в очередной раз отбился от шведов.

Счастливым 1704 год бомбардирский капитан Петр Михайлов дожил царем в Москве, празднуя возвращение под свою руку старых отеческих городов. Все, слава богу, в добром порядке, весело и изрядно. А швед все еще с головой увяз в Польше...

Цель войны была достигнута: Петр овладел Ингрией, основал гавань в устье Невы, взял Нарву и Дерпт, запустошил вконец Лифляндию и Эстляндию. Больше нечего было желать от шведа. Захочет мириться, можно кинуть ему кость — Нарву или Дерпт; не захочет ничего уступить — трудно ему будет стоять под крепостями в разоренной стране. А его, Петровы, люди бодры и учреждены.

Оставалось помочь горе-союзнику, польскому королю, достойно закончить войну.

В середине июня 1705 года Петр приехал в Полоцк. Здесь его дожидалась многочисленная и блестящая армия: 40 000 пехотинцев, 20 000 кавалеристов, 300 пушек и мортир; по уверениям

иноземных офицеров, больше и лучше армии не было ни в одной немецкой земле. Командование ею было поделено между двумя фельдмаршалами — Шереметевым и Огильви. Послужной список немца выглядел, конечно, внушительнее, но Шереметеву царь доверял: зря не погубит армию. Борис Петрович полководец хоть и не блестящий, зато основательный, в поход отправляется лишь тогда, когда уверен, что последняя пуговица пришита к мундиру последнего солдата. Кроме того, после Нарвы царь взял за правило не вручать командование армией одним иноземцам.

На военном совете было решено отправить Шереметева в поход против корпуса генерала Левенгаупта, шедшего в Курляндию. Ему надлежало отрезать шведа от Риги, а в генеральную баталию отнюдь не вступать — несмотря на победы последних лет, Петра все еще бил нарвский озноб.

Пребывание царя в Полоцке началось весело, закончилось печально. Вечером 30 июня, в день своих именин, после пира у литовского вельможи Огинского, Петр с немногочисленной свитой посетил униатский базилианский монастырь. В костеле он пожелал пройти в алтарь, но униатские священники запретили ему, как противнику истинной веры, осквернять их святилище. Униаты и без того вызывали у Петра раздражение тем, что тайно, а то и явно поддерживали шведов. Царь, однако, смолчал и подчинился их требованию. Он принялся разглядывать образа и остановил свое внимание на одном из них, изображавшем святого с топором в голове. Эта икона была украшена гораздо пышнее других. Петр задумался. Что-то он не помнит такого святого... Подозвав священника, царь осведомился, чей это образ. «Священномученика нашего Иосафата» — был ответ.

— Кто его убил?

— Ваши схизматики и богоотступники.

Гнев и винные пары затуманили царю голову. Выхватив шпагу, он на месте уложил священника и крикнул свитским, чтобы они арестовали других церковнослужителей. Возникла потасовка, в которой погибло четверо униатов. Еще одного повесили позднее. Наутро, протрезвев, Петр тщательно отредактировал официальное сообщение об этой резне, вымарав всякое упоминание о своем участии в ней. В Ватикане, наоборот, расписали случившееся самыми мрачными красками, приписав царю собственноручное убийство дюжины униатов.

А спустя три недели, 22 июля, пришло донесение от Шереметева, что он имел несчастное сражение с Левенгауптом у Мурманьы и потерял всю артиллерию. Правда, и у шведов полегло больше половины людей.

Петр бросился наперерез Левенгаупту к Риге, но тот опередил его и благополучно переправился через Двину. «Мы здесь великое несчастье имеем, — сокрушенно сообщил царь в Москву, — понеже господин Леингопт, яко Нарцисс от Эха, от нас удаляется».

На Севере дела что-то не складывались, на Юге была и вовсе беда — вспыхнул бунт в Астрахани. Тамошнее дурачье решило ни с того ни с сего, что в скором времени девицы брачного возраста будут выданы замуж за иноземцев. Во избежание такого надругательства астраханцы срочно женились на приспевших в возраст девках. В воскресенье 30 июля было враз сыграно сто свадеб. Перепившиеся стрельцы ночью ударили в набат, началась резня начальных людей и иноземцев... Усмирять бунт поехал Шереметев.

Расстроенный, Петр оставил армию и отправился проведать Москву и парадиз.

К петербургской гавани теперь пришвартовывалось ежегодно несколько иностранных судов. Они появлялись осенью, когда эскадра Нумерса уходила из-за непогоды от неевского устья к Выборгу.

В октябре 1705 года капитан одного из таких судов — голландского фрегата — получил, по обыкновению, приглашение на банкет в доме петербургского губернатора. Но прежде ему пришлось уступить настойчивым просьбам лоцмана, который вводил корабль в гавань, зайти к нему пообедать. Домик лоцмана был довольно невзрачный — одноэтажный, бревенчатый, состоявший всего из трех комнат: спальни, столовой и кабинета; в нем не было ни печей, ни дымоходов, как будто лоцман жил здесь только летом. В то же время было видно, что хозяин непременно желал, чтобы его жилище походило на европейский дом: слюдяные окна были большими, с переплетами на голландский манер, кровельная дранка была уложена и покрашена так, что создавала видимость черепицы, а обтесанные бревенчатые

стены были раскрашены под кирпичную кладку. Но в целом дом был убогий и какой-то низкий, словно выросший в землю, — рослый лоцман при желании мог бы достать край крыши рукой.

Молодая жена лоцмана потчевала гостя всеми традиционными блюдами русской кухни. Не желая остаться в долгу, капитан в конце обеда вынул из дорожной сумки кусок маслянистого сыра, штуку полотна и предложил их хозяйке взамен на разрешение ее поцеловать. Женщина зарделась.

— Не упрямясь, Катя, — сказал лоцман, пощупав материю, — полотно славное, и у тебя выйдут такие рубашки, о каких ты в молодости и не мечтала.

В эту минуту скрипнула входная дверь. Капитан обернулся и обомлел — в дверях стоял петербургский губернатор в расшитом золотом мундире, увешанном орденами, и кланялся лоцману!

У кого в гостях ему случилось отобедать, капитан догадался сам, а вот о лоцмановой жене пришлось попытать знающих людей.

Около года назад, пируя в петербургском доме Меншикова, Петр увидал разбитную девицу, с удовольствием присаживавшуюся на колени то к одному, то к другому гостю; ее теплый грудной голос звучал так обволакивающе, так маняще... Это была Марта Скавронская, бесцеремонно изъятая Данилычем у безропотного Шереметева. К тому времени от пасторского воспитания в ней не осталось и следа, и она казалась чрезвычайно довольной своей новой жизнью.

Царю не стоило большого труда столкнуться с Данилычем насчет его наложницы. Меншиков ловил свое счастье всеми способами, в том числе и бабьим повойником — благо пример Лефорта и Анны Монс стоял перед глазами. Своя баба при царе — это же необыкновенная удача! Марта величественно перекочевала в цареву опочивальню. Вскоре она приняла православие под именем Екатерины Васильевской (царь звал ее Катеринушкой, а чаще — просто маткой). В крестные отцы Петр дал ей не кого-нибудь, а своего сына. Царевич Алексей с большой неохотой подчинился отцовскому требованию. Не успел батюшка одну немку с рук сбить, как уже другой обзавелся...

Народ и солдатовство новую связь царя не одобрили. Пошли толки: не подобает Катерине на царстве быть — она не природная государыня и не русская, а взята в полон и приведена под

знамя в одной рубаше, и караульный офицер из жалости надел на нее кафтан... Она с Меншиковым его величество кореньем обвели. Жаль, что на сю пору в Питербурхе нет солдат — губернатор их всех разослал, а то бы над ним с Катериной что-нибудь да было!..

Катеринушка в самом деле как будто обвела Петра: в разгар войны, терпя жестокую нужду в деньгах, скуповатый царь выдал ей аж три тысячи рублей в год на содержание — генеральское жалованье! Да еще и слал подарки — материю, кольца, часы, «устерсы» — в том числе, в каком мог сыскать... В письмах выказывал постоянную заботу о «сердешненьком друге» и беспокоился о ее «непраздности» (в 1705 году Екатерина уже была беременна). В общем, тосковал.

Но Екатерина присушила царя без всякой ворожбы. В отличие от своей предшественницы, простодушная воспитанница Глюка умела дарить, а не только продавать себя. Из всех евангельских заповедей, слышанных ею в мариенбургской церкви, она, по-видимому, твердо усвоила лишь одну: будьте как птицы небесные, не заботьтесь о завтрашнем дне. Екатерина так и жила — одной настоящей минутой. Она была сама непосредственность, не ведавшая ни тревожных забот, ни мучительных сомнений, убежденная в том, что веселье лучше богатства. С нею в жизнь Петра вновь ворвалась радость. Екатерина, кстати, и ловко умела распотешить царя то всешутейшим князь-папой, то всей сумасбродной конклавией, то бойкой затеей во время пирушки, в которой и сама никогда не затруднялась принять живейшее участие — пьяницей была отменной, будто созданной на пару с дьяконом Пахомом. Не будучи записной красавицей, она никогда и не имела претензии ею считаться, но в ее полных плечах, роскошной высокой груди, в бархатных — то затуманенных, то горящих огнем — глазах таилось столько жгучей страсти, что царю и в голову не приходило отыскивать в ней какие-то несовершенства. И главное — она умела являть горе к его горю, радость к его радости; эта безграмотная женщина так искренне жила его заботами и нуждами, что Петр с удовольствием делился с ней политическими новостями и предположениями на будущее. Не то чтобы он ждал от нее советов, просто ему было приятно это внимание.

Так было и теперь, после возвращения царя из Полоцка. Положив его голову себе на грудь, Екатерина ласково поглаживала

ему виски. Почему государь закручинился? Может, нездоров? Прикрыв глаза, Петр жалобно вздыхал. Он, слава богу, здоров, только зело тяжко жить, ибо он не левша — в одной руке принужден держать шпагу и перо. А помощников сколько, она сама знает!..

Меншиков и Огильви увели войско на зимние квартиры в Гродно, куда явился и Август. Петр отправился зимовать в Москву. По пути простудился — вздулась щека, и лихорадило так жестоко, что он совсем ослабел. А дела передышки не давали. В январе стало известно, что Карл со всей армией движется на Гродно. Петр спешно отправил к Меншикову и Огильви гонца с приказом вывести войско из города, а в генеральную баталию со шведом отнюдь не вступать. Сам двинулся следом кое-как, малыми переходами.

Но Карл опередил царского посланца. Он появился под стенами Гродно внезапно, застав русских врасплох. Отступать было поздно, о генеральной баталии Меншиков и Огильви даже и не помышляли. Август еще успел улизнуть из города под прикрытием четырех драгунских полков, пообещав привести подмогу — своих саксонцев; уехал поторопить царя и Меншиков. Остальная русская армия заперлась в крепости. Напрасно Карл ежедневно выводил полки из лагеря, вызывая неприятеля на бой, — ворота Гродно оставались наглухо закрытыми. Шведы мерзли в строю, мерзли и в лагере, разбитом прямо посреди заснеженного поля. Король жил, как и все, в палатке, в которую для обогрева изредка приносили раскаленные ядра. Наконец, признав невозможность штурма, Карл увел солдат на зимние квартиры, в двух переходах от Гродно.

Петр, переведя дух, остановился в Смоленске.

В феврале 1706 года над гродненской армией вновь нависла угроза. Саксонцы генерала Шулленбурга, шедшие на выручку русским, напоролись у городка Фрауэрштадт на шведский корпус генерала Рёншельда. Шведов было вдвое меньше, и у них не было ни одной пушки. Но Рёншельд не колеблясь атаковал Шулленбурга. Сражение продолжалось четверть часа. Саксонцы в панике бежали, бросив на «поле боя» семь тысяч неразряженных ружей. Только четыре полка русских драгун, вышедшие

с Августом из Гродно, на протяжении четырех часов стойко отбивали натиск шведов. В отместку за это Рёншельд распорядился умертвить всех русских пленников — около 500 человек³⁸. Избиение бегущих завершилось бойней пленных.

Петр совсем упал духом. Накануне Лазаревой субботы он отписал Апраксину: «О здешнем писать после баталии саксонских бездельников нечего; только мы с приближающимся Лазарем купно в адской сей горести живы, дай Боже воскреснуть с ним». Царя одолевали тяжелые мысли: надеяться на саксонцев более нечего, теперь война на одних нас обрушится.

Сдав войско Меншикову, Петр в самом мрачном настроении уехал в Петербург долечиваться.

В марте он вздохнул свободнее, получив ободряющую новость о том, что войско невредимым вышло из Гродно. Вскрытие Немана на целую неделю задержало Карла под городом. Когда же шведы переправились на другой берег, русские были уже далеко, а дороги оказались загрожены засеками и завалами. Тем не менее Карл шел по пятам русской армии до самой Белоруссии. Только в Пинске, увидав с городской стены перед собой необозримые болота, он повернул назад. Утвердив всю Польшу за Лещинским, он шел теперь в Саксонию, чтобы окончательно поразить Августа.

Меншиков звал царя в Киев, где остановилась на отдых армия, но Петр уже не спешил. Опасность разгрома миновала, и он вновь обрел свое обычное шутливое настроение, слал Данилычу поклоны от себя, Катеринушки и любимой собачки Лизетты. Письма Данилыча лежали на царском столе нераспечатанными. Даже весеннее наводнение в его парадизе не убавило царской веселости. «Зело было утешно, — писал Петр Меншикову, — что люди на кровлях и по деревьям, будто во время потопа, сидели, не только мужики, но и бабы». В конце письма, возвращаясь к делам, сообщал, что прибудет в армию в начале мая, «а ранее того невозможно, ей, не для гулянья, но дохтуры так определили, что по пускании крови жильной, которая вчерась отворена, две недели на месте принимать лекарство...».

³⁸ Это злодеяние породило ответную реакцию в русской армии. Начиная с Фрауэрштадта и вплоть до Полтавского сражения убийства пленных стали обычным явлением в обеих армиях. Эти зверства нельзя оправдать даже нравами эпохи — по военным законам того времени пленных в большинстве случаев перевербовывали.

Хворь, однако, отступала медленно, и он выбрался в Киев не прежде июня. Здесь Петр устроил сразу два дела. Во-первых, в сентябре подходил к концу срок службы Огильви, и царь, недовольный действиями фельдмаршала в минувшую кампанию, не стал возобновлять контракт. А во-вторых, он женил Данилыча на Дарье Арсеньевой, чтобы окончательно развести Александру с Катериноушкой. А то, не ровен час, мало ли что... Старая любовь долго помнится.

В качестве свадебного путешествия новобрачные отправились с войском в Люблин, проведать короля Августа.

За четыре недели Карл еще раз прошил Польшу из конца в конец. Август наблюдал марш шведского короля от Вислы к Одеру, сидя в Кракове, под охраной двух саксонских, двух русских и одного польского полков. Не в силах защитить свои наследственные земли, он в отчаянии просаживал последние деньги на польских панных, оперы и комедии. Русский посланник князь Григорий Долгорукий смотрел на польского короля как на конченого человека. «Надейся на Бога, — писал он царю, — а на поляков и саксонцев надеяться нельзя».

При приближении шведов в незащищенной Саксонии началась паника. Семья Августа, вельможи, двор разбежались из Дрездена по окрестным имперским княжествам. За ними последовали жители столицы и других крупных городов. Лейпциг, например, совершенно опустел. За порожнюю подводу платили бочку золота.

В начале сентября шведы вступили в Саксонию. Города сдавались без боя. Карл остановился в небольшом городке Альтранштадте, недалеко от Люцена, где некогда пал в бою его легендарный предок, «снежный король» Густав Адольф. Осмотрев место последнего сражения своего прадеда, Карл сказал:

— Я пытался жить, как он. Быть может, Бог пошлет мне когда-нибудь такую же славную смерть.

На Саксонию была наложена огромная контрибуция. Ежемесячно Карл выкачивал из нее 625 000 риксдалеров. Каждый шведский солдат получал ежедневно за счет саксонской казны по два фунта мяса и хлеба, две кружки пива и 4 су, а кавалеристы еще и фураж. Не довольствуясь этим, шведы тащили все, что могли. Ограбленные саксонцы умоляли своего курфюрста вспомнить о них и поскорей заключить мир со шведским королем.

Август чувствовал, как неумолимая рука наглого грабителя грубо обшарила его карманы. Никакие денежные подачки царя не могли возместить ему потерю саксонских налогов. Отняв у Августа разом и польскую корону, и Саксонию, Карл поставил его в безвыходное положение. Но открыто заключить мир со шведским королем Август не мог, ибо находился в Польше, под надзором двух русских полков и русского посланника.

Тогда он прибег к тайной дипломатии. Союзнические обязательства? Взор! Нельзя позволить шведскому мальчишке дочиста обобрать себя. В середине сентября в Альтранштадт поехали барон д'Эмгоф и советник Фингстен. Август молил их об одном: привезти ему разумные и христианские условия мира со шведским королем.

Послы прибыли в Альтранштадт ночью и сразу получили аудиенцию. Карл был краток. Саксонский курфюрст желает знать условия мира? О да, они очень разумны и по-христиански справедливы. Саксонский курфюрст навсегда отказывается от польской короны и признает Станислава Лещинского законным королем — раз. Отказывается от союза с Москвией — два. Отпускает всех шведских пленных — три. Выдает изменника Паткуля — четыре. Все. Курфюрст волен подписать их в любую минуту.

Карл проследовал в свой кабинет. Послы пытались поторговаться с Пипером. При всем уважении к особе его величества короля они должны заметить... э... что он предложил не мир, а капитуляцию. Пипер пожимал плечами. Что делать, король никогда не меняет своих решений.

Между тем Петр, воспользовавшись уходом шведов в Саксонию, отправился обеспечивать свой парадиз со стороны Финляндии — добывать Выборг. По осенней распутице полки едва притащились к крепости 11 октября. А как подступили под стены, обнаружился штабной сюрприз: на картах Выборг стоит на суше, а на деле — на протоке, которая тянется аж до Карелии! Извольте осаждать такую крепость, имея всего два мелких судна! Да еще этот умник, всепьянейший князь-папа, советует «воинскими кадилами довольно покадить Выборг, дабы жители его в незабытной памяти имели бытность Вашу». А как тут покадишь, когда вся осадная артиллерия увязла незнамо где? Устроив в городе с помощью мортир несколько пожаров, Петр отступил.

Счастливей был Данилыч, который повел войско в Польшу против оставленного там генерала Мардефельда. Он застал Августа в Люблине. Август смотрел на русские полки, казался очень довольным и немало веселился за столом, однако наедине с Меншиковым зело скучал о деньгах и со слезами жаловался на их отсутствие. Данилыч, уже давно позабывший о такой напасти, добродушно известил царя: «Так обнищал, что есть нечего; видя его скудость, я дал ему своих 10 000 ефимков». Петр раздраженно ответил: «Король всегда одно: дай, дай, деньги, деньги. Сам можешь знать, каковы деньги и как их у нас мало», но, взяв себя в руки, добавил: «Впрочем, ежели при таком злом случае будет постоянен, надобно его крепко в них обнадежить до моего приезда».

Меншиков не знал, что защищать ему, в сущности, некого: ко времени его прихода Август уже подписал Альтранштадтский договор и перестал быть польским королем. Для Августа прибытие Меншикова было хуже нового вторжения шведов — фактически находясь у него в руках, курфюрст боялся обнаружения своих переговоров с Карлом и одновременно опасался, как бы шведский король не заподозрил, что он ведет двойную игру.

А Данилыч, порываясь скорее очистить Польшу от корпуса Мардефельда, сам не зная того, путал Августу все карты. Курфюрст извивался словно угорь на сковородке, пытаясь услужить двум господам одновременно. Наконец ему показалось, что он нашел выход. Он уведомил Мардефельда о своих переговорах с Карлом, прося не вступать в бой с Меншиковым, а отступить к саксонской границе.

Курфюрст говорил генералу чистую правду и давал разумный совет ввиду численного превосходства русских. Но Мардефельд, не извещенный Карлом ни о чем таком, счел слова Августа хитроумной провокацией и не тронулся с места. 18 октября Меншиков нашел его в Познаньском воеводстве, у города Калиша. Август пытался дать Мардефельду последний шанс: он строил свою саксонскую конницу в боевые порядки медленно, очень медленно, все время поглядывая в сторону шведов, не начали ли они отступление. Однако Мардефельд тоже выводил свои войска из лагеря и строил их в боевые линии, а отнюдь не в походные колонны.

Август был бы не прочь и дальше играть в поддавки, но поляки Лещинского, против которых Меншиков бросил саксонских драгун, сразу побежали. Шведы держались упорнее

и, окруженные русскими драгунами, погибли почти все. Данилыч, перед боем обещавший обеспокоенной супруге, что «в баталии сам не будет», не утерпел, ринулся в самую гущу сражения и получил легкое ранение. Цифры захваченных пленнных могли бы кое на что открыть ему глаза — если русские захватили 1 800 шведов во главе с самим Мардефельдом и 86 офицерами, то саксонцы привели с поля боя всего семерых пленных шведов, — но Меншиков находился в упоении от блестящей виктории и думал только о том, как бы еще прихвастнуть в победных реляциях: шутка ли, первая победа над шведом в генеральной баталии! Поздравляя царя со счастливой викторией, многожды глаголил: виват, виват, виват!

Петр, получив «неописанную радость о победе над неприятелем, какой еще никогда не бывало», заперевал в своем парадизе и пропировал три дня кряду. От трапезного стола пересел за рабочий и «сочинил» чертеж дорогой трости в подарок разлюбозному Данилычу: золотой набалдашник был весь осыпан алмазами, наверху набалдашника помещался крупный изумруд, наконечник тоже золотой, с бриллиантами; цена той трости — три тысячи рублей. Сверх того — орден Святого Александра Невского и чин подполковника Преображенского полка. Сыпались награды и от союзников — ордена Слона, Белого и Черного Орла. Но паче всех подарков для Меншикова были два патента — от германского императора на титул светлейшего князя Священной Римской империи и от Петра — с пожалованием во владетельные русские князья с титулами герцога Ижорского, графа на Дубровне, Горках и Потчепе, наследственного владетеля Ораниенбаума. Вот уж воистину из грязи в князи! Меншиков сиял. Его радужное настроение не поблекло и после того, как почти одновременно на него поступил донос о крупных хищениях: куда-то исчез кредит на 21 тысячу рублей, выданный ему на ремонт войсковых дорог. Петр назначил следственную комиссию, нахмурился, увидев представленные ею цифры, однако на радостях простил Данилыча — победителей не судят. Да и Катеринушка вступилась за Алексашу. С тех пор и потянулось бесконечное следственное дело о других, тайных «подвигах» светлейшего вора — хищениях, вымогательствах, взятках, всевозможных злоупотреблениях...

В том, что все тайное становится явным, вскоре смог убедиться и Август. Несмотря на то что курфюрст вытребовал у Меншикова

пленных шведов и отпустил их, несмотря на все его уверения, что Калишское сражение было дано против его воли, обозленный Карл опубликовал Альтранштадтский договор. Августу больше нечего было делать в Польше. Известив царя, что он остается верным его другом, курфюрст бежал в Саксонию.

В декабре он неожиданно появился в Лейпциге в сопровождении всего одного драгуна и одного камердинера. На следующий день Август поспешил на квартиру Пипера в Гюнтерсдорф, где Карл назначил ему встречу. Шведский король принял его без церемоний. Победенный курфюрст, облаченный в расшитый золотом кафтан французского покроя, в большом парике с буклями, почтительно склонился перед победителем в синем солдатском мундире, с коротко остриженной головой. Карл, опираясь на эфес длинной шпаги, говорил в основном о своих семимильных сапогах, в которых он переносился из одной страны в другую, и Август слушал его с таким видом, словно присутствовал на лекции в афинской школе Платона. Курфюрст шел на любые унижения. Он согласился письменно поздравить Станислава Лещинского с вступлением на престол и ходил на королевские обеды, где присутствовал его соперник. Карл забавлялся, глядя, как они издали обмениваются церемонными поклонами.

А. Д. Менишков в битве при Калише. Гравюра П. Пикарта, начало XVIII века

Репутация Августа сильно упала. В Европе посчитали, что с ним нельзя иметь никакого дела. Особенно болезненно для него было презрение женщин, разочарованных в своем кумире. Самым позорным пунктом Альтранштадтского договора было, конечно, согласие Августа на выдачу Паткуля, который находился в Саксонии с отрядом русских драгун. Август знал о заочном смертном приговоре, тяготеющем над лифляндцем, и тем не менее не сделал ничего, чтобы облегчить его участь. Карл лично присутствовал при казни. На эшафоте Паткуль бодрился, прерывал чтение приговора сатирическими репликами; но, когда палач распластал его на колесе и начал переламывать железной палкой сустав за суставом, он не выдержал и стал молить поскорее прикончить его. Сердобольный палач отрубил ему голову и лишь затем четвертовал тело.

Карл чувствовал удовлетворение. Из четырех его врагов три — датский король, Август и Паткуль — были повержены. Наступало время подумать о московитском царе.

Русские войска отступили на зимние квартиры в местечко Жолкву, около Львова. Меншиков после бегства Августа настоятельно приглашал царя в Польшу, в то же время успокаивая его насчет вероломного союзника. Ну, сбежал, подумаешь: невелика потеря, можно выбрать и другого короля. Поляки, в общем, и не против, но ничего не хотят делать без присутствия царского величества. Петр поспешил в Жолкву, чтобы обеспечить за собой Речь Посполитую. Он готов был предложить польскую корону кому угодно — и братьям Собеским, и австрийскому фельд-маршалу Евгению Савойскому, и венгерскому князю Ференцу Ракоци, но все они почтительно отказывались — уж очень хлопотно было срывать венец Ягеллонов со шведских штыков.

У Петра вызывало раздражение все: и продажные польские паны, заплонившие главную квартиру царя в Якубовицах, и любое напоминание о вероломстве Августа, и вообще весь белый свет. Неожиданно самым неприятным образом напомнила о себе Анна Монс.

В прошлом году она, наконец, получила от Петра разрешение посещать кирку, а потом и вовсе добилась снятия со своей особы домашнего ареста. Возвратив себе свободу, она тут же завела

роман с прусским посланником в Москве фон Кайзерлингом. Ее новый избранник питал относительно ее самые честные намерения, собираясь обвенчаться, но, не зная, как на это дело посмотрит царь, решил прибегнуть к посредничеству Меншикова. Как раз летом 1707 года король Фридрих Вильгельм (терпеливо дожидавшийся превращения Бранденбургского курфюршества в королевство Прусское за счет присоединения польских и ливонских земель) отправил Кайзерлинга с дипломатическим поручением к Петру. Так он очутился в Якубовицах.

Меншиков вначале не поверил своим ушам. После появления рядом с Петром своей протееже — Екатерины, он как раз больше всего опасался попыток Анны Монс вернуть утраченное место в сердце царя. А тут редкая удача — Монсиха сама вручает ему могильный заступ! С трудом скрыв свою радость, он принял крайне озадаченный вид. Дело непростое, но он берется помочь господину посланнику. Завтра у царя именины, и за весельем просьба господина посланника наверняка будет иметь успех. А если господин посланник изложит свою просьбу письменно, он попытается заранее подготовить государя. Ничего не подготавливающий Кайзерлинг тут же написал просьбу на высочайшее имя о своем обручении с девицей Анной Монс.

На следующий день была большая попойка. Кайзерлинг, все больше хмелея, до самого вечера терпеливо ждал знака от Меншикова. Улучив минуту, Данилыч отозвал Петра в соседнюю комнату. Царь, шатаясь, проследовал за ним и тяжело упал в кресло. Ну, что за секреты? Меншиков сразу взял быка за рога. Вот, государь всегда думал и не раз говорил, что Анна Монс любит его более всего на свете, — что, если это не так?

Пьяное благодушие Петра как рукой сняло. Он помрачнел.

— Оставь это, Алексаша. Я поверю тебе, если она сама скажет.

Меншиков вынул из кармана письмо Кайзерлинга...

Когда они вернулись за стол, Меншиков кивнул прусскому посланнику. Тот с поклоном подошел к царю и изложил свою просьбу. Петр хмуро ответил, что он об этой развратной девице и слышать не хочет. Кайзерлинг попытался объяснить, но тут неожиданно встрял Меншиков, заявив, что Монсиха действительно подлая, развратная баба и прусский посланник хлопочет о ней, верно, потому что сам развратничал с ней.

Кайзерлинг вспыхнул. Петр встал с сердитым видом.

— Ты всегда затеваешь, чего сам не понимаешь, — сказал он Меншикову, — а я должен отвечать за твои глупости. Извинись перед господином посланником.

С этими словами он вышел в соседнюю комнату.

Дождавшись, когда за царем закроется дверь, Меншиков поворотился к Кайзерлингу и, напирая на него грудью, стал теснить к выходу и поносить непотребными словами. Посланник в запальчивости оттолкнул его. Они сцепились и некоторое время топтались на месте. Затем Кайзерлинг, опасавшийся подлой московитской подножки, отскочил и стал искать свою шпагу.

— Будь мы в другом месте, я доказал бы вам, что вы поступаете не как честный человек, а как негодяй! — кричал он светлейшему.

Но оказалось, что его шпагу унесла прислуга Меншикова. Светлейший между тем обнажил свою. Кайзерлинг окончательно взбесился и принялся, как мог, переводить на русский отборные немецкие ругательства. Меншиков приказал слугам схватить его и вытолкать вон.

В это время на шум вышел Петр. Увидев своего любимца с оружием в руках, он выхватил свою шпагу, заслонил собой дорогого Данилыча и в ярости спросил Кайзерлинга, уж не намерен ли он драться с Меншиковым в его присутствии. Кайзерлинг начал оправдываться, что не он первый начал ссору, но светлейший перебил его: раз господин посланник толкнул его первый, то и он может его толкать. С этими словами он подскочил к Кайзерлингу, ударил его кулаком в грудь и хотел вывернуть руку, но тот успел дать ему затрещину и выругал особливym русским словом.

Светлейший кликнул двух преображенцев, стоявших на карауле у входа. Те взащей вытолкали Кайзерлинга в дверь, спустили по ступеням каменной лестницы и, толкая прикладами ружей, проводили через весь двор к его карете. Петр не остановил их.

На другой день, протрезвев, Петр и Меншиков попытались замять скандал. Светлейший послал подарки польским вельможам, с изумлением наблюдавшим эту безобразную сцену, с тем чтобы они высказались в его пользу. Но гордые поляки не приняли его подачи и, выразив сочувствие Кайзерлингу, с негодованием обрушились на чудовищные московитские обычаи, чьей жертвой сделался посланник другого государства

и дворянин. Царь, в свою очередь, выразил готовность наказать гвардейцев, причинивших бесчестье прусскому посланнику, но Кайзерлинг упрямо настаивал на том, что должен получить удовлетворение от самого Меншикова.

Впрочем, Фридрих Вильгельм не был склонен раздувать скандал с царем, который гарантировал его королевские права. Он призвал своего посланника не быть столь щепетильным и довольствоваться предложенным ему удовлетворением. А затем по приказу его величества строптивый посланник и сам должен был письменно извиниться перед светлейшим князем за обиду, причиненную при «излишней и вынужденной выпивке». Играя желваками, Кайзерлинг выводил учтивые фразы, прося его сиятельство последовать его обычному великодушию и предать полному забвению эту досадную ссору, сохранив свое, столь высокочтимое им, Кайзерлингом, благоволение и дружеское расположение. Двух караульных преображенцев, приговоренных к расстрелу, по его просьбе помиловали перед залпом.

Во всей этой истории Кайзерлинга утешало только то, что высочайшее разрешение на брак с девицей Анной Монс он все же получил.

Тревожно было на Руси, так тревожно, как прежде никогда и не бывало. Русские люди образ свой, от Бога данный, изменяют, а на престоле патриарха нет! Димитрий, митрополит Ростовский, шел как-то в воскресный день к себе из собора, а навстречу ему два бородача, спрашивают, как им быть: велено брить бороды, а им пусть лучше головы отсекут, чем бороды обреют. Владыка усмехнулся: «А что быстрее отрастет, отсеченная голова или сбритая борода?» Только шутками тут не отделаешься: после обеда в дом к митрополиту сошлось множество лучших горожан, и начался диспут о бороде и брадобритии. Пришлось ученому владыке писать целый трактат об образе и подобии Божию в человеке. Не убедил.

Ну да ведь на Руси не один владыка, слава богу, грамоте разумеет, есть и кроме него кому за веру постоять. Нижегородский посадский человек Андрей Иванов пришел на Москву с изветом — и на кого же? — прямо на самого государя, что-де он, государь, веру православную разрушает, велит бороды брить,

платье немецкое носить, табак тянуть: во всем этом обличить государя и пришел он, русский православный человек Андрей Иванов.

Народная совесть пугливо ежилась, боясь стать соучастницей царевых беззаконий, а в народном уме и фантазии фигура царя уже приобретала страшный, смутно чаемый козлиный образ:

Пришло времечко гонимо,
Народился злой антихрист,
В сию землю он вселился,
На весь мир вооружился!
Стали его волю творить,
Усы, бороды стали брить,
Латынскую одежду носить,
Трепроклятую траву пити...

Пришел к московским монахам книгописец Гришка Талицкий, принес с собой тетрадку об исчислении лет и говорил: «Есть стало нечего, а вы что спите? Пришло последнее время. В книгах пишут, что будет осьмой царь антихрист, а ныне осьмой царь Петр Алексеевич, он-то и есть антихрист». Царя-антихриста слушаться не надо, податей платить ему не надо: то все грех; а следует взыскать нового царя именем Михаила и идти с ним против Петра, царя-антихриста. Тетрадки Талицкого переписывались и рассылались в самые отдаленные уголки. Тамбовский архиерей до слез умилился над этой тетрадкой и лобызал, благословляя, автора: «Павловы-де твои уста!» — а боярин князь Хованский плакался Божьему человеку Гришке на самого себя, что был ему послан от Бога мученический венец, да он его не принял, согласившись обрить себе бороду, а потом приняв шутовское поставление в митрополиты всепьянейшего собора.

На Севере семена учения о царе-антихристе упали на хорошо подготовленную почву. Край был заселен староверами, среди которых патриарх Никон издавна слыл за предтечу антихриста. Теперь, значит, дожили и до последних времен. Олонецкие и заонежские леса вновь наполнились удушливым смрадом гарей. Распоряжения центральных властей доходили сюда в виде чудовищных, пугающих призраков. В одном далеком погосте Олонецкого уезда дьячок и священник разговорились о том, что делается на белом свете. Дьячок сказал: вот ныне велят летосчисление

вести от Рождества Христова и платье носить немецкое. Священник поделился своими новостями: слыхал он в волости, что у Великого поста неделя будет убавлена, а после Фоминой учнут в среды и пятки весь год молоко есть. Оба ужаснулись и порешили: как пришлют эти указы к нам на погост и начнут люди по лесам гореть, так пойдем и мы с ними гореть, знать, житье ныне к концу приходит.

Ладожский стрелец Александр, возвращаясь к себе домой из Новгорода, повстречался с неведомым старцем, который завел с ним такую беседу: «Какое ныне христианство! Ныне вера все по-новому: вот у меня есть книги старые, а ныне эти книги жгут». Про государя говорил: «Какой он нам, христианам, государь? Он не государь, а латыш, поста не соблюдает, он прельститель, антихрист, рожден от нечистой девицы, о нем именно писано в книге Валаамских чудотворцев, что он головою запрометывает и ногой запинается, и то, знамо, его нечистый дух ломает. Он и стрельцов переказнил за то, что они его еретичество знали, а они, стрельцы, прямые христиане были, не бусурмане. Вот солдаты — те все бусурмане, поста не соблюдают. Ныне все стали иноземцы, все в немецком платье ходят да в прикладных кудрях и бороду бреют». Стрелец заступился за государя, напомнил: «Государь от царского колена родился». Старец на это возразил: «У него мать нетто царица? Она еретица была, все девок родила».

В Белгородском уезде Курской губернии разговорились два священника, и один сказал: «Бог знает, что у нас в царстве стало: вся наша украина от податей пропала: такие подати стали — уму непостижные, а вот теперь и до нашей братии священников дошло, начали брать с бань, с изб, с пчел, чего отцы и прадеды не слыхивали. Никак в нашем царстве государя нет?» Была у этого священника одна тугая дума: в церковном молитвословии вычитал он сведение, что антихрист родится от недоброй связи — от жены скверной и девицы мнимой, от колена Данова. Запало батьке в голову: что же это за колено Даново и где родится антихрист — уж не на Руси ли? Пришел к нему однажды отставной прапорщик Белгородского полка Аника Акимыч Попов, человек убогий, промышлявший учительским ремеслом. Священник поделился с ним своими думами: «В миру у нас ныне тяжко стало, а в книгах писано, что скоро родится антихрист от племени Данова». Аника Акимыч задумался и ответил: «Антихрист уже есть — у нас на царстве не государь царствует, а анти-

христ. Знай себе: Даново племя — это царское племя, а ведь государь родился не от первой жены, а от второй, так и стало, что он родился от недоброй связи, потому что законная жена бывает только первая».

И что же это, в самом деле, за время такое окаянное? Стрельцы переказнены и разосланы, инокиня Сусанна уже, видно, не выйдет из монастыря, духовенство без патриарха, а на его месте сидит архиерей из латыжских малороссиян!³⁹ С трепетом сердечным ждали русские люди того срока, когда подрастет малолетний царевич, любящий святые иконы и всякое церковное благолепие, и разрушит, сметет это наваждение, созданное на святой Руси его родителем, державным дьяконом всепьянейшего собора Пахомом Михайловым, царем-антихристом.

Царевич Алексей жил в Преображенском, предоставленный самому себе. Учение его мало-помалу заглохло. Гюйсен подолгу отрывался от своей воспитательной программы для выполнения различных дипломатических поручений Петра, а в 1705 году и вовсе уехал посланником в Вену. К этому времени царевич овладел немецким, отчасти французским, грамматикой и четырьмя правилами арифметики. Перед батюшкой оправдывался слабостью здоровья: «Природным умом я не дурак, только труда никакого понести не могу». Не писать же, в самом деле, грозному родителю, что все это заморское обучение ему зело противно и он чинит его с великой леностью, только чтобы время в том проходило, а охоты к тому не имеет, зато весьма прилежен комнатным забавам с сенными девками!

Повзрослев, Алексей начал подолгу и охотно сидеть за столом в хмельной компании, — впрочем, больше от скуки. Его окружение составляли все те же «кавалеры», которые извели беднягу Нейгебауэра: четверо Нарышкиных и многочисленные Лопухины. У каждого было свое прозвище: Ад, Благодетель, Сатана, Молох, Корова, Иуда, Голубь. Были они люди шумные и нетрезвые, приверженцы старины и великие ругатели всего беспокойного и неприличного. Подвыпив и разгорячась, давали волю языкам. Нет, они вовсе не собираются огулом хаять новшества и оттораживаться

³⁹ Имеются в виду католики.

от немцев забором. Но всему надо знать меру. Никто не против того, чтобы выписать учителя из-за границы для своих детей; слов нет, голландское кружевное белье много лучше отецких исподних порток; весьма усладительно для слуха и полезно для пищеварения послушать после обеда красносплетенные вирши или скрипичную музыку; ученая или забавная книжка, хотя бы и на польском или латинском языке, — жданный гость на книжной полке; можно, наконец, поехать за границу поличиться на водах, посмотреть заморские диковинки и закупить разных штукотин и украшений для домашней обстановки... Но зачем вся эта суетня и беготня, основание новых столиц на краю света, в самом непригожем месте, отдача благородных людей в неприличные их роду занятия и службы? К чему беспрестанно тыкать людям в глаза этой Европой, будь она неладна? У них свое, а у нас свое. Ближняя-то хаянка все лучше дальней хваленки.

Алексей слушал и соглашался: да, государю приличнее степенное житие на матушке-Москве, а любопытные вещи лучше всего узнавать из книг и бесед с бывалыми людьми.

Иногда в Преображенское приезжал Меншиков, провести своего воспитанника. Тогда устраивались многодневные тяжкие побоища с Ивашкой Хмельницким, во время которых светлейший снисходительно трепал окосевшего царевича за щеку и влагал в его ослабевшую руку очередной стакан за здоровье его родителя, государя Петра Алексеевича. Алексей давился злобой на самоуверенное хамское отродье — и пил, пил, пил... Он уже привык, что с вином жизнь все как-то сноснее.

Для разнообразия развлечений светлейший тащил царевича в Московскую академию смотреть мистерии, которые играли обучавшиеся здесь «государственные младенцы», или на Красную площадь в построенный там комедиальный анбар, где студюзусы немца Куншта представляли переводные пьесы: «Сципий Африканский», «Комедия о Дон-Педре и Дон-Яге» (Дон-Жуане), «Комедия о Баязете и Тамерлане» и даже «Доктор принужденный» Мольера. Пьесы перемежались с поющими действиями и кривляньями немецкого Петрушки, балаганного шута Гансворста, по-русски же — Заячье Сало. Наблюдая за студюзусами и шутами, Алексей принужденно хохотал, подлаживаясь под светлейшего, и спешил поскорее укрыться от него в Успенском или Архангельском соборах. Только здесь, в церкви, ослепленный пламенем сотен свечей, пылающим золотом цер-

ковного убранства, вознесенный куда-то ввысь дивной мелодией хора, он чувствовал вместо страха и недоумения необыкновенное умиротворение, пронизывавшее сладостной истомой все его тело. В прохладном сумраке огромного зала, возле гробниц почивших предков, бремя одиночества переставало давить на него, оно представлялось ему понятным и спасительным избранничеством, утешительным даром вечности. Чарующее величие смерти обнажало ничтожество земных страданий и наполняло его душу смирением. Особенно приятно было слышать, как местоблюститель патриаршего престола архиепископ Стефан Яворский в своих проповедях обращался с молитвенным воззванием к святителю Алексею, призывая святого угодника сохранить тезоименника своего, «особенного заповедей Божиих хранителя и преисправного их последователя, нашу едину надежду...», видеть коленопреклоненную толпу, благоговейно простирившую к нему руки...

Проводив светлейшего, Алексей отводил душу в беседах с чернецами и попами, которые неведомыми путями пробирались отовсюду к свет-царевичу, чтобы своими глазами убедиться, как мало он похож на своего батюшку, так солоно пришедшего всей иночествующей Руси. Обычно их приводил с собой его духовник, протопоп Яков Игнатьев. Люди пожившие находили, что он сумел стать для царевича тем *собинным* другом, каким был в свое время патриарх Никон для его деда. Крутой и властный протопоп и в самом деле взялся за свое духовное чадо по-никоновски, добившись от царевича клятвы на Евангелии, что он будет слушать его, протопопа, во всем, как ангела Божия и Христова апостола, и считать его последним судьей во всех своих мыслях и поступках (впрочем, сия грозная клятва ничуть не мешала царевичу в подпитии дирать ангела Божия за бороду). Необыкновенное влияние отца Якова на Алексея объяснялось тем, что протопоп не боялся высказывать вслух те мысли, которые царевич пугливо скрывал ото всех. Денно и ночью твердил он царевичу, что мать его, царица Евдокия, — невинная жертва царского беззакония, что народ ждет не дождется, когда царь Петр оставит престол, что без батюшки всем будет лучше.

О существовании батюшки Алексею напоминали триумфальные ворота, воздвигаемые в Москве по случаю очередной виктории, шумные процессии и фейерверки да письменные

гневные окрики, что непутевый *зоон*⁴⁰, оставив дело, ходит за бездельем. А короткие наезды Петра в Преображенское, нарушавшие беспечальное житие царевича экзаменованиями по трепроклятым фортификации и навигации, заканчивались изустной руганью отца и жестокими побоями. Всякие грешные мысли закрадывались тогда в голову Алексею, в ужасе бежал он от отца природного к отцу духовному и со слезами каялся в преступных помышлениях. В ответ же слышал: «Бог тебя простит. Все мы желаем ему смерти для того, что в народе тягости много».

Родитель вскоре опять уезжал строить корабли и брать фортеции, и Алексей, прижимая примочки к синякам и ссадинам, мало-помалу успокаивался. Учебники по фортификации и навигации летели в угол, в дверях снова появлялись чернецы и попы, а с ними и страшная, но уже привычная мысль: а без батюшки-то, пожалуй, оно и вправду лучше.

Шведы благоденствовали в ограбленной, но все еще богатой Саксонии. Войсковая казна пухла от контрибуций, солдаты и офицеры обложились жирком, слали домой подарки — деньги, золотую и серебряную посуду, дорогие ткани... Во всем шведском войске лишь один человек не отбросил привычек походной жизни — король Карл.

Ничто не напоминало в этом стройном, широкоплечем молодом человеке с зачесанными наверх рыжеватыми волосами, прикрывавшими уже наметившуюся лысину, победоносного государя. Его повседневный костюм состоял из синего солдатского кафтана с начищенными до блеска медными пуговицами, желтых кавалерийских брюк и высоких ботфорт с поднятыми отворотами; шею король повязывал платком из черной тафты, на руки надевал жесткие перчатки из оленьей кожи с широкими раструбами; с левого бока свисала, чуть не касаясь пола, тяжелая шпага. Одежда была заношенная и грязная, ибо Карлу случалось по несколько недель не раздеваться и не снимать сапог. Но покрытое оспинами загорелое лицо было исполнено надменного достоинства, синие глаза с прищуром смотрели спокойно и насмешливо, а на полных

⁴⁰ То есть «сын» (от *нидерл. zoön*).

губах играла улыбка человека, вкусившего славы и привыкшего распоряжаться чужой жизнью и смертью.

О своей персоне король заботился так же мало, как и о своем платье. Зимой и летом ходил с непокрытой головой, в сильные холода позволял себе набросить на плечи плащ; кирасу и шлем не надевал даже во время сражений; спал на охапке сена или голых досках, не больше пяти-шести часов. Королевский завтрак состоял из хлеба с маслом, которое Карл намазывал большим пальцем; на обед обыкновенно подавали кусок вареного мяса, сырые овощи, хлеб, воду или легкую брагу. Король редко засиживался за столом больше четверти часа, а в походе ел, не слезая с коня. На марше он изнурял себя сильнее самого последнего солдата, но, казалось, утомить его было невозможно: когда армия останавливалась на отдых, король вскакивал в седлю и одолевал десятки верст в любую погоду. За перо брался только для того, чтобы вывести на гербовой бумаге с указом или распоряжением свое имя, за книги — еще реже.

Из всех родов и жанров литературы Карл отдавал предпочтение одному — героическим сагам о деяниях викингов. При себе он содержал двух скальдов — певцов убийств: придворных историков Адлерфельда и Нордберга. Ибо кем же был сам Карл, исколесивший за семь лет с горсткой солдат всю Восточную Европу, как не бесстрашным героем-конунгом, в чьем взоре, по слову саги, исчезает мир? С самого детства звучали в нем голоса его предков, в течение трехсот лет наводивших ужас на народы Европы. Карл — этот сухопутнейший из шведов, ступивший на корабль всего два раза в жизни, — тем не менее, подобно викингам, носил в своей душе образ моря: его замыслы были огромны, словно эта великая стихия, а стремления не знали границ. Под синим солдатским мундиром билось сердце викинга. Как и его предки, Карл переносил невзгоды не унывая, в опасности и лишениях сохранял присутствие духа и был равно готов на гибель и на счастье. То и другое приводило к цели: счастье воина заключалось в свершении храбрых дел, смерть с оружием в руках даровала славу и честь.

Удивительно было видеть, как в теле Карла, государя цивилизованной христианской страны, современника Ньютона и Монтескье, возродился дух древних конунгов, не представлявших иного счастья, кроме битвы, и всю жизнь не выпускавших из рук меча для того, чтобы и после смерти, в сумрачной, забрызганной

кровью Валгалле, раю викингов, продолжать в самозабвенном исступлении рассекать на части тела богов и героев. И однако не подлежит сомнению, что Карл сознательно подражал обычаям викингов. Прежде всего, как и полагается конунгу, короля окружала дружина драбантов — полтораستا отчаянных рубак, готовых идти за ним в огонь и воду, дабы не подвергнуться позору пережить своего вождя (в 1719 г., на похоронах Карла XII, возле его могилы стояло лишь четверо оставшихся в живых драбантов). Любому из них король доверял, как себе, и говорил, что никакая опасность не угрожает ему, если рядом находится хотя бы десяток его храбрецов. В бою драбанты были обязаны пускать в ход одни палаши. Карл вообще презирал огнестрельное оружие: шведским солдатам предписывалось стрелять всего один раз — непосредственно перед рукопашной.

Имелся у Карла и побратим — наиболее близкий и преданный человек, брат по оружию, никогда не разлучавшийся с королем-конунгом. Это был герцог Максимилиан Вюртембергский, в 1703 году четырнадцатилетним юношей примчавшийся в лагерь Карла под Пултуском, чтобы увидеть обожаемого героя. С тех пор они не расставались, хотя быть рядом с Карлом означало ежеминутно рисковать головой, ибо король не упускал ни малейшего случая подвергнуть свою жизнь опасности: мало того, что он безо всякой нужды подставлял себя под вражеские пули, но с годами в нем еще и проснулся берсеркер, как в Скандинавии называли воинов, одержимых жадой битвы до безумия, так что с 1706 года он бросался со шпагой в руке в самую гущу схватки. Шведские солдаты ласково прозвали королевского побратима Маленьким Принцем.

Подобно викингам, Карл превыше всего ценил боевое мужское братство. Король не терпел женщин ни в своем лагере, ни в своей постели, ибо женщина размягчает сердце воина и заставляет его позабыть о войне. «Любовь испортила немало героев», — любил повторять он. Не разделенный ни с кем жар любви Карл направлял на убийство, целомудрие пылало в нем сухим огнем разрушения. В ответ на неоднократные предложения жениться он досадливо отмахивался: когда-нибудь потом, когда ему будет сорок лет... Пока с него достаточно и того, что он женат на своей армии — на добро и на лихо, на жизнь и на смерть. Ожидая такого же самоотречения от своих подчиненных, Карл крайне неохотно

разрешал офицерам жениться, и не было более легкого способа уронить себя в его глаза, как завести с королем речь о браке.

Будучи неприхотлив и воздержан сам, король проявлял расточительную щедрость по отношению к своим соратникам, и эта черта также роднила его с легендарными конунгами, которые никогда не вступали в дележ добычи, довольствуясь одной честью победы. Карл беззастенчиво обирал завоеванные страны, но лишь для того, чтобы иметь возможность сыпать золото в карманы своих солдат. Зачастую его щедрость распространялась и на врагов, вызвавших своим мужеством его восхищение: он одаривал как отдельных офицеров и солдат, так и целые отряды, попавшие в шведский плен. Карл поощрял мужество врагов, ибо больше всего боялся, как бы его не обвинили в том, что победы достаются ему слишком легко.

Для того чтобы требования, предъявляемые Карлом к людям, не выглядели чрезмерными, король должен был слиться с солдатской массой, терпеть вместе с ней все опасности и лишения и личным примером подкреплять малодушных. И Карлу не нужно было ломать себя, чтобы придерживаться с подчиненными товарищеских отношений. Он по природе был врагом всякого церемониала, в людях ценил прямоту и отвагу. С подчиненными был всегда ровен, разговаривал с ними сняв шляпу и слегка улыбаясь. Министры и генералы без всякого опасения возражали Карлу и отстаивали перед ним свое мнение, однако наступал момент, когда по глазам короля можно было прочесть, что все споры должны быть прекращены, а его приказы подлежат беспрекословному исполнению. Сказано — сделано: никто в его окружении не мыслил иначе. Король и его солдаты были уверены друг в друге, а многолетние беспрестанные победы укрепляли взаимное доверие.

Находясь с войсками в спокойной Саксонии, Карл оставался верен своей главной страсти — стремлению к безрассудно-смелым предприятиям. Во время одной из верховых прогулок он оказался неподалеку от Дрездена, куда после подписания Альтранштадтского договора удалился Август. Несмотря на то что при нем находилось всего лишь несколько спутников, Карл направил коня прямо к воротам города. Неузнанный, он доехал до самой городской площади, где его с изумлением опознал первый министр курфюрста, граф Флемминг. По просьбе Карла граф проводил его прямо в арсенал, где Август имел обыкновение

заниматься атлетикой. Гремя шпорами по каменному полу, король вошел в арсенал и раскрыл объятия не успевшему опомниться курфюрсту:

— Здравствуйте, брат мой!

Находившаяся здесь же очередная любовница Августа, графиня Козел, первая пришла в себя и из-за спины Карла делала курфюрсту отчаянные знаки, чтобы он позвал стражу и арестовал незваного гостя; но немецкий Самсон совершенно растерялся и бормотал какие-то любезности. Карл наслаждался еще одним унижением поверженного врага. Он попросил Августа показать ему городские укрепления и не спеша дошел до ворот. Однако Август никак не хотел расставаться с человеком, который отнял у него все, и проводил его еще с полмили до Нейдорфа.

На обратной дороге Карл подшучивал над своими спутниками, не знавшими, кого благодарить за благополучный исход рискованной прогулки — Бога или саксонскую трусость, и презрительно улыбался, когда ему говорили, что он мог бы стать пленником курфюрста:

— Полно, он не посмел бы!

Между тем маленький Альтранштадт, по давно установленному обычаю, согласно которому каждый город, занятый Карлом, на время становился столицей Восточной Европы, превратился в центр европейской дипломатии. По всем дорогам Европы тянулись сюда кареты представителей европейских дворов: одни ехали в Альтранштадт, чтобы просить у Карла защиты, другие чтобы обезопасить свои государства от вторжения, третьи стремились подтолкнуть шведского короля к участию в войне за испанское наследство.

Летом 1707 года в Альтранштадт прибыл посол английской королевы герцог Джон Черчилль Мальборо. Прославленный полководец имел поручение уговорить Карла оставить в покое имперские земли — главного союзника Англии в войне против Франции. Кроме того, он взялся похлопотать о мире между Швецией и Россией — об этом его настойчиво просил русский посол в Лондоне Андрей Артамонович Матвеев. Покинутый всеми союзниками, царь выражал готовность возвратить шведскому королю все свои завоевания в Прибалтике, за исключением парадиза, Нарвы и Дерпта. Герцог Мальборо в то время почти бесконтрольно распоряжался всеми делами английской политики, поэтому Матвеев имел от царя строгий наказ «искать... всяким

образом способ, чем бы мочно склонить Мальбрука» к посредничеству. Однако в этом вопросе перед русским послом вставали большие трудности. Огромное состояние герцога исключало обычный подкуп. Петр признавал: «Не чаю, чтоб Мальбрука дачею склонить, понеже чрез меру богат; однако ж обещать тысяч около двухсот или больше». Сумма вызвала у «дука» презрительную усмешку, однако он облегчил дело, лично определив размер вознаграждения: герцог просил у царя пожизненного распоряжения доходами от Киевской и Владимирской губерний или Сибири. Петр согласился на это, да в придачу посулил еще необыкновенный рубин, «какого или совсем на свете нет, или зело мало», и орден Святого Андрея Первозванного.

Мальборо сделался сговорчивее, и Матвеев с удовлетворением сообщил царю, что герцог обещался крепко говорить со шведом и разъехался с ним, Матвеевым, с несказанно какою любовью.

Вести переговоры с таким упрямым гордецом, как шведский король, было делом нелегким, поэтому Мальборо решил с самого начала задать тон встрече. Поскольку английский посол не обладал королевским достоинством, встретил его не Карл, а граф Пипер, который, сославшись на занятость, заставил долго дожидаться герцога в карете, пока, наконец, не соблаговолил спуститься с крыльца. Мальборо ничем не выдал своего раздражения. Он вышел из экипажа, надел шляпу, важно проследовал мимо Пипера, словно первый министр был пустым местом, и с чисто британской невозмутимостью стал мочиться на стену. Потом он не спеша привел свой туалет в порядок и учтиво приветствовал Пипера.

Аудиенция у короля состоялась на следующий день. Пятидесятилетний розовощекий герцог явился перед Карлом в парадном облачении — великолепном алом мундире с голубой лентой и звездой ордена Подвязки — и держался с образцовой вежливостью. Он заявил, что счастлив увидеть монарха, которым восхищается весь мир, и хотел бы провести несколько кампаний под руководством такого великого полководца, как его величество, чтобы иметь возможность лучше изучить военное искусство. Двадцатипятилетний Карл с обветренным и загорелым лицом, облаченный в неизменный синий мундир и высокие ботфорты, в ответ соорудил кислую гримасу, — нашел, что для настоящего солдата герцог чересчур разряжен, а его речь слишком

цветиста. В последовавшей затем беседе король и не думал скрывать своего разочарования. Мальборо проявил верх такта и узнал все, что ему было нужно: Карл не собирался вступать в союз с Людовиком XIV.

О русских предложениях герцог даже не заикнулся — на рабочем столе короля он увидел карту Московии.

В сентябре 1707 года шведы выступили из Саксонии на восток. Под началом Карла были уже не те 20 000 полугодных оборванцев, которых он привел с собой из Польши; за год пребывания в Саксонии шведская армия увеличилась вдвое и имела отличный вид: народ был сытый, отлично экипированный и вооруженный. Из Лифляндии на соединение с королевской армией должен был выступить 16-тысячный корпус генерала Левенгаупта с огромным обозом.

Гадать о том, куда движется победоносная рать скандинавского бродяги, не приходилось. Карл, обычно скрытный в отношении своих военных планов, на этот раз не таил, что идет прямехонько на Москву. Об этом в королевской квартире судачили все, кому не лень. Тайный секретарь Карла Цедергельм откровенничал с австрийским посланником фон Циннендорфом: «Хотя война с королем Августом и закончена, но предстоит еще война с Москвой, которая благодаря огромности территории требует все больше солдат, тем более что король не рассчитывает на долгую войну с Москвой, при которой и без того уже довольно истощенные шведские земли в конце концов оказались бы потерянными, так как царь может более долгое время проигрывать, чем Швеция выигрывать. Поэтому война должна быть тотчас же с особенной силой направлена в сердце Московии и таким образом скоро и выгодно приведена к окончанию. Кроме того, король хочет компенсировать себя при помощи Москвы за все понесенные в этой войне убытки. Так как в Польше он не приобрел для себя ничего, кроме славы и безопасности, сверх того ни кусочка земли даже величиной с ладонь, считает он себя вправе, не возбуждая недоброжелательства со стороны других держав, увеличить свои претензии в отношении Москвы».

Граф Пипер, в свою очередь, уверял фон Циннендорфа, что мир с царем может быть подписан только в Москве: «Царь

никогда не поставит королю таких условий, которые король с большим успехом добился бы силой своего оружия. Кроме того, для безопасности шведской короны недостаточно только того, что царь вернет взятое, даст компенсацию за причиненные убытки... Нет, главнейшее и наиважнейшее для шведской короны — сломить и разрушить московитскую мощь, которая достигла такой высоты благодаря введению заграничной военной дисциплины. Со временем может эта мощь сделаться еще более опасной не только для короны Швеции, но и для всех граничащих с ней христианских земель, если она не будет уничтожена и задушена в своем возникновении. Поэтому нигде не может быть заключен мир выгоднее и надежнее, как только в самой Москве».

Да и сам король во всеуслышание заявлял, что мир с Москвией может быть заключен только *по-саксонски*. Он уже подумывал о том, кому отдать очередную сбитую им с вражеской головы корону, и задумчиво спрашивал у Станислава Лещинского: «Как вы думаете, принц Яков Собеский будет неплохим московитским царем?»

Петра от этих известий бросало то в жар, то в озноб. В Варшаве десятидневная лихорадка поставила его «в пяти футах от смерти». Но, несмотря на постоянное недомогание, царь колесил по Польше и России, готовясь к грозному нашествию. Багинеты, ружья, мундиры, сукно, мортиры, ядра, провиант, порох, рекруты целиком заполняют его мысли. Губернаторы и комиссары ежедневно получают от царя краткие указания: учредить у себя добрый полк конницы, отослать немедленно в Москву рекрутскую ведомость, призвать на военную службу две тысячи калмыков, учредить во всяком батальоне осьмью долю солдат с копьями, неоплошно собирать налог для покупки лошадей в драгунские полки, укрепить бастионами и палисадами Москву, Серпухов, Можайск, Тверь — и еще множество подобных распоряжений. Петр не забывает ни о чем, в такой войне не может быть мелочей: велит, чтобы древки для копий изготавливались из соснового или елового леса с утолщенной рукояткой, предписывает уменьшить размер изображения шпаги на полковых знаменах, а для фона использовать голубую тафту вместо белой...

План военной кампании прежний: в генеральную баталию со шведом отнюдь не вступать, а заманивать вглубь и вредить при всяком удобном случае. И главное — опустошать, опустошать территорию у него на пути.

Царь раздражен и издерган. Старается сдерживаться — и вновь по самому ничтожному поводу срывается в ругань и побои. Да и как тут сохранять спокойствие? В то время как с Запада на него идет страшный неприятель, против которого надо напрячь все силы, на Юге кипит злой булавинский бунт...

В отличие от царя, Карл не спешил — четыре месяца провел на Висле. Казаки и калмыки разоряли западные польские земли, заваливали колодцы мертвыми телами. Шведы, привыкшие жировать в Саксонии, в свою очередь беспощадно грабили нищую Польшу. Станислав Лещинский жаловался Карлу, что его солдаты бесчинствуют так же немилосердно, как и русские. Но Карл закрывал глаза на такие пустяки.

В конце декабря, вместо того чтобы остановиться на зимние квартиры, он внезапно двинул армию в Литву через лесистую, болотистую Мазурию, где до него не бывала ни одна армия. Король оставался верен себе: победа должна доставаться с наибольшими трудностями. Морозные ночи шведы проводили под открытым небом. Солдаты страдали от холода, лошадям было еще хуже. Все время приходилось прорубать просеки в дремучем лесу. Местные жители — в большинстве своем охотники — прятали продовольствие и с ружьями караулили мародеров в чаще; однажды чуть не подстрелили самого Карла. Король приказал убивать всех мужчин старше пятнадцати лет и сжигать непокорные деревни.

Через десять дней шведы добрались до Литвы, оставив позади себя выжженную пустыню.

Петр встречал новый, 1708 год в Москве. Как обычно, безобразничал в домах богатых людей, пускал фейерверки. Но настоящего веселья не получалось. Среди москвичей царила паника. Купцы, забрав товары и семьи, выезжали из Москвы — якобы на ярмарку в Архангельск, а на самом деле подальше на восток. Иноземные коммерсанты спешно переправляли имущество и деньги в Гамбург. Да и сам Петр своими распоряжениями как будто признавал обреченность Москвы: приказывал все серебряные вещи из государевой и патриаршей казны переплавлять в монету.

На душе у царя было тяжело. В армию ехал как на верную гибель. Перед отъездом черкнул записочку — своего рода заве-

щание в пользу Екатерины и их малолетней дочери Анны: «Ежели что мне случится волею Божиею, тогда три тысячи рублей, которые ныне на дворе господина Меншикова, отдать Катерине Васильевской и с девочкою».

В середине января Петр прибывает в Гродно и семь дней не может выяснить, куда движется Карл. На исходе бессонной недели король лично появляется под стенами Гродно с восемьюстами драгунами. Русский гарнизон насчитывает две тысячи человек, но Петр и не думает об обороне — немедленно отступать! Бригадир Мюленфельс получает приказ срочно уничтожить неманский мост. Но он почему-то медлит, и Карл, подойдя к городу, не верит своим глазам — мост цел! Во главе своих драгун король прорывается на другой берег и в рукопашной укладывает двух гренадеров. Мюленфельс отступает в Гродно, где разгневанный царь немедленно сажает его под арест⁴¹. Тем временем темнеет, и Карл, не зная, что в городе находится царь, разбивает лагерь, чтобы дожидаться подкреплений. Наутро, узнав, кого он держит в своих руках, король бросается на приступ, но его встречают опустевшие улицы и дома. Он пытается преследовать царя, и делает это так быстро, что русский отряд едва успевает опустошать за собой местность: въезжая в сожженные деревни, шведы видят еще дергающиеся туши скотины, а по дорогам лежат трупы загнанных русскими лошадей. Тем не менее Петру удается ускользнуть от преследования и благополучно добраться до основных сил русской армии, сосредоточенных на Березине.

В середине марта, когда распутица сделала невозможным любое передвижение, Карл дал, наконец, отдых своей армии. Европа аплодировала ему: шведский герой пересек всю Польшу без единого серьезного сражения. При европейских дворах никто уже не верил в победу Петра, — что можно сказать об армии, которая пускается наутек во главе с самим царем, бросив укрепленный водный рубеж и крепость, едва к ней приблизилось восемь сотен шведских драгун?

Остановка на зимних квартирах обошлась Карлу дороже зимнего похода — солдаты мерли от холода и дизентерии. Продождливости кое-как хватало — шведы научились отыскивать крестьянские тайники: они втыкали в землю вокруг деревень

⁴¹ Мюленфельсу удалось подкупить стражу и бежать к шведам. Под Полтавой он вновь попал в руки Петра и был расстрелян как изменник.

шесты с крюками; вытащенный наружу клоч соломы служил верным признаком того, что под землей находится тайник. Местные жители не оказывали никакого сопротивления. Зато казаки и калмыки донимали шведов внезапными наскоками. Война велась безо всякой пощады: и шведы, и русские сжигали в избах захваченных пленных.

Шведские генералы корпели за штабными картами, намечая маршруты и рассчитывая переходы. Король подбадривал их: «Теперь перед нами открывается великий путь на Москву». Генерал-квартирмейстер Гилленкрок однажды возразил на это, что до Москвы все же еще далеко. Спокойная улыбка Карла осталась безмятежной: «Не тревожьтесь. Стоит нам выступить, и мы непременно дойдем до цели». Курьеры повезли приказ Левенгаупту: разорить хоть всю Ливонию, но собрать как можно больше провизии и боеприпасов, вместе с лошадьми и подводами, и идти на соединение с королевской армией.

Петр зимой тоже хворал — на этот раз к лихорадке прибавилась цинга. Врачи давали царю ртуть и советовали сидеть дома. Но дела не давали отдохнуть и поправиться, булавинский бунт требовал от Петра ежедневной изнуряющей работы. Князю Василию Владимировичу Долгорукому, отправленному на Дон, царь поручил мятежные городки жечь без остатка, людей рубить, а заводчиков бунта колесовать и сажать на кол, — ибо сия сарынь, кроме жесточи, ничем не может унята быть.

В марте пришли тревожные вести с Украины — генеральный судья Василий Леонтьевич Кочубей открыто обвинил гетмана Мазепу в измене. Старого верного Мазепу! А доказательств никаких — только бросил тень на заслуженного гетмана перед самым нашествием! Кочубея строго допросили, и выяснилось: наябедничал генеральный судья, мстит гетману за то, что тот соблазнил его дочку Матрену. Мазепа не стал отрицаться, подтвердил не без тщеславия: да, ему шестьдесят четыре года, он страдает подагрой, но и теперь так же легко завоевывает женские сердца, как и дружбу мужчин. Что делать, полюбила его девушка без памяти. Но он, Мазепа, не хотел бесчестить имя генерального судьи. Когда Матрена самовольно убежала к нему от родителей, сказал ей откровенно: сама знает, как сердечно он ее любит: еще никого на свете не любил так. Его б то счастье и радость, чтоб жила у него. Однако скрепя сердце отослал дивчину назад к отцу. Вот и вся история, а верность Мазепы

государю всегдашняя и неизменная. Разгневанный, Петр выдал Кочубея гетману в его волю. Генеральный судья поплатился за донос головой.

В середине «лечебных трудных дней, обессилев от лекарства, как младенец», Петр занялся еще и своим парадизом — пригласил переехать в Петербург свою сестру Наталью Алексеевну, двух сводных сестер, Марфу и Феодосию, двух вдовствующих царик, Марфу и Прасковью, а заодно множество бояр и купцов. А от царского приглашения как откажешься? Никому не дозволено было отговариваться ни годами, ни делами, ни нездоровьем. Ехали в цареве болото неохотно, предвидя траты на строительство новых домов и немыслимые цены на привозимые изда- лека продукты. Многие на переезде разорились в дым. К тому же скука на проклятом болоте немилосердная — развлечений никаких, а чтобы по примеру царя прыгнуть в лодку и кататься по морю, об этом и в мыслях ни у кого не было. Вечером из дому шагу ступить страшно: по улицам шныряют волки, что ни день, слышишь: то в караульне у Литейного двора серые разорвали в клочья двух солдат, то на Васильевском, возле дворца губер- натора Меншикова, женщину загрызли... Купцы и лавочники нашли утешение в возможности заламывать цены за свои товары. Рабочие, отбывшие свой срок на строительстве и не имевшие сил и средств на обратную дорогу, устраивались на строитель- ство частных домов и возводили лачуги для себя. Петр для поощрения откликался на любое приглашение, от кого бы оно ни исходило: приходил заложить в кладку первый камень и выпить чарку за здоровье новоиспеченного петербуржца.

Данилыч торопил царя с приездом в армию, и Петр, в конце концов, запретил ему звать себя без крайней нужды — хотел все- таки долечиться. А чтобы было чем Данилычу заняться, при- казал опустошить земли от Пскова до Смоленска. Светлейший перестарался: не только выжег указанные земли, но и на всякий случай выселил из Дерпта тамошних жителей, а город раз- рушил до основания.

Долечиться не получилось. В первых числах июня Меншиков известил царя, что шведская армия переправилась через Бере- зину. Спустя двенадцать дней Шереметев подтвердил эти све- дения. Петр ответил коротко: «Скоро буду к вам» — и потащился в коляске на запад. На полпути узнал о Головчинском сражении. Дивизия Репнина в течение нескольких часов прикрывала

переправу через речку Бабич около Головчина. Реляция о сражении была составлена довольно неясно и сумбурно — вроде бы держались стойко и отступили в порядке, но почему-то оставили в руках у шведов десять пушек. Мудренее всего выглядело заключение о потерях: «А сколько с нашей стороны пехоты и конницы побито и ранено, того подлинно донести еще не можем, понеже не осмотрелись. Однако ж имеем о неприятеле ведомость, что вдвое больше нашего потерял». Петр невольно улыбнулся. Мастера реляции писать! Ну да пусть наших даже больше шведа полегло — ничего, мы себе новых солдат достанем, а у короля потеря каждого солдата невосполнима.

Хитросплетенная реляция не могла скрыть правду о сражении. Скоро царь узнал обо всем подробнее. Оказалось, что, зная от перебежчика о готовящемся нападении, русское командование не предприняло никаких мер к его отражению; войско скопилось на узком пространстве, так что даже не смогло вытянуть линию батальонов; артиллерия была отодвинута так далеко, что ядра не долетали до переправлявшихся шведов; полки растерялись, не хотели наступать, иные и вовсе в конфузию пришли, а которые и бились, то казацким, а не солдатским боем. И потеряли мы вдвое больше шведа.

Петр пришел в ярость и отдал Репнина под суд. Благородный Репнин взял всю вину на себя, заявив следствию, что «полковники должность свою отправляли как надлежало». Суд признал его достойным лишения жития, но нашел возможным заменить смертную казнь разжалованием в солдаты. Петр утвердил приговор. А по горячим следам написал и раздал в полки «Правила сражения», в которых сурово напомнил: «Кто место свое оставит или друг друга выдаст и бесчестный бег учинит, то онный будет лишен живота и чести».

Зато Карл был доволен успехом сверх меры. Заняв Могилев, он простоял в нем в бездействии целый месяц. Куда торопиться? Он почти у цели: в ста милях на восток уже Смоленск, а за ним — Москва. Король ждал Левенгаупта и восстания казаков Мазепы, к которому были отправлены курьеры с предложением перейти на сторону шведов. Но Малороссия не спешила податься под королевскую руку: гетман отвечал уклончиво. Петр наблюдал за Карлом из Горок и радовался тому, что, по сообщениям пленных, шведы голод имеют великий. Могилевский поп Елисей уверял, что шведов померло от голода тысячи с четыре. А Левен-

гаупт опаздывал. Огромный обоз медленно тащился из Курляндии на юг. Вот уже кончился июль, наступил август, а корпус Левенгаупта все еще месил дорожную грязь. Между тем лошади шведов начисто выели всю траву в окрестностях Могилева.

Не дождавшись Левенгаупта, Карл в первых числах августа двинулся дальше на юго-восток. Местность на десятки верст была выжжена и разорена. Чтобы найти себе хоть какое-нибудь пропитание, солдаты должны были искать на выгоревших полях уцелевшие колоски и молоть их вручную между камнями. А тут еще льют непрерывные дожди и негде укрыться и обсушиться. От сырости и дурной пищи среди солдат распространялись болезни. Шведы мрачно шутили, что их лечат три доктора: доктор Водка, доктор Чеснок и доктор Смерть.

Русская армия шла наперерез шведам. Почти двухмесячное затишье было нарушено 30 августа знатной канонадой у села Доброго. По сравнению с Головчином роли переменились — теперь уже русские батальоны внезапно переправились через речку Белую Нэпу и атаковали отряд генерала Рооса, стоявший особняком от основных сил шведской армии. Роос во всем уподобился Репнину — совершил те же ошибки и тоже был жестоко за них наказан; с приближением Карла русские без паники отошли на исходные рубежи. Петр ликовал: впервые русская пехота атаковала шведов и вышла из боя в полном порядке! В восторге он писал Апраксину: «Надежно вашей милости пишу, что я, как почал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слыхал и не видал (дай Боже и впредь так), и такого еще в сей войне король шведский ни от кого сам не видал». Катеринушке весело сообщил, что «сей танец в очах горячего Карлуса изрядно станцевали».

Через несколько дней у деревни Раевки танец повторился. Приглашение к нему исходило от Карла. Король ехал во главе Остготландского кавалерийского полка в сопровождении Рёншельда и Маленького Принца. Завидев вдалеке русскую конницу, Рёншельд флегматично спросил Карла:

— Не повозиться ли нам с ними?

Король тотчас обнажил шпагу и бросился в атаку. Но численный перевес русских был настолько велик, что Остготландский полк был сразу же окружен. Взвод, при котором находился Карл, полностью погиб в беспорядочной и безжалостной кавалерийской рубке; сам король уцелел лишь благодаря

непроницаемым клубам пыли, поднявшимся над местом схватки. Некоторое время он даже находился в русском строю, выдавая себя за одного из драгун, пока не завидел другой шведский кавалерийский отряд. Незаметно отстав от русских драгун, он подъехал к своим и вновь лично повел кавалерию в бой. Эта горсть людей была также окружена и изрублена. Под королем убило лошадь — он отбивался пеший, а потом вскочил на коня своего убитого адъютанта. На выручку королю подоспел отряд майора Линда и вывел его из окружения.

К шведам и русским подошли подкрепления. Враги выстроились на расстоянии пистолетного выстрела, но стрельбы не открывали. Петр издали пожирал глазами маленькую фигурку всадника в запыленном солдатском мундире и со стриженной головой, окруженную блестящей свитой. Возобновления сражения не последовало, видимо, генералы упростили горячего Карлуса не трогать без толку людей.

Наступил сентябрь, а шведам не стало легче. Карл двинулся было к Татарску, но был вынужден остановиться. Все время приходилось идти по выжженной земле, густые клубы едкого дыма застилали солнце. Опухшие от голода шведы едва могли маршировать. А стоило сделать привал — сразу налетали казаки и калмыки. Напряженно всматриваясь в плотную завесу дыма на востоке, Карл и его генералы то и дело оглядывались назад и недоуменно повторяли: где же Левенгаупт? Без него нельзя идти вперед, но что еще хуже — без него и нельзя стоять на месте. Впрочем, король выглядел, как всегда, беспечным и находил удовольствие в ежедневных стычках с русскими. Под Черниговом он брал мушкеты у своих солдат и азартно перестреливался с «болотными Иванами».

Однако нужно было найти незатронутые войной места, чтобы дать отдых армии и осмотреться. Карл повернул от Смоленска в Северскую землю. Стремясь не допустить ее разорения, король отправил вперед корпус генерала Лагеркроны.

Педантичная исполнительность Лагеркроны была хорошо известна в шведской армии, и король в данном случае твердо рассчитывал на нее. Лагеркрона имел приказ занять Мглин и преградить русским доступ в Северщину. Но события повернулись так, что многолетняя привычка шведских генералов слепо исполнять королевские приказы сослужила на этот раз плохую службу Карлу. Корпус Лагеркроны заблудился и вместо Мглина

вышел к Стародубу. Лагеркрона, этот безотказный автомат, не предпринял ни малейшей попытки взять город, а повернул назад к Мглину, хотя было заранее ясно, что он опоздает к приходу русских. Узнав о действиях своего генерала, Карл в замешательстве пробормотал: «Лагеркрона сошел с ума». С небольшим отрядом король кинулся к Мглину, но в нем уже сидел сильный русский гарнизон, легко отбивший безрассудный штурм. Карл отошел от Мглина и две недели простоял в Костеничах, поджидая Лагеркрону и остальную армию. Торопиться было некуда: русская армия надежно преградила Калужскую дорогу и беспрепятственно разоряла окрестности.

Была новость и похуже: Карл направился на Северщину в тот момент, когда Левенгаупт находился в каких-нибудь девяноста милях от шведской армии! Теперь расстояние между ними снова увеличилось, а идти навстречу обозу по опустошенной территории, на которой не осталось ни единого зернышка, не представлялось возможным.

Сражение при Лесной. Гравюра Пармессена, первая четверть XVIII века

За Левенгауптом внимательно наблюдал и Петр. Успокоившись за Северщину, царь оставил здесь главные силы армии

во главе с Шереметевым, а сам с Данилычем и корволантом — «летучим отрядом» из 11 000 драгун — двинулся на перехват шведского обоза. Когда королевские гонцы доставили Левенгаупту приказ Карла поспешить, на опушках багряно-золотого леса уже мелькали красные мундиры русских кавалеристов из передовых частей царского корволанта.

Началась упорная гонка. Левенгаупт отчаянно рвался на юг, но его тяжелые фуры вязли в осенней грязи. 26 сентября русская кавалерия сцепилась с тыловой охраной обоза. Левенгаупт понял, что столкновение неизбежно. Отправив вперед обоз, он построил пехоту и конницу в боевой порядок. Весь день шведы простояли в поле в ожидании нападения, а вечером отошли к берегу Днепра и всю ночь также провели в строю под ружьем. Обоз удалось переправить на другой берег.

Промедление русских объяснялось тем, что столкновение со шведским арьергардом несколько обескуражило царя и генералитет. Из показаний пленных установили, что корпус Левенгаупта насчитывает не 8 000 человек, как предполагалось, а вдвое больше. Тем не менее на военном совете решили продолжать преследование и, коли представится случай, с помощью Божией атаковать.

Весь следующий день шведы отходили, отбиваясь от вившейся вокруг русской конницы, и к вечеру дошли до деревни Лесной. Наутро 28 сентября Левенгаупт отправил обоз под прикрытием трехтысячного отряда переправляться через речку Сож, а сам с оставшимися силами изготовился к бою. Сражение началось после полудня. Шведы скопились на окруженной лесом поляне, что лишало их возможности использовать численное преимущество. Однако весь день нельзя было понять, чья возьмет. Левенгаупт не только оборонялся, но и бросал солдат в атаки. Был момент, когда драгуны Меншикова дрогнули, и только бешеная контратака семеновцев и преображенцев остановила шведов. Через несколько часов боя измотанные противники уселись на землю на виду друг у друга и некоторое время отдыхали. После четырех часов пополудни к русским подошло подкрепление — 4 000 драгун генерала Боура. Сражение возобновилось, русские стали понемногу одолевать, но до самой темноты не имели решительного успеха. Вечером разразилась неожиданная для ранней осени пурга, которая залепила всем глаза и заставила прекратить битву.

Шведы сохранили строй, но Левенгаупт счел свое положение безнадежным. Ночью он приказал поджечь большую часть обоза и отступать. Фуры с припасами, которые с невероятным трудом дотащились сюда из-под Риги — под проливными дождями, по разбитым дорогам, — запылали в ночи, рассыпая во мраке золотисто-огненные снопы искр. Пушки были сняты с лафетов и зарыты. Зловещее зарево освещало картину полного разложения шведского корпуса: солдаты грабили офицерские подводы; роты и батальоны, ища спасения, разбредались по лесу и теряли связь между собой. Кавалерия бросилась вплавь через реку. Казаки и калмыки, сторожившие добычу, рубили на берегу беглецов и захватывали подводы.

Однако только поутру стало окончательно ясно, какая беда постигла шведов. На месте боя русские подобрали 8 000 мертвых тел в синих мундирах. И главное, пропал огромный обоз с годовым запасом продовольствия и боеприпасов для всей шведской армии; 2 000 повозок достались русским.

Когда 1 октября к Карлу в Костеничи явился солдат с сообщением о разгроме, постигшем Левенгаупта, король не поверил ему. Как? Шестнадцать тысяч шведов показали спины москвитам? Вздор! Однако, не поверив ушам, король должен был поверить собственным глазам. Десять дней спустя Левенгаупт привел в шведский лагерь 6 000 голодных, оборванных солдат. Ни артиллерии, ни провианта! Шведов охватило уныние. Удар был слишком силен и для Карла. Король потерял сон и проводил ночи в присутствии то одного, то другого приближенного; в королевской палатке до рассвета царил подавленное молчание. Левенгаупт не слышал от Карла ни одного слова упрёка. Наоборот, король повелел известить европейские дворы, что генерал Левенгаупт имел генеральную баталию с царем, разорил все царские войска и взял в плен 20 000 московитов.

А к Петру прибыли добрые вести с севера. Шведский генерал Любеккер с 14-тысячным корпусом, надеясь овладеть парадизом, бесплодно проблуждал по Ингрии, потерял людей тысячи с три и отступил ни с чем.

Однако рука Карла еще крепче сжимала рукоять шпаги. Прошло несколько дней, и он, стряхнув с себя оцепенение, снова произнес: «Вперед!»

Мазепа лежал в постели в Борзне, своей гетманской волости. Лежал, обложенный подушками, разговаривал едва слышным голосом и с боку на бок переворачивался при помощи слуг. К царю был послан гонец с письмом Мазепы, в котором гетман извещал, что душа его приблизилась до врат смертных, понеже вот уже десять дней, как он не может ни есть, ни спать и единственную надежду на исцеление полагает в елеосвящении, совершенном над ним киевским митрополитом.

На самом деле гетмана уложила в постель не болезнь, а шведская армия, приближавшаяся к границам Малороссии. И хоть не было его ложе смертным одром, тяжкую думу думал Мазепа, лежа на прохладных белоснежных простынях. Как охранить себя от беды? Продолжать ли держаться царя или перейти на службу к шведскому королю? Никогда еще не приходилось Мазепе делать столь трудный выбор.

Долгие годы хранил он верность царскому величеству. Составился, служа Москве, совершил одиннадцать походов против татар. И нынешняя война отчасти его рук дело — во время своих ежегодных приездов в Москву и душевных бесед с государем не сам ли он поддерживал решимость Петра выступить против шведского короля? Казалось, чем дальше будет царь от Украйны, тем лучше. Мог ли он тогда представить, что все обернется против него, что швед застучит в украинские ворота?

Но в конце концов, и со шведом гетман воевал исправно, хоть казаки кричали, что на царской службе обносились и оголодали. По первому требованию царя Мазепа слал в Ливонию людей, провиант, подводы, деньги. Не забывал, конечно, и про свою казну, потому и врагов себе нажил довольно — года не проходило, чтобы не строчили на него донос с обвинениями в изменнических помыслах. Тоже нашлись ясновидцы — мысли его читать! Разве не доказал он свою верность царю после Нарвы? Вот уж лучшего времени для измены было не найти! К счастью, царское величество всегда выдавал ему клеветников головой, судил не мысли, а дела.

И то сказать — много ему за эти годы было сделано лестных предложений, и обо всех них первым узнавал государь. Не сам ли он, верный гетман Мазепа, выдал царскому величеству Франтишека Вольского, гонца Станислава Лещинского, с прелестным

письмом на свое имя? Не сам ли отвадил другую прельстительницу, княгиню Дольскую, склонявшую его в письмах податься к королю Станиславу? Безумная баба, хотела обмануть его, *искусную, ношенную птицу*, которую не провели ни король Ян, ни хан крымский, ни донские казаки. После третьего письма ответил ей твердо: «Прошу Вашу княжескую милость оставить эту корреспонденцию, которая может меня погубить в житии, гоноре и субстанции. Не надейся, не помышляй о том, чтобы я, при старости моей, верность мою царскому величеству повредил». Заставил-таки уняться бесноватую бабу. А пан Тарло, пришедший на смену княгине, — что он услышал от него? Он и теперь может повторить свой ответ слово в слово: «Не могут меня никогда ни стрелы, ни огонь разлучить от любви пресветлейшего все милостивейшего государя моего... Первее на земле звезды будут, небо же сохою орано, нежели Украина имела бы когда возвратится к короне Польской и народ казацкий, от веков к польскому имеющий ненависть, с Речью Посполитой соединен имел быть».

Так как же получилось, что, вместо того чтобы исполнить волю Петра и оборонять Украину от шведов, верный гетман лежит в постели, прикидываясь умирающим? Какие мысли гнетут его? Что повредило его верность царскому величеству?

Мазепа тяжело вздыхал. Думал. Ворочался на подушках. Не ел. Не спал. Думал.

Завелась у гетмана головная боль — светлейший царский конюх. Высоко залетел Александр Данилович, и есть у Мазепы такое подозрение, что проклятый царев любимец спит и видит, как бы заполучить гетманскую булаву. Всеми силами хочет поссорить его светлейший с казацкой старшиной. Вот два года назад, во время приезда царского величества в Киев, на пиру у Мазепы крикнул во весь голос, кивнув на старшин: мол, пора тебе, Иван Степаныч, приниматься за этих врагов. Мазепа тогда так же громко ответил ему: не пора, — а выйдя попозже к старшине, сказал: «Слышали все, какие мне песни поют и на Москве, и во всяком другом месте?»

Да, большую силу забрал светлейший, Мазепу не ставит ни во что и ведет себя так, будто гетманская булава уже в его руках. Сватал Мазепа своего племянника Войнаровского за сестру светлейшего — князь отказал: видать, такое родство уже и в честь себе не считает. Во всех походах царь подчиняет гетмана своему Данилычу, а тот уже распоряжается и в самом войске

Запорожском — через голову Мазепы велит казачьим полковникам давать ему деньги для жалования солдатству и командует старшиной по своему усмотрению!

А тут еще явился лукавый бес — ксендз Зеленский с предупреждениями о коварных умыслах светлейшего и новыми предложениями от короля Станислава. Карл уже шел к московским пределам, но Мазепа все еще крепился. Старшине сказал: «Верность мою царскому величеству буду продолжать до тех пор, пока не увижу, с какою потенцией Станислав к границам украинским придет и какие будут прогрессы шведских войск в государстве Московском».

Между тем сдерживать старшину с каждым днем становилось все труднее. Приходили к нему в одиночку и скопом, заседали: когда же пора? Мазепа медлил, хитрил, уговаривал положиться на его убогий разумишко, а иногда грозно прикрикивал: «Черт вас поберет! Вот поеду ко двору его царского величества, а вы хоть пропадайте!»

Надеялся гетман, искусная, ношенная птица, что, бог даст, грозу пронесет, все дело решится где-нибудь подальше от Украины, а уж с победителем он сумеет поладить. Вот почему, узнав в середине октября о вступлении Карла в украинские земли, в сердцах воскликнул: «Дьявол его несет сюда — на разруху Украины и нашу погибель!» Полковники же приступили к нему вплотную: посылать к королю или нет?

Вот тогда-то старый верный гетман Иван Степанович Мазепа и отослал гонца к шведскому королю, обещая лучшие города для зимних квартир, фураж, провиант и потребную амуницию, а сам залег в постель, обложившись подушками.

Случилось это 21 октября. А уже на следующий день гетмана известили о приближении войск князя Меншикова. Не знал гетман, что светлейший и в мыслях ничего худого не имел, — ехал по поручению Петра проведать доброго старика, готовившегося отдать Богу душу. Мазепе же представилось, что окует его светлейший в кандалы. Болезнь его как ветром сдуло. В тот же вечер он сорвался с постели и помчался к Десне, навстречу шведским войскам. 24 октября он уже приветствовал Карла медоточивой речью на латыни. Король слушал и хмурился, глядя на две тысячи казаков, которых Мазепа привел с собой. Так это и есть грозное казацкое войско? Хорошего же союзника он приобрел! У Мазепы и у самого на душе лежал могильный

камень. Однако он уверял короля, что, как только шведы овладеют Батурином, гетманской столицей, вся Украина поднимется против царя.

Вместе со шведской армией к Батурину устремились и русские. Меншиков выиграл гонку. 2 ноября он подлетел к городу. Казачий гарнизон заперся за стенами и на предложение открыть ворота ответил, что скорее помрет, чем пустит в город царские войска.

Нарассвете Меншиков бросил солдат на приступ. Через два часа русские ворвались в Батурин. Все его жители — 7 000 человек — были истреблены поголовно, а сам город светлейший велел сровнять с землей.

Малороссийские казаки призадумались. Тем временем в украинских городах появилось воззвание Петра, в котором царь объявлял, что Мазепа предался шведам для того, чтобы малороссийскую землю поработить по-прежнему во владение польское, а церкви Божии и монастыри отдать в унию. Однако, не очень-то рассчитывая на религиозное рвение казачества, добавлял, что за взятого в плен шведского генерала будет платить пять тысяч рублей, за полковника — тысячу, за рядового — пять рублей.

Казаки валом повалили в царскую армию. Мазепа сетовал: «Злые и несчастливые наши початки! Знаю, что Бог не благословил моего намерения...» Меншиков в Глухове принародно вздернул на виселицу куклу, изображавшую гетмана, предварительно содрав с нее андреевскую ленту. Новым гетманом избрали Скоропадского. Хорошо зная повадки своего старшины, Мазепа уже с подозрением косился на него. А спустя месяц он сам в тайном письме предложил царю передать в его руки шведского короля в обмен на прощение. Петр ответил на это предложение презрительным молчанием. Царь быстро вычеркнул Мазепу и из сердца, и из памяти. Последний раз имя гетмана появилось в его письме от 8 ноября: «Итак, проклятый Мазепа, кроме себя, худа никому не принес, ибо в народе имени его слышать не хотят».

11 ноября Карл с передовым отрядом подошел к Батурину. Руины еще дымились, в воздухе стоял смрад от полуобгоревших трупов. По совету потрясенного этим зрелищем Мазепы шведы двинулись на юг, к Ромнам — в изобильный край, покрытый тучными нивами и сочными пастбищами, где всего было в достатке: хлеба, мяса, пива, меда, сена и овса.

Русская армия шла параллельным курсом. Регулярная конница, казаки и калмыки терзали шведские отряды, не позволяя

им заготавливать провиант. Небо над Украиной почернело от дыма — теперь уже и шведы должны были опустошать местность, чтобы защититься от набегов русской кавалерии. Каждому полку выделялась область, которую надо было разграбить и сжечь. Богатый край пришел в запустение.

К голоду — прежнему врагу шведов, прибавился новый враг — холод. Морозы завернули необычно рано и такие крепкие, что старики и припомнить не могли. В этом году от холода страдала вся Европа. В лесах Швеции и Норвегии замерзали лоси и олени, зайцы коченели в норах, белки и птицы замертво падали с деревьев. Все Балтийское море покрылось льдом, из Дании в Швецию ездили на санях; в Венеции замерзли каналы; в Париже по покрытой льдом Сене катались верхом и в экипажах, вино в подвалах Версаля превращалось в лед. Украинская же степь превратилась в ледяной ад.

Тем не менее боевые действия не прекратились. В начале декабря на военном совете в Лебедине Петр принял решение потревожить Карла в его главной квартире — Ромнах. Для этого было предпринято демонстративное сосредоточение главных сил русской армии в районе Гадяча, между тем как генералу Галларту было поручено занять Ромны, как только шведская армия покинет город для оказания помощи гадячскому гарнизону.

План удался как нельзя лучше. Карл ринулся с армией к Гадячу, мечтая о генеральной баталии. Поход был ужасен как для шведов, так и для русских. Путь к Гадячу с обеих сторон был отмечен замерзшими трупами лошадей и обледеневшими статуями людей, прислонившихся к деревьям или телегам. Порой целые полубомороженные отряды шведов и русских безропотно, как скотина, давали врагу забить себя. Но если Петр, следуя своему плану, быстро отвел войска назад на зимние квартиры, то Карл продержал шведов двое суток в степи, все дожидаясь, что русские подойдут к Гадячу, станут его штурмовать, — и тут-то он задаст им вторую Нарву!

Главное бедствие, однако, ждало шведов впереди. 28 декабря, не дождавшись генеральной баталии, Карл вошел в Гадяч. Маленький городишко не смог вместить такого огромного количества людей и животных, доброй половине шведской армии опять пришлось ночевать под открытым небом. Люди примерзали к саням, седлам; пытаясь согреться, шведы кружками глотали водку, но, впад в сладкое забытие, лишь ускоряли свою смерть.

Гадяч превратился в огромный лазарет. Доктора работали не покладая рук, отрезая и отпиливая у солдат обмороженные части тела. Из каждого дома слышались душераздирающие вопли оперируемых, в комнатах на полу росли груды отрезанных рук, ног, пальцев, ушей и носов. Сам Карл обморозил щеки и нос, но по совету Мазепы растер лицо снегом, и оно снова покрылось румянцем. С губ короля не сходила довольная усмешка: на редкость трудный поход! Какая слава тем, кто его выдержал!

А выдержали ночлег в Гадяче два шведа из каждых трех.

К 30 декабря наконец потеплело.

Карл не вернулся в разоренные Галлартом Ромны, а двинулся дальше на юг, в обход русской армии. Свою ярость викинга, против которого ополчились небо и земля, он выместил на Веприке — небольшой крепостце, обороняемой тысячным гарнизоном во главе с капитаном Юрловым. Валы Веприка, облитые водой, превратились в ледяные горы, но Карл бросил шведов на штурм, не дожидаясь, когда подвезут артиллерию. Шведские лестницы соскальзывали с обледеневших скатов, а русские прицельно били из ружей по офицерам, бросали на головы шведам бревна, лили кипяток и даже вываливали из котлов горячую кашу. У подножия валов Веприка росла грудa тел в синих мундирах, но король не допускал мысли, что его может остановить какая-то «жалкая крепостишка», и вновь и вновь подавал сигнал к штурму. Ночью, когда у осажденных кончился порох, Юрлов сдался на почетную капитуляцию. «Злой город» был срыт.

В Карле проснулся берсерк. 11 февраля в отчаянной кавалерийской рубке у Краснокутска он вместе с драбантами обрушился на русскую конницу, одолевавшую шведских драгун. Десять дружинников пало, защищая своего короля, которому ежеминутно грозила гибель от русских палашей, но в конце концов русские не выдержали и побежали. Король с драбантами преследовал их десятки верст по глубокому снегу и на плечах у бегущих ворвался в Городное, где врубился в самую гущу русских кавалеристов и устроил настоящую резню. В этом бою каждый драбант зарубил не менее шести русских всадников. Карлу приписывали убийство двенадцати русских драгун, но король скромно улыбался: в таких случаях слухам следует верить не более чем наполовину.

Петр не на шутку встревожился — продвижение Карла на юг создавало угрозу воронежским верфям. Царь оставил армию

и уехал укреплять Воронеж. 13 февраля шведская армия вышла к местечку Коломак, но здесь была вынуждена остановиться — погода вновь сыграла с Карлом злую шутку: морозы сменились распутицей, ударили грозы, разразились ливни, обильный снег стал быстро таять, по степи мутными потоками разлились ручьи, в которых шведы утопали по пояс. С трудом вытащив подводы и пушки, шведы повернули назад и остановились в Опошне.

Как только немного подсохло, Карл выступил дальше на юг. Он не желал и слушать тех генералов, которые советовали ему отступить за Днепр на соединение с войсками Станислава Лещинского и корпусом шведского генерала Крассова, оставшимся в Польше. Отступать — значит нанести себе бесчестье после такого славного похода! Нет, пока что он выгонит царя из казацкой земли, укрепит за собой Полтаву, а там наступит лето, и покажет шведам, куда двигаться.

Шведская армия потянулась к Полтаве. Позади оставалась расхваленная Мазепой земля «молока и меда», благодатных плодов которой шведам так и не удалось вкушать; теперь это была земля разоренных городов и сожженных селений. Солдаты чавкали по грязи изношенными сапогами, зябко ежились на весеннем ветру в своих изодранных мундирах. Но Карл ничего не желал замечать. 11 апреля он сообщал Станиславу Лещинскому: «И я, и вся армия чувствуем себя прекрасно. Неприятель бывал бит и обращен в бегство всякий раз, когда мы имели с ним дело».

Между тем русские в мае разорили мятежную Запорожскую Сечь, поддержавшую Булавина. Большая часть казаков погибла, защищаясь. Укрепления Сечи были срыты. Около 15 000 запорожцев явились к Карлу, воинственно потрясая луками, копьями и саблями. Мушкетов на всю эту орду в шведском лагере не нашлось. Зато шведский лагерь заполонили приведенные казаками потаскухи, — к великому негодованию Карла, не ожидавшего такой распущенности от степных витязей, известных своим монашеским братством⁴².

Петр провел зиму, занимаясь воронежским и азовским флотами, — боялся, как бы вторжение шведов на юг России не побудило султана попытаться вернуть утраченные азовские

⁴² В Запорожскую Сечь женщин не допускали. Семьи казаков жили отдельно от отцов и мужей, за пределами Сечи.

земли. Многие старые корабли прогнили — их пришлось разобрать и строить новые. Петр взял в руки плотницкий инструмент, который всегда помогал ему отвлечься от забот и тревог. Из Петербурга и Москвы его навещали родные — Екатерина, сестра Наталья Алексеевна, царевич Алексей; из армии с последними новостями приезжал Данилыч. Болезнь продолжала донимать царя, доктора поили его какими-то «жестокими» лекарствами, которые хотя вроде бы и «действовали», но державный больной становился от них «бессилен, как ребенок».

Пришлось сменить верфь на рабочий кабинет. От Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, ведавшего печатным делом, пришли две новые книги: «Побеждающая крепость» Эрнеста Фридриха Боргсдорфа с изложением принципов обороны крепостей и «Римплерова манира о строении крепостей» Георга Римплера. Обессилевшего от болезни царя, у которого к тому же начала развиваться близорукость, эти книги крайне раздосадовали, — он нашел, что печать в них зело не чиста и толста, а корешки переплетов весьма дурны, отчего листы в книгах «таращатся». Повелел для начала выправить начертание букв «буки» и «покой», а потом, раззадорившись, единым махом переделал весь прежний алфавит: церковно-славянские литеры преобразовал в гражданский шрифт, устранил титлы и выносные буквы. Да чтобы не таращились листы, приказал книги «гораздо слабко и просторно в кореню делать».

А сев за письменный стол, не отрывался от него несколько недель, стремясь разгрести груды накопившихся дел и проектов. От малого переходил к большому — учреждал губернии для лучшего снабжения армии припасами, провиантом и деньгами, напоминал Данилычу, чтоб до его приезда генеральной баталии неприятелю не давали; от большого возвращался к малому — распоряжался об устройстве в парадизе фонтанов и цветников, просил выписать из Англии добрых карандашей, а из Вест-Индии — пуда два добрых табачных семян.

В мае посланник при султанском дворе Петр Андреевич Толстой сообщил, что турки и татары и не думают о войне с его царским величеством. Прибытие царя в Азов, писал он, «такой превеликий страх сим варварам учинило, что беспамятно все, яко безумные, поколебались и врознь было побежали... а потом помалу усмирились, и ныне с помощью Вышняго все успокоилось».

Петр засобирался в путь. Наступало лето, пора было кончать с уморенным шведом.

В первые дни апреля снег на Украине стоял. По утрам над черными буграми влажной земли поднимался белый пар, напоенный теплом и светом. Чисто голубело небо между круглых, рыхлых облаков, и мягкий, сырой ветер ласково веял над берегами рек, покрытых молодой сочной травой.

Под стать весне было и расположение духа Карла. В ожидании свежих шведских полков из Польши и армии Станислава Лещинского он был настолько уверен в победе, что, не раздумывая, отверг очередное предложение царя о мире. Петр предлагал возвратить Швеции все, кроме Петербурга; Карл даже не ответил ему.

По подсохшим дорогам король отвел свою армию еще южнее — к Полтаве, куда скорее могли подойти подкрепления из Польши. Полтава была небольшим, но оживленным торговым городком, защищенным от набегов татар земляным валом и деревянным тыном. Ее гарнизон, которым командовал Алексей Степанович Келин, насчитывал чуть больше 4 000 солдат и 2 600 ополченцев.

Карл осадил Полтаву главным образом для того, чтобы было чем развлечься до прибытия подкреплений. Неудача первых лихих наскоков на полтавские валы, предпринятых без всякой подготовки, ничуть не обескуражила его. Шведские генералы хмурились, но молчали, не осмеливаясь вмешиваться в королевские забавы. Один Гилленкрок попытался заставить короля взглянуть на дело серьезнее: для правильной осады города шведам не хватает артиллерии и пороха, а генеральный штурм только погубит пехоту. В ответ Карл самодовольно улыбнулся: «Когда русские увидят, что мы серьезно хотим напасть, они сдадутся при первом же выстреле». Гилленкрок возразил, что, по его мнению, при нынешнем состоянии шведской армии овладеть Полтавой можно лишь при необыкновенном везении.

— Вот именно, — подхватил король, — мы и должны совершить то, что необыкновенно. От этого мы получим честь и славу.

— Боюсь, что это необыкновенное предприятие и конец будет иметь необыкновенный, — сказал Гилленкрок.

Карл не удостоил эту дерзость ответом.

Шведы приступили к рытью траншей вокруг Полтавы и бомбардировке города. Однако выяснилось, что нужно экономить

порох — каждая пушка могла давать не более пяти выстрелов в день. Обнаружился и недостаток свинца, из-за чего шведы бродили по траншеям, подбирая русские пули. Тем не менее не проходило дня, чтобы Карл не устраивал под валами Полтавы какой-нибудь драчки. Келин мужественно отражал все приступы, устраивал вылазки и разрушал подкопы. Карл не мог сдержать своего удивления:

— Ну и ну! Не иначе как русские сошли с ума — похоже, они вздумали защищаться по-настоящему!

За шесть недель осады мягкую украинскую весну сменило знойное лето. Полтава держалась. Шведы дошли до такого оскудения, что стреляли по городу камешками и железками. Русские в насмешку забрасывали шведские траншеи дохлыми кошками; однажды угодили дохлятиной в самого короля. Чтобы воодушевить солдат, Карл перебрался жить в деревянный домик, стоявший так близко от полтавских валов, что его стены были изрешечены пулями. Но солдаты расценили этот поступок по-своему. «Он ищет смерти, потому что предвидит дурной конец», — в унынии повторяли они.

Значение Полтавы Петр оценил сразу. «Сие место зело нужно», — писал он Данилычу. И в самом деле необыкновенная удача — Карл сам запер себя в мышеловке! На юге шведская армия упирается в Полтаву, с запада и востока отрезана Днепром и Ворсклой, а с севера над ней нависают русские войска под командованием Меншикова и Шереметева. Боясь упустить выгоды позиции, царь писал с дороги Данилычу: «Как возможно поспешать буду, однако понеже в трудном деле и час потерять нужный бывает худо, для того, ежели что подлежит нужно, и не дожидаясь меня, с Божьей помощью делайте». Но светлейший дожидался, не решаясь перейти Ворсклу и ограничиваясь диверсиями в помощь осажденной Полтаве. Вскоре к нему подошла армия Шереметева, но и вместе они также не смогли придумать, что делать. Келин сообщал, что у него на исходе порох и ядра и что крепость едва ли продержится дольше июня. Но Меншиков и Шереметев боялись переправляться через Ворсклу на глазах у шведов. Полтава пока, слава богу, держалась — и они ждали приезда царя.

Петр прибыл в армию 4 июня. Знакомство с обстановкой на месте рассеяло последние сомнения — нужно давать генеральную баталию. Швед измотан, а наших вдвое больше числом.

Единственное слабое место — Полтава. Если швед возьмет ее, то сможет спокойно дожидаться подкреплений. На военном совете 16 июня решили подождать казаков гетмана Скоропадского и калмыков хана Аюки, которые должны были подойти не раньше 19-го, а пока переправляться через Ворсклу и попробовать оказать сикурс Полтаве без генеральной баталии.

На следующий день, 17 июня, Карлу исполнилось 27 лет. Ранним утром король, как обычно, в сопровождении драбантов, совершил верховую прогулку по берегу Ворсклы, чтобы осмотреть позиции. На одном из речных островков шведы заметили казаков, сидевших возле костра. Завязалась перестрелка, один драбант рядом с королем был убит. Сделав несколько выстрелов по неприятелю, Карл спокойно повернул лошадь и еще два часа объезжал посты своего лагеря. Наконец он повернул к своей палатке. Остановив возле нее коня, он соскочил на землю и потерял сознание. Тут только свита заметила, что из его сапога сочится кровь.

Короля перенесли в палатку. Разрезав сапог, хирурги установили, что казацкая пуля прошла ступню насквозь — от пятки до пальцев, перебив кости. Все пришли в ужас, один Карл не только не выказывал ни малейших признаков страдания, но и казался чрезвычайно довольным. Рана — это было именно то, что еще недоставало ему при всех его подвигах. Рана — отметина героической судьбы, Божья милость воину. Так говорится в древних сагах.

Хирурги робко взялись за нож, чтобы вытащить осколки раздробленных костей. «Режьте смелее!» — подбадривал их король. Он не отводил взгляда от ножа и сам обрезал плоть у краев раны.

Вечером о ранении Карла узнали в русском стане, и Петр сразу начал переправу через Ворсклу. Шведы не оказали почти никакого сопротивления. Несколько дней — с 19 по 21 июня — Ворскла была запружена переправлявшимися людьми, лошадьми, подводами. На другом берегу быстро возводился огромный укрепленный лагерь.

А Карл в это время лежал при смерти. Рана воспалилась, и врачи с минуты на минуту ожидали конца. Только 21 июня угроза гангрены миновала. Оживший Карл смотрел на своих приближенных все с той же спокойной улыбкой и заставлял своего слугу Гультмана без конца читать ему сагу о Роларе Гётриксоне — о том, как этот герой одолел русского волшебника,

жившего на острове Ретузаре (где теперь стояла царская крепость Кронштадт), и завоевал Гардарику⁴³ и Данию, за что имя его почиталось и прославлялось на всем Севере.

Узнав о переправе русских, Карл ни на минуту не обеспокоился — тем лучше, теперь он покончит со всеми сразу! Уже 22 июня он выстроил свои войска, вызывая царя на бой, и появился перед солдатами на носилках. Но Петр продолжал деловито укреплять свой лагерь. Карл не Левенгаупт, торопиться не след. Продержав солдат несколько часов в бесплодном ожидании боя, Карл отдал приказ Рёншельду трубить отбой. В эту минуту к королю подвели двух посланцев — от генерала Крассова и Станислава Лещинского, которые привезли невеселую весть: польско-шведские войска стоят в Западной Польше, за тысячу миль от Полтавы, надежно блокированные русским корпусом генерала Гольца и польско-литовскими войсками гетмана Сенявского. Немного позже появились татарские мурзы и привезли от Девлет-Гирея уверения в дружбе и сожаления по поводу того, что султан не разрешил крымцам совершить набег на Украину для соединения со шведской армией. Генералы и министры накинулись на короля, убеждая его немедленно вступить с царем в переговоры о мире, но Карл прикрикнул на них. Сражение будет во что бы то ни стало. Если они и не одержат победы, то хотя бы сохранят свою честь.

В тот же день король бросил армию на очередной штурм Полтавы. Шведы остервенело лезли на валы, не считаясь с потерями. В одном месте им удалось овладеть участком укреплений, но Келин лично повел в бой подкрепления и выбил шведов за вал. В обороне приняло участие все мужское население Полтавы, а женщины подносили защитникам камни, ядра, кипяток и выносили раненых. Одного паникера полтавцы растерзали живо. Этот штурм, стоивший шведам больше двух тысяч человек, закончился тем же, что и прежние, — вечером солдаты вернулись в лагерь, озлобленные неудачей и напрасной гибелью товарищей.

Последующие несколько дней прошли в мелких стычках. В русский лагерь прибыл гетман Скоропадский с казаками, но калмыки запаздывали. Тем временем, чтобы ограничить Карлу возможность маневра, царь велел перегородить узкое

⁴³ *Гардарики* — «страна городов» — древнее скандинавское название Руси.

пространство между Будищенским и Яковецким лесами, которое отделяло русский лагерь от шведского, шестью редутами, возведенными на расстоянии ружейного выстрела один от другого; потом к этим шести редутам добавились еще четыре — под прямым углом к первым. Теперь, наступая (а горячий Карлус, конечно, будет наступать), шведская армия должна была неминуемо разорвать свой фронт.

В воскресенье 26 июня все было готово к сражению. Петр распределил войска между генералами: Данилычу поручил конницу, Шереметеву — пехоту. С самого утра царь ездил по дивизиям и подбадривал солдат.

В то же время Левенгаупт объезжал посты. На одном участке он увидел, как небольшой шведский отряд вступил в перестрелку с казаками. Шведы дали залп, и Левенгаупт не поверил своим глазам: пули вылетели из мушкетов на каких-нибудь двадцать шагов. Порох отсырел! Левенгаупт поспешил доложить о своем открытии королю, но Карл раздраженно прервал его. Пускай генерал оставит свои наблюдения при себе. Он, Карл, уже решил, что баталия состоится завтра, и ничто не изменит его решения.

После полудня король собрал у своей постели на военный совет Рёншельда, Пипера и полковника гвардейского Далекарлийского полка фон Сигрота. Спросил их мнение об обстановке. Ответы были самыми мрачными. Сигрот и Рёншельд говорили о нехватке в армии ядер, патронов и пороха, о том, что последние два дня солдаты не получают хлеба, лошадей приходится кормить листьями. Карл выслушал их, улыбаясь. Нет нужды заботиться о продовольствии для солдат — в московском обозе найдется все необходимое. Что касается господ генералов, то завтра они будут обедать в шатрах московского царя.

План сражения очень прост. Пехота на рассвете пробивается сквозь редуты и выходит на равнину перед лагерем московитов; кавалерия в это время отгоняет неприятельскую конницу. Московитам остается или принять сражение, или подохнуть в своем лагере от голода. Если царь решится на битву, храбрые шведы сбросят его в Ворсклу. В генеральной баталии примет участие восемь тысяч пехотинцев и одиннадцать тысяч кавалеристов. Этого вполне достаточно. Три тысячи

человек будут удерживать полтавский гарнизон от вылазок, шесть тысяч драгун останутся в лагере сторожить обоз не столько от московитов — их поражение предрешиено, — сколько от запорожцев и казаков Мазепы. Пушки не брать — ну разве что штуки четыре, — их перевозка только замедлит движение армии, да и времени не будет выкатывать их на позиции. Стремительность и напор — вот чего ждет король от своих верных шведов. До его сведения дошло, что некоторые весьма озабочены отсыревшим порохом. Пустое. Все решит сталь клинков и багинетов. К сожалению, сам он не сможет на этот раз предводительствовать своими храбрыми солдатами, поэтому поручает возглавить армию фельдмаршалу Рёншельду. Пехоту поведет Левенгаупт, кавалерию — Крейц. Все. У господ генералов еще уйма времени, чтобы сделать соответствующие распоряжения.

Рёншельд покинул королевскую палатку сильно не в духе. В отличие от Карла, он и в более лучшие времена не находил улыбки для своих подчиненных, а теперь фельдмаршал и вовсе смотрел мрачным угрюмцем. Девятилетняя походная жизнь, плохое питание, недосыпание, постоянное напряжение и мучительная незаживающая рана, полученная им под Веприком, сделали свое дело — он стал издерган и раздражителен. Но пуще всех трудностей и лишений войны его выводили из себя два человека — Пипер и Левенгаупт. Пипер, этот штатский толстяк, раздражал Рёншельда тем, что постоянно совал нос в дела армии. Что касается Левенгаупта, то фельдмаршал просто не мог выносить его. Этот несговорчивый и мнительный господин имеет обыкновение выслушивать приказы Рёншельда с таким высокомерным и презрительным видом, будто дает понять, что только верность королю заставляет его терпеть такого болвана, как уважаемый господин фельдмаршал. Черт возьми! Этого задаваку следует поставить на место.

Еще не дойдя до своей палатки, Рёншельд решил не посвящать Левенгаупта в план генерального сражения.

Ближе к вечеру шведская армия начала строиться в походный порядок. Пехота Левенгаупта была сформирована в четыре колонны под началом генерал-майоров Спарре, Штакельберга, Рооса и Лагеркроны. Последняя колонна состояла из одних

гвардейцев, к ней присоединился и Карл — король полулежал на специально сооруженных для него носилках, которые везла пара белых лошадей, запряженных цугом. Носилки окружали телохранители — пятнадцать гвардейцев в синих плащах с желтыми обшлагами и подкладкой и двадцать четыре драбанта в голубых плащах, расшитых золотом. Немного позади ехали адъютанты, иностранные послы и военные наблюдатели — пруссак Зильтман, поляк Урбанович и англичанин Джеффри, а следом за ними весь придворный штат. На чистокровном турецком жеребце примчался Мазепа в роскошных гетманских доспехах, но Карл, похвалив «доброго старика» за храбрость, отправил его назад, в обоз.

Шесть колонн кавалерии были посланы на позиции еще раньше.

За час до полуночи стемнело, и шведская пехота выступила из лагеря. Короля, облаченного в свою обычную форму и с ботфортом на здоровой ноге, провезли мимо марширующих колонн к месту сбора гвардейских батальонов. Там его уже ждали, кутаясь в плащи, генералы штаба. Было слышно, как Рёншельд препирается с Левенгауптом по поводу порядка движения пехотных колонн. Карл прекратил их спор и дал приказ начать общевойсковое богослужение.

В полночь шведы залегли в росистой траве. Луна светила неярко, ночь была довольно темная. Королевские носилки остановились на правом фланге, на краю ковра из тысяч распростершихся по земле поношенных синих мундиров. Ждали кавалерию Крейца, которая заблудилась в темноте. Прошло два часа, ночная мгла начала сменяться жидким сумраком. Со стороны русских позиций раздавался мерный стук топоров — там укрепляли два недостроенных передних редута.

До рассвета оставалось совсем немного. Шведы построились в боевые порядки. Срок, назначенный для атаки, давно прошел, а сигнала к бою все не было. Наконец показались кавалерийские колонны. Почти сразу же шведов заметили с редутов и открыли по ним огонь. Ядра посыпались на неподвижно стоявшие шведские батальоны. Одному офицеру снесло голову, несколько солдат как подкошенные упали на землю. Медлить дальше было нельзя. Нужно было срочно идти вперед или совсем отказаться от атаки.

В четыре часа утра Рёншельд отдал приказ к наступлению.

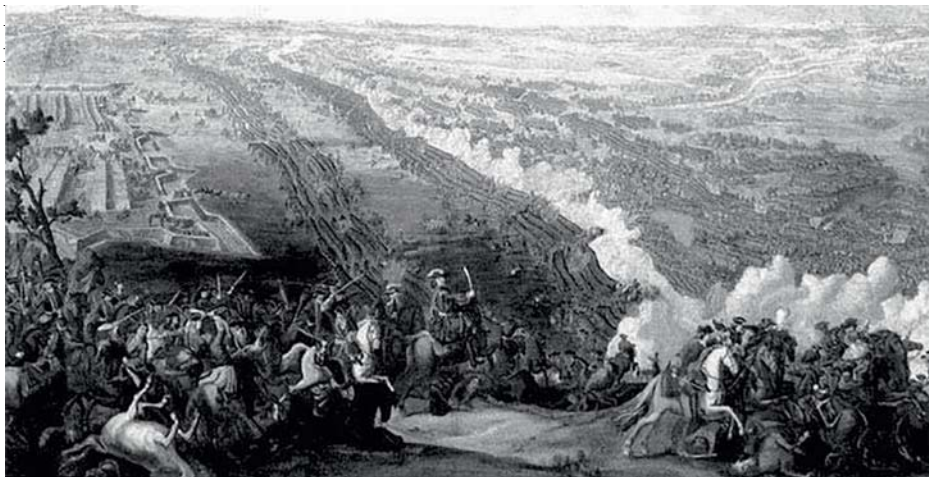

С первыми лучами солнца промокшие и продрогшие шведы двинулись на редуты, откуда на них смотрели жерла ста двух русских пушек.

Натиск шведов был страшен. Два недостроенных редута, окутанные пороховым дымом, сразу залили волны синих мундиров. Пленных не брали, все защитники редутов были переколоты. Однако возле третьего редута шведы застопорились. Здесь скопилось шесть батальонов Рооса, безуспешно бросавшихся в атаку за атакой на русские укрепления. Левенгаупт, не посвященный Рёншельдом в суть королевского плана сражения, разумеется, ничего не сообщил и своим офицерам. В результате Роос, подобно всем офицерам, пребывал в полном неведении как относительно того, куда следует двигаться, так и в тактическом смысле прорыва сквозь редуты — вместо того чтобы быстро миновать их, он занялся их штурмом. Некоторые батальоны других колонн присоединились к нему, другие устремились за удалявшейся колонной Лагеркроны, при которой находился Левенгаупт.

А за редутами уже показались драгуны Меншикова. Шведская кавалерия медленной рысью двинулась навстречу им плотными шеренгами — колено к колену. В косых лучах солнца сверкнули двадцать тысяч обнаженных клинков, и две лавины конницы столкнулись в тесных проходах между редутами. Великолепное зрелище мчащихся всадников в разноцветных мундирах, под реющими на ветру вымпелами и знаменами, сменилось картиной кровавой резни. С редутов грохотали пушки, извергая пламя, русская пехота из-за укреплений посылала в шведов залп за залпом, драгуны в иступлении полосовали вокруг себя отточенными палашами, метались кони, потерявшие всадников, на земле корчились в агонии содрогающиеся тела людей, и надо всем этим медленно ползли тяжелые облака слепящего, удушающего дыма...

Почти час продолжалась кавалерийская рубка. Меншиков захватил четырнадцать вражеских знамен и слал в лагерь победные реляции с просьбой подкрепить его пехотой — светлейший ручался за победу. Петр не желал превращать оборону редутов в генеральное сражение. Но образумить Данилыча, которому успех вскружил голову, оказалось нелегко: царю пришлось дважды присылать к нему адъютантов с приказанием отступить и пропустить шведскую кавалерию на равнину перед лагерем.

Полтавское сражение. Гравюра Дармессена, первая четверть XVIII века

Этот маневр, не вовремя задуманный царем и выполненный Меншиковым не слишком удачно, едва не привел русскую армию к катастрофе. Ободренные шведы устремились в преследование. Их натиск был так силен, что русская конница, сломав боевые порядки, во весь опор понеслась мимо лагеря на север — прямо к длинному глубокому оврагу, протянувшемуся от Ворсклы к Будищенскому лесу. Шведы наседали, и гибель русской конницы казалась неминуемой — через несколько минут овраг должен был стать ее могилой. Петр в ужасе наблюдал с валов лагеря за разворачивавшейся на его глазах трагедией. Если это случится, то все, конец. Без конницы ему остается только сидеть в лагере и медленно подыхать от голода.

И тут произошло чудо: шведская кавалерия внезапно прекратила преследование и всей массой повернула на запад, к опушке Будищенского леса. Приказ прекратить преследование исходил от Рёншельда. Это необъяснимое распоряжение наводит на мысль, что самоуверенный шведский фельдмаршал, вполне разделявший презрение Карла к боевым качествам русской армии, даже не потрудился изучить топографию местности, на которой ему предстояло дать генеральное сражение.

Царь с невыразимым облегчением перевел дух.

Однако одна неожиданность сейчас же сменилась другой. Из-за окутанных дымом редутов и клубов пыли, поднятой конницей, показались синие шеренги шведских батальонов,

двигавшиеся прямо на русский лагерь! Это была одна из шведских колонн, возглавляемая Левенгауптом, который, не зная диспозиции, но чрезвычайно довольный тем, что освободился от опеки Рёншельда, вел солдат на штурм русского лагеря в твердой уверенности, что исполняет королевский план сражения. Две с половиной тысячи шведов храбро шагали на 35-тысячную русскую армию, засевшую за мощными укреплениями. В лагере поднялась тревога, пушки открыли огонь. Но не стрельба остановила бравого Левенгаупта. На его пути встретился враг, и генерал повел солдат в обход, огибая препятствие слева.

К месту сбора шведской армии на опушке Будищенского леса вышли лишь две пехотные колонны. По пути туда Карл не преминул подставить себя и своих спутников под огонь русских батарей, дабы дать возможность каждому блеснуть отвагой. Русские ядра свалили одну из лошадей, запряженных в королевские носилки, разбили их дышло и повалили на землю трех драбантов и нескольких гвардейцев.

Теперь Карл маленькими глотками отпивал воду из фляжки, пока доктора меняли ему повязку на ноге. Отовсюду слышались поздравления по поводу удачно выполненного прорыва сквозь редуты. В сумятице генералы еще не успели выяснить количество собравшихся батальонов. Но вот Рёншельд принялся озиаться в поисках колонн Левенгаупта и Рооса. Что за черт! Двенадцать батальонов как сквозь землю провалились!

Правда, Левенгаупт обнаружился довольно быстро. На востоке послышалась стрельба: обогнув враг, Левенгаупт упрямо вел свои батальоны на штурм русского лагеря. Рёншельд срочно послал гонца с приказом отступить и идти на соединение с основными силами армии. Левенгаупт взъерился. О каком отступлении идет речь? В русском лагере паника, царь срочно наводит мосты через Ворсклу! При первом же натиске вся эта орда ринется в воду, давя сама себя! Но фельдмаршал был непреклонен. Левенгаупт, чертыхаясь, повиновался.

В шесть часов наступило затишье. Шведы перестраивались. Рёншельд нервничал. Что за дьяволыщина, где же Роос?

А Роос со своими батальонами все это время безуспешно пытался овладеть третьим редутом. Он потерял уже больше половины своего отряда, но продолжал выполнять боевую задачу так, как он ее понимал, — снова и снова бросая солдат

на русские пушки. Впрочем, он был уже не прочь соединиться с остальной армией, но совершенно не представлял, где она может находиться. А между тем выяснилось, что во втором редуте, в тылу у Рооса, снова засели русские: шведы в спешке не оставили в нем заслона и не заклепали пушки. Наконец Роос двинулся наудачу на восток — к опушке Яковецкого леса. Раненые шведы, брошенные им на произвол судьбы перед непобедимым третьим редутом, с жалобными воплями пытались ползком догнать уходящих товарищей.

Стоя на западном валу лагеря, Петр обзирал поле боя. После отступления Левенгаупта царь увидел, что путь из лагеря к редутам свободен. Он немедленно приказал Меншикову взять три пехотных и пять драгунских полков и окружить Рооса.

Местонахождение заблудших батальонов наконец обнаружил и Рёншельд. На помощь Роосу двинулся отряд Акселя Спарре.

Меншиков успел первым настичь Рооса (по пути светлейший обнаружил еще один неприкаянный шведский отряд — разведывательный эскадрон генерала Шлиппенбаха, заблудившийся перед началом сражения в Яковецком лесу; Шлиппенбах без сопротивления отдал Меншикову свою шпагу). Роос вначале принял приближавшийся русский отряд за своих и обнаружил ошибку только тогда, когда русские драгуны отделились от пехоты и стали огибать расположение шведов с юга, чтобы взять их в клещи. Последовала короткая, но кровопролитная схватка. Большинство шведов легло на месте. Роос с четырьмя сотнями солдат прорвался к Полтаве и занял одну из траншей — там его позже добил вышедший из города Келин.

Спарре не осмелился вступить в бой с отрядом Меншикова и наблюдал издали гибель отрезанных батальонов. Вернувшись к Рёншельду, он заявил, что фельдмаршалу «незачем больше думать о Роосе». Но Рёншельд уже и не думал о нем — ему доложили, что русская армия выходит из лагеря.

Было девять часов утра. Начиналась генеральная баталия, в которой не суждено было участвовать трети шведской пехоты, бессмысленно загубленной до начала сражения.

После разгрома батальонов Рооса Петр уже не сомневался в успехе генеральной баталии. Теперь он пуще всего боялся, как бы Карл не отступил без сражения. Чтобы численный перевес

русских не казался шведам подавляющим, он объявил генералитету о своем решении оставить в лагере часть армии. Шереметев, Репнин (восстановленный к тому времени в офицерском чине), Боур и другие генералы пришли в ужас. Ослаблять свою армию для победы? Это неслыханно! Ведь перед ними сам непобедимый шведский король! Но Петр уперся: «Победа не от множественного числа войск, но от помощи Божией и от мужества бывает, храброму и искусному вождю довольно и равного числа». Он настоял на том, чтобы в лагере остались шесть полков; к ним присоединилось и некоторое количество солдат от прочих полков. Оставшиеся умоляли царя позволить им принять участие в сражении. Петр терпеливо объяснял им: «Неприятель уже в великом страхе. Ежели вывести все полки, то не даст бою и уйдет».

Русский лагерь пришел в движение: открылись ворота, опустились подъемные мосты через рвы, пехота начала выходить в поле и тут же строиться в боевые порядки — длинной плотной дугой, выгнутой по направлению к шведской армии: 24 батальона в первой линии и 18 во второй. В промежутках между батальонами зияли черные жерла 55 полевых орудий. На правом крыле скопилась кавалерия Боура — 45 эскадронов драгун в зеленых и красных мундирах; на левом распустили знамена 12 драгунских эскадронов под командованием Меншикова. Светлейший гарцевал перед шеренгами, щеголяя белым мундиром.

Петр появился перед войсками верхом на любимой мышастой Лизетте — чистокровной арабской кобыле, подаренной ему турецким султаном. Упряжь была под стать лошади: седло, обитое зеленым бархатом с серебряным узором, и уздечка из черной кожи, отделанная золотом. На всаднике был надет обыкновенный мундир полковника Преображенского полка — темно-зеленого цвета с красными отворотами, черная треуголка и высокие черные ботфорты. Только голубая андреевская лента выделяла Петра из толпы сопровождавших его генералов.

Царь занял место на левом фланге, рядом с тремя батальонами прошедшего огонь и воду Новгородского полка. Солдаты этих батальонов были облачены в серые мундиры новобранцев — то была хитрость, на которую Петра толкнул побег унтер-офицера Семеновского полка Шульца. Царь опасался, что шведы нанесут удар по новоизбранному полку, и распорядился переодеть своих испытанных ветеранов в форму новобранцев.

Карл и его генералы наблюдали за построением русских. Король предложил в первую очередь атаковать на флангах русскую конницу. Но Рёншельд был другого мнения. Увидев, что из-за тесноты шведская кавалерия не может вытянуть свои боевые линии (слева всадникам мешал лес, справа — огонь с редутов), так что многим эскадронам пришлось построиться в тылу у пехоты, он предложил нанести главный удар по русскому центру. Король не стал оспаривать мнение главнокомандующего. Не все ли равно, с чего начать есть жаркое?

— Поступайте как знаете, — равнодушно произнес он.

Шведская пехота — 4 000 человек — в пять раз уступала по численности русской. Как ни старались шведы растянуть боевую линию, русские батальоны все равно грозно нависали у них на флангах. Фельдмаршалу вновь пришлось браниться с Левенгауптом, который заявил, что предпочитает умереть, чем и дальше служить под началом Рёншельда. Впрочем, очевидная безнадежность предстоящей атаки смягчила фельдмаршала. Он протянул Левенгаупту руку:

— Граф Левенгаупт! Послужите с честью его величеству!

Левенгаупт не оттаял и хмуро спросил, не означает ли это, что он должен двинуть батальоны на врага.

— Да, атакуйте без промедления, — подтвердил Рёншельд.

Без четверти десять прозвучал сигнал к атаке. Десять батальонов шведской пехоты мерным шагом двинулись навстречу сорока двум батальонам русской армии. У Левенгаупта было тяжело на душе. Он искренне любил своих солдат, и теперь его не оставляло чувство, что он ведет их на заклание. Носилки Карла понесли на пригорок, откуда король мог следить за развертывающимся сражением.

Шведская кавалерия, воспользовавшись начавшимся движением пехоты, принялась поправлять свое построение.

Увидев, что наступает решающий час, Петр выехал из рядов Новгородского полка и обратился к солдатам с речью:

— За Отечество смерть принять весьма похвально, а страх смерти в бою — вещь, всякой хулы достойная. Знайте, русские воины, что пришел час, когда судьба Отечества находится в ваших руках: ныне или погибнет Россия, или переродится в славе и могуществе! Не за царя Петра сражаетесь вы, но за государство, Богом Петру врученное, за сродников своих, за весь

народ всероссийский! А о Петре ведайте, что жизнь ему недорога, только бы жила Россия в славе и благосостоянии!

Сдав командование Шереметеву, царь, как и полагалось по уставу, занял место во второй линии. Солдаты изготовили ружья к бою, артиллеристы потуже затолкали длинными банниками заряды в орудия.

Под рокот барабанов шведская пехота шла в свою последнюю атаку. Шведы отчетливо видели, как в руках у русских артиллеристов задымили фитили; спустя мгновение раздался оглушительный грохот, 55 русских орудий окутались белесым дымом.

Залпы повторялись один за другим с ужасающей быстротой, слившись в одну нескончаемую грозу.

Свистящие ядра образовывали кровавые проломы в шведских рядах. Людей разрывало надвое, под ноги солдатам валились искалеченные тела их товарищей, сверху на шведов падали оторванные руки, ноги, головы... На расстоянии двухсот шагов русская артиллерия перешла с ядер на картечь. Первый же картечный залп уложил половину одного из шведских полков. Но шведы упрямо смыкали ряды и продолжали идти в полный рост, не ускоряя шага. Набожные солдаты были твердо уверены в том, что без воли Божией ни одна пуля не заденет никого из них. Так было записано в шведском военном уставе, так их учили полковые пасторы.

Расстояние между противниками сократилось до ста шагов — и тогда по истерзанным рядам шведской пехоты ударил ружейный залп. Послышался звук, похожий на шум рушащейся избы, — это падали на землю тела сраженных шведских солдат. Те, кто остался жив, еще сильнее поверили уставу и пасторам, потому что выжить под этим залпом без помощи Божьей казалось невозможным.

Но вот правое крыло шведов, состоявшее из гвардейцев под командой самого Левенгаупта, первым обрушилось на русских. Яростно орудуя штыками, они прорвали строй русских батальонов и захватили первую пушку. Только тогда Левенгаупт распорядился произвести ружейный залп. Но случилось то, чего он так опасался вчера: отсыревший порох превратил ружейную пальбу в безобидную трескотню — звук выстрелов шведской пехоты был подобен слабому хлопку перчаткой о ладонь. Тем не менее первая линия русских батальонов смешалась, потеряла строй и подалась назад. В руках у шведов оказалось еще

14 русских орудий, которые они немедленно развернули и открыли огонь по отступавшим батальонам Новгородского полка, переодетым в серые мундиры. Ветераны Петра оказались бессильны остановить бешеный натиск полуголодных, утомленных бессонной ночью и прорывом через редуты королевских гвардейцев.

Петр был вынужден ввести в бой на своем левом фланге вторую линию батальонов. Свежие части Новгородского, Казанского, Псковского, Сибирского и Бутырского полков навалились на шведов. Закипел рукопашный бой. В дыму, в пыли русские и шведы почти вслепую яростно кололи штыками, вдавливали свое плечо в плечо товарища, изо всех сил стараясь удержать строй, под ногами у них корчились в агонии люди в зеленых и синих мундирах, слышались крики, вопли, стоны, призывы и команды офицеров... Все это время в гуще русских войск над рядами маячила долговязая фигура Петра, представлявшая собой отличную мишень. Трое шведских солдат по очереди выбрали целью русского полковника на сером коне — одна пуля сбила с Петра шляпу, другая застряла в седле, третья вогнула массивный крест на груди.

Бой кипел уже около получаса. Левенгаупт ждал, что в образованный его солдатами прорыв хлынет шведская кавалерия, — ведь когда он начинал атаку, она находилась у него в тылу. Но кавалерии не было — Рёншельд послал ее в атаку на русские фланги. И теперь сквозь клубы порохового дыма Левенгаупт увидел, что шведской пехоте грозит беда. Ее левый фланг, разнесенный в клочья русской артиллерией, отступал под напором русских гренадер. Между двумя флангами шведской пехоты образовался разрыв, который становился тем шире, чем успешнее продвигались вперед батальоны Левенгаупта. Несмотря на все усилия гвардии, разорванным оказался не русский, а шведский фронт!

То, что увидел Левенгаупт, заметил и Петр. В разрыв между шведскими флангами широким потоком устремилась русская пехота, и скоро отряд Левенгаупта оказался крохотным островком, затерявшимся в море зеленых мундиров. На помощь ему пришли только 50 драбантов короля — они врезались в гущу русских батальонов и погибли все до единого.

В мгновение ока боевой порыв шведов угас, батальоны сломали строй и стали откатываться назад. Поначалу они еще остервенело огрызались, но огромный численный перевес рус-

ской армии делал свое дело: русская пехота волнами прокатывалась над гибнущими шведскими батальонами, которые один за другим исчезали в этом потоке.

Петр I в Полтавском сражении.

Рисунок и гравюра М. Мартена-сына, первая четверть XVIII века

Теперь обратилась в бегство и шведская кавалерия. Она всей массой устремилась в теснину между Будищенским и Яковецким лесами, давя отступавшую пехоту. Мимо Левенгаупта во весь опор мчались доселе непобедимые драгуны короля.

— Стоять! — кричал им охрипший Левенгаупт.

— Стоять, стоять! — подхватывали они по привычке слова команды — и мчались дальше...

Карл отказывался верить собственным глазам. Когда Рёншельд подскочил к нему с известием, что шведская пехота бежит, король с тупым изумлением недоверчиво переспросил:

— Бежит?

Но фельдмаршал только махнул рукой и поскакал отдавать приказания, которые уже никто не выполнял.

Наконец Карл поверил в невозможное.

— Шведы! Назад, шведы! — зывал он, но его голос тонул в грохоте битвы.

Огонь русских орудий и ружей косил вокруг короля людей, лошадей, сшибал сучья с деревьев. Из 24 драбантов, охранявших Карла, остались в живых трое, пули изрешетили королевский паланкин, ядро убило одну из лошадей, запряженных в носилки. Карл пересел в седло, но его лошади оторвало ногу. Тогда один из раненых драбантов уступил ему своего коня. Карл выглядел так, как будто только что чудом выбрался из кровопролитной схватки: он был бледен, его мундир был перепачкан в грязи и забрызган кровью павших рядом с ним драбантов, на забинтованной ноге проступало алое пятно из открывшейся раны. В таком виде его и застал Левенгаупт, случайно натолкнувшийся на него на краю леса.

— Вы живы? — спросил Карл. В его голосе звучало не то удивление, не то упрек.

— Да, ваше величество, к сожалению, еще жив, — ответил генерал.

Левенгаупту удалось собрать из бегущих шведов небольшой отряд. Под его прикрытием Карл начал пробиваться на юг, к обозу.

Тем временем остатки шведской пехоты оказались зажатыми между русскими, наседавшими с севера и востока, Будищенским лесом с запада и массой кавалерии, тонкими струйками просачивавшейся на юге сквозь русские редуты. Шведские знамена падали на землю, батальоны вырезались за считанные минуты. Королевская пехота полегла вся. Русские не давали пощады, лишь нескольким десяткам шведских солдат удалось вымолить себе жизнь. Охотнее брали в плен офицеров — в расчете на выкуп и царскую награду, — и шведские генералы, полковники, майоры и капитаны один за другим протягивали свои шпаги русским командирам.

К полудню резня прекратилась. Канонада стихла, рассеялся дым, и взорам победителей открылось пропитанное кровью поле, заваленное горами тел в синих мундирах.

Приказ прекратить преследование исходил от Петра. Царь начисто позабыл обо всем: и о шведском лагере, и о казаках Мазепы, оставшихся в обозе, и о Полтаве, защитники которой откупорили в этот день последнюю бочку с порохом. Одна

мысль, одно чувство овладело им: виктория! Небывалая, неслыханная виктория над шведом! В генеральной баталии! Радость рвалась наружу в каждом слове, каждом жесте царя. Со шляпой в руке встречал он возвращавшихся с поля боя солдат, кланялся им и благодарил их. Генералам раскрывал объятия и троекратно целовал, находя для каждого ласковое слово.

Мимо него проводили толпы пленных. Петр вытягивал шею, пристально всматривался в их ряды, нетерпеливо спрашивал:

— А где же мой брат король Карл?

Пленные шведы были обобраны до нитки. Оборванные, голодные, изможденные, понуро брели они под конвоем в лагерь, слушая отовсюду сыпавшиеся на них шутки и издевки победителей — какие они, шведы, бедные и несчастные, коли им, от голоду и жажды страждущим, русское угощение не по вкусу пришлось, показалось слишком крепким: ноги подкосило да головушку задурило; но пускай господа шведы будут покойны, вот доберутся до Москвы, куда их зело тянет, а там их снабдят всем, чтоб русский гостинец понравился, там найдут любой струмент: мотыги, кирки, лопаты, ломы, заступы и тачки — все справят в лучшем виде для их здоровья, потому как, нарабавшись, не смогут господа шведы на плохой аппетит или сон жалиться.

Еще не были подсчитаны трофеи, еще не были известны потери, свои и неприятельские, еще не было ясно, что сталося с королем, — «с нами ли или с отцы нашими обретается», а Петру уже не терпелось отпраздновать викторию. Давненько не приходилось ему так долго отказывать себе в вине и табаке. Наскоро отслужив благодарственный молебен, царь пригласил генералов в роскошный шатер, воздвигнутый прямо на поле сражения; окровавленная земля была прикрыта коврами. Победители жадно накинулись на еду и питье. После изрядного количества тостов, сопровождаемых салютами, в шатер ввели пленных шведских офицеров и сановников — Пипера, Рёншельда, Штакельберга, Маленького Принца, Шлиппенбаха и еще шестерых генерал-майоров и пятерых полковников. Петр встретил их шутиливой речью:

— Вчерашнего дня брат мой король Карл приглашал вас в шатры мои на обед, и вот вы, по обещанию его, в шатры мои прибыли, только брат мой Карл ко мне с вами не пожаловал, в чем слова своего не сдержал. А я его весьма ожидал и сердечно желал, чтобы он в шатрах моих обедал.

«Гости» уселись рядом с победителями прямо на ковры, опустив ноги в специально вырытые канавки. Петр беспрестанно шутил, сам разливал водку и время от времени вступал в беседу то с одним, то с другим пленником. У Рёншельда он осведомился, как это король отважился вторгнуться с такими малыми силами в столь великую державу, как Россия. Фельдмаршал флегматично пожал плечами. Таков был приказ короля, с ними никто не советовался.

— Вот как надо служить своему государю, — наставительно произнес Петр, посмотрев на своих генералов, и, снова обернувшись к Рёншельду, протянул ему его шпагу: — Вы честный солдат, и за вашу верность я возвращаю вам вашу шпагу.

Потом, когда с валов лагеря в очередной раз грянул салют, царь встал и с кубком в руке провозгласил тост за здоровье своих учителей в военном деле.

— Кто же эти учителя? — поинтересовался Рёншельд.

— Вы, господа шведы.

— Хорошо же ученики отблагодарили своих учителей! — с кислой улыбкой заметил фельдмаршал.

Неожиданное счастье так поразило царя и весь русский генералитет, что о необходимости преследовать разбитых шведов вспомнили только в пять часов пополудни. Петр отрядил вдогонку королю кавалерию Боура и Меншикова. Но оба генерала были в таком состоянии, что Петр махнул рукой. Ладно, утро вечера мудренее.

Вечером Петр уединился в своем шатре. Сводки потерь подтверждали: виктория полная. Из 19 000 шведов, принявших участие в битве, 10 000 были убиты или пленены. Русская армия потеряла убитыми и ранеными 5 000 солдат и офицеров. Среди трофеев и добычи находились королевский архив и два миллиона талеров, награбленные Карлом в Саксонии.

Петр спешил в тот же день оповестить всех своих о полном разгроме шведской армии. «Матка, здравствуй, — писал он Екатерине. — Объявляю вам, что всемилостивый Господь неописанную победу над неприятелем нам сего дня даровать изволил, и единым словом сказать, что вся неприятельская сила наголову побита, о чем сами от нас услышите. И для поздравления приезжайте сами сюды». Слов выразить всю свою радость не было — примерно то же самое он написал и князю-кесарю, и Борису Алексеевичу Голицыну, и Толстому, и митропо-

литу Стефану, и сыну, и сестре, царевне Наталье Алексеевне, и прочим родственникам и членам компании. В письме к Апраксину царь, наконец, немного собрался с мыслями и в приписке кратко сформулировал значение Полтавской виктории: «Ныне уже совершенно камень во основание Санкт-Петербурху положен с помощью Божиею».

Отряд Карла добрался до лагеря одним из последних, в два часа дня. Запорожцы поначалу приняли беглецов за русских драгун и сгоряча дали по ним залп.

Король глядел молодцевато и воинственно. Смеясь, заявил свите, что случившееся не имеет никакого значения, и наспех проглотил кусок холодного мяса. Затем, после того как ему переменили повязку, он распорядился позвать Пипера, Рёншельда и Маленького Принца. Тут только он узнал о том, что они в плену. Левенгаупт, как старший по званию, принял командование над остатками шведской армии. Впрочем, остатки эти были немалыми: у короля еще оставалось 16 000 солдат — в основном драгун, не считая тысяч пятнадцати запорожцев и казаков Мазепы.

В тот же вечер после трехмесячного перерыва шведская армия потянулась дальше на юг. Карл намеревался добраться до владений Девлет-Гирея и, соединившись с татарами, возобновить поход на Москву.

Шли вдоль берега Ворсклы. Измотанные солдаты, не смыкавшие глаз вторые сутки, едва плелись вслед за офицерами. Бессонная ночь, воспалившаяся рана и лихорадка довели и Карла. Король неподвижно лежал на подводе, вперив взор в темный бархат неба, покрытый блестками звезд, потом впал в забытие. Но выспаться ему не удалось. На рассвете его растолкал дежурный офицер. Оказалось, что невдалеке показались русские драгуны. Это были десять полков, которые вел проспавшийся Меншиков. Русские продвигались быстро — за поимку Карла Петр обещал наградить счастливого ста тысячами рублей и чином генерала.

Очнувшийся Карл едва понимал, что происходит, звал Пипера и Рёншельда. Потом, придя в себя, безвольно махнул рукой: «Делайте что хотите...»

Сильнейшая апатия овладела и Левенгауптом. Бессмысленно-героическая атака пехоты, закончившаяся полным поражением,

словно надломила его, погрузила чувства, мысли и волю в сон. Он даже не поинтересовался, куда выступает армия.

Деятельнее всех оказался генерал-квартирмейстер Гилленкрок, посланный Карлом вперед подыскать удобное место для переправы через Ворсклу или Днепр. Последующие два дня он обследовал берега Ворсклы, пока не узнал от какого-то казака, что возле местечка Переволочна, при впадении Ворсклы в Днепр, имеется брод, по которому можно пересечь Днепр на телегах. Гилленкрок бросился туда, но его ждало разочарование: никакого брода там не оказалось, Днепр в этом месте был довольно широк, леса вокруг не было, а для строительства паромов и плотов имелось всего лишь несколько десятков бревен, валявшихся на берегу, да маленькая деревянная часовенка, тотчас разобранный шведами. Однако искать другое место для переправы было уже поздно. Утром 30 июня к Переволочне прибыл Карл со всей армией, за которой по пятам продвигались драгуны Меншикова.

Левенгаупт осмотрел местность и нашел, что она похожа на ловушку: шведы с трех сторон — запада, юга и востока — были окружены широкими водными потоками — Псёлом, Днепром и Ворсклой. Главнокомандующий был полон дурных предчувствий. Он бесконечно устал от этой войны, ему надоели поражения (да и победы тоже), он больше не желал видеть кровь и смерть, слышать людские стоны. Он молил Бога, чтобы все это быстрее закончилось — спасением или гибелью, так или иначе, но только поскорее...

Устав бродить по берегу, Левенгаупт прилег отдохнуть. Он снял шляпу и с наслаждением растянулся на траве, с благодарностью скандинава ощущая на всем теле мягкие лучи нежаркого утреннего солнца. Внезапно, бросив взгляд на свою шляпу, он испуганно отпрянул — шляпа ползла прямо на него! Левенгаупт не сразу понял, в чем дело, пока не заметил, что из-под шляпы торчит бурый, с черным кончиком, хвост горностая. Поймав зверька, Левенгаупт призадумался. Это Божий знак — они в ловушке. Забрались в нее сами, как этот глупый зверек. Он приподнял шляпу — горностай выскользнул из-под нее и исчез в траве. Помоги, Господи, и им благополучно выбраться из этого проклятого места!..

Тем временем солдаты, не слушаясь своих командиров, пытались самостоятельно переправиться на другой берег Днепра.

Драгуны на лошадях бросались в воду большими группами — человек по 10–20: до берега доплывало двое-трое... Менее смелые, а их было большинство, толпились на изрытом прибрежном песке в страхе и унынии.

Отчаяние овладело всеми, кроме короля. Его лихорадка прошла, и Карл вновь рвался в бой. На военном совете, состоявшемся ближе к вечеру, он заявил, что даст русским сражение. Гилленкрок поспешно возразил, что при первом появлении врага армия разбежится. Карл самоуверенно улыбнулся. Пустые страхи! Как только солдаты увидят его верхом на лошади, они станут сражаться так же храбро, как и прежде. Нет, настаивал Гилленкрок, его величеству следует подумать о себе и скорее переправиться через Днепр; армия, как только сможет, последует за ним. Левенгаупт, глядя в пол, мрачно вставил:

— Ничего другого не остается, как сдаться или умереть.

— Но сначала грянет бой! — не унимался Карл.

Левенгаупт, насупившись, промолчал. Оправдывались его худшие ожидания. Всех их ждет рагнарёк⁴⁴. Следует как можно быстрее удалить этого неумолимого вояку подальше от армии.

Остальные генералы думали так же. На короля обрушился целый шквал увещаний и уговоров позаботиться о собственной безопасности. С русскими как-нибудь справятся и без присутствия его величества. Но что будет, если, не дай бог, армию постигнет неудача? Шведский король в руках у царя — какой позор для них, его верноподданных! Карл, подумав, уступил. Условились, что король с небольшим отрядом двинется в Очаков, где будет ждать прибытия остальной армии. Оттуда рукой подать до корпуса Крассова и войск Станислава Лещинского — и под началом его величества вновь будет прекрасная армия в 40 000 пштыков и сабель.

В полночь Карл, два десятка офицеров, полсотни драбантов и шестьсот драгун переправились на другой берег Днепра. Мазепа, неведомо где раздобывший лодки, уже ждал его там с несколькими сотнями казаков.

Сойдя на берег, Карл сел в коляску и, не оглядываясь, пустился в путь. А оглянуться стоило, — чтобы в последний раз увидеть свою армию.

⁴⁴ *Рагнарёк* — гибель мира и богов в скандинавской мифологии.

Как только король сел в лодку, Левенгаупт с облегчением вздохнул — боины не будет. Он решил утром отвести войско на восток, к Ворскле, которая была уже Днепра, и поискать место для переправы. Но на рассвете генерала разбудила перестрелка на шведских аванпостах: Меншиков все-таки успел к Переволочне.

У Левенгаупта опустились руки. Он проехался вдоль расположения своих войск, изучая обстановку. Картина была безрадостная. Половина армии толпилась на берегу Днепра, пробуя переправиться вплавь или на наспех сооруженных плотам из каких-то прутьев. Те же, кто оставался под знаменами, пребывали в каком-то оцепенении — они не отвечали на вопросы Левенгаупта и смотрели на него так, будто он рехнулся.

*А. Д. Меншиков.
Неизвестный художник,
1710–1720 годы*

Левенгаупт не знал, что Меншиков привел с собой всего 9 000 драгун и Семеновский полк, посаженный в седла кавалеристам; светлейший не знал, сколько шведов скопилось на берегу. Неведение относительно сил противника удручало одного

и придавало дерзости другому. Шведским парламентарам, пытавшимся предложить перемирие, Меншиков отвечал, что имеет от царя указание принять от шведского командования полную капитуляцию, а в случае отказа — всех перебить. Светлейший дал шведам час на размышление.

Левенгаупт мучился в тяжелых раздумьях. Он чувствовал вину перед пехотой, невольно загубленной им под Полтавой; теперь же он должен был решить участь оставшейся армии. Брать на себя одного такую ответственность он не хотел и потребовал, чтобы груз окончательного решения разделила с ним вся армия. Он отдал самый странный приказ, который когда-либо исходил от главнокомандующего: опросить солдат, желают ли вступить с неприятелем в бой или склонны положить перед ним оружие. Офицеры недоуменно переглянулись; солдаты и вовсе растерялись. Прежде их никогда не спрашивали, а только командовали: вперед! Зачем же спрашивают теперь? Большинство ответили на вопрос опасливым молчанием или дали уклончивый ответ.

В это время от Меншикова прибыли барабанщик с офицером. Нужно было что-то решать. Левенгаупт созвал полковников и приказал готовиться к капитуляции.

Половина шведской армии облегченно вздохнула, половина стиснула зубы от ярости; многие рыдали. В полдень шведские колонны потянулись к русскому стану и сложили оружие перед Семеновским полком. Война для них окончилась навсегда.

К Меншикову каждые полчаса приносили списки пленных. У светлейшего лезли глаза на лоб от удивления. Пять тысяч, десять, шестнадцать! Мама дорогая, да ведь они могли раздавить его, как блоху! Ну да видно, Господь не попустил. Счастлив светлейший на придворном паркете, счастлив и в баталиях.

Все это время драгуны избивали на берегу запорожцев, которых Левенгаупт согласился выдать русским. Казаков ловили вместе с их семьями, стогнали в кучи и забивали, как скотину. Кто-то из них сопротивлялся, кто-то искал смерти в быстрых волнах Днепра... Оставшихся в живых ждали пытки, виселицы, колы, четвертование.

А Карл все это время безостановочно гнал людей по голой степи — без дорог, жилья и воды. Днем шведов донимала жара, ночью — нестерпимый холод. Многие ослабевали настолько, что

в изнеможении и беспамятстве падали в высокую густую траву и находили свою смерть от голода и жажды или становились добычей волков. Отряд Карла неминуемо погиб бы весь, если бы при нем не находились казаки Мазепы. Своим первобытным звериным чутьем они вели шведов в нужном направлении, отыскивали мутные ручьи, в которых можно было напоить лошадей и набрать воды.

На пятый день королевский отряд достиг Буга. За рекой начинались владения турецкого султана. Карл, наконец, позволил измотанным людям отдохнуть и направил к очаковскому паше генерала Станислава Понятовского — одного из представителей короля Станислава Лещинского при шведской армии. Паша не знал, что делать. Коран предписывает оказывать гостеприимство чужеземцам, которые просят у правоверных защиты, но эти свалились на голову паши так неожиданно и в таком количестве... Паша побоялся ответственности и решил предварительно снести со своим повелителем — султаном.

Султан распорядился встретить высокого гостя с подобающими почестями. Паша немедленно наладил переправу, но время было упущено — едва король с Мазепой переправились на очаковский берег, на другой стороне Буга показались русские драгуны. Меншиков шел за Карлом по пятам и подоспел как раз вовремя. Карл мог наблюдать Переволочну в миниатюре. В кровопролитной схватке на берегу погибли почти все храбрые драбанты, 300 шведов и большинство казаков. Пленных победители связали и табуном погнали в степь.

Беликий девятилетний поход из варяг в греки закончился. Новых викингов постигла та же участь, что и многих их предков, некогда усеявших своими костями побережье Европы от Норвегии до Сицилии, — в память о которых на их родине воздвигли надгробные камни со скорбными надписями:

Пять сыновей родил добрый Гулле.
Знаменитый Асмунд пал при Фюрисе.
Ассур нашел конец в Греции.
Хальвдан был убит на островной дороге.
Каре умер дома.
Мертв и Буи.

Неслыханная виктория доставила Петру множество приятных хлопот. Отдавая отдыху лишь часть короткой ночи, остальное время он посвящал чтению донесений, подсчету трофеев и потерь, сочинению «Обстоятельной реляции» о сражении, которая была предназначена для рассылки ко всем европейским дворам. Нужно было также подумать и о наградах. Петр не скупился, сыпал чины, ордена, поместья, деньги. Данилыча произвел в фельдмаршалы, Шереметева, уже имевшего фельдмаршальский чин, пожаловал землями, Репнина и Брюса перевел андреевской лентой, не забыл и остальных генералов и офицеров; сверх того, каждому вручил свой портрет, осыпанный бриллиантами. Солдатам выдал двухмесячное жалованье. На радостях позволил и себе принять очередной чин — генерал-лейтенанта инфантерии и контр-адмирала флота. Повышение в чине состоялось по указу князя-кесаря Ромодановского, которого Петр поблагодарил в собственноручном письме: «И хотя еще столько не заслужил, точию ради единого вашего благоутробия сие мне даровано, в чем молю Господа сил, дабы мог вашу такую милость вперед заслужить».

Из полтавского лагеря в середине июля Петр уехал в Киев, где познакомился со *снисходительным* префектом духовной академии Феофаном Прокоповичем⁴⁵. В Софийском соборе, при огромном стечении народа и в присутствии государя, речистый епископ произнес пространную проповедь, которая весьма польстила царю. С удивлением и все возрастающей радостью слушал Петр не сухие казенные речи о милости Господней, а торжественный рассказ о минувших событиях — вторжении швейцарского короля, измене Мазепы, полтавской виктории, пленении шведов у Переволочны.

— Таковую столь преславную победу твою, о преславный победитель, — витийствовал Феофан Прокопович, — какое слово, какая похвала по достоинству увенчати может? Не много таковых побед в памяти народной, в книгах исторических обретаются.

⁴⁵ Киевский губернатор князь Дмитрий Голицын на вопрос Петра о лояльности киевских иерархов докладывал: «Узнать, нет ли в ком из монахов подозрения, трудно, потому что монахи всех нас чураются; во всем Киеве нашел я только одного человека, именно из братского монастыря префекта, который к нам снисходителен».

Прежде побежденные враги отчасти целы в дома свои возвращались; наши же супостаты, со всем воем и вождей множеством, или пленены, или убиенны, а те немногие, которые избегли смерти и полона, занесли свой страх не в дома свои, но в неизвестные им места. Услышат ближние и соседи их, яко не в землю нашу, но в некое море вошли силы свейские: канули, аки олово в воде, и ни единый вестник не возвратился к Отечеству своему.

Никогда еще не слыхал царь Петр такого панегирика! Умен монах, и вечное слово Божие с живой жизнью согласует. Царь немедленно распорядился перевести речь Феофана Прокоповича на латинский язык, яко всей Европе общий.

В Киеве Петр расплатился за полтавские волнения — в начале его кинуло в жар и озноб, потом одолела тошнота с давящей тяготой в животе и груди. Но и в болезни он спешил, чтобы о его виктории узнала вся Европа, — слал и слал описания баталии в иноземные столицы. Отклики были разные. Герцог Мальборо, например, отбросив личную обиду за встречу в Альтранштадте, искренне пожалел о своем непутевом сопернике в военной славе. «Сколь же печальна мысль о том, — писал он в Лондон, — что после десяти лет непрерывных успехов он (Карл XII. — С. Ц.) из-за невезения и дурного командования погубил себя и свою державу всего за два часа». Зато Лейбниц, который после Нарвы выражал надежду, что власть Карла будет простираться от Стокгольма до Амура, теперь видел в поражении шведского короля проявление Промысла: «Что до меня, который привержен благу рода человеческого, то я весьма рад тому, что столь великая империя встает на путь разума и порядка, и в этом отношении почитаю царя за избранника Божия, посланного для великих свершений. Он сумел создать хорошее войско... не сомневаюсь и в том, что он сможет установить добрые отношения с иными землями, и я был бы счастлив содействовать расцвету наук в его державе. Берусь утверждать, что и на этом поприще он добьется большего, нежели какой-либо иной государь». И в подтверждение своих слов он засыпал своего предполагаемого патрона предложениями своих услуг в деле создания в России Академии наук, музеев, школ...

Примеру знаменитого ученого последовала и большая часть европейских держав: на Петра обрушился шквал всевозможных предложений о заключении союзов и договоров. Прусский король и курфюрст Ганноверский немедленно возжелали

породниться с царским домом, датский король просил о возобновлении союза против Швеции.

Но громче всего весть о Полтаве отозвалась в Польше. Август тотчас расторг Альтранштадтский договор и с 14 000 саксонцев вторгся в Польшу. Польские магнаты приветствовали его. Станислав Лещинский бежал в шведскую Померанию.

В конце сентября, оправившись от болезни, Петр поехал улаживать польские дела. Сенаторы льстиво величали его спасителем польской свободы и восстановителем законного короля. Царь спустился по Висле до Торуни, где встретился с Августом на борту королевского корабля. Августу было не по себе, но Петр был настроен добродушно и снисходительно. При встрече о прошлом не было и помину, однако за обедом Петр все-таки не удержался и поддел союзничка: как бы между прочим заметил, что шпага — подарок дорогого брата Августа — всегда при нем, а вот польский король почему-то не носит подаренную ему Петром шпагу. Август поспешил заверить, что царский подарок ему очень дорог, да вот беда — спеша увидеть царское величество, он забыл шпагу в Дрездене. Петр хитро улыбнулся. Ну коли так уж вышло, то он сделает дорогому брату новый подарок. С этими словами он вручил покрасневшему Августу шпагу, ту самую, которую некогда подарил ему и которая была найдена в обозе Карла под Полтавой. Тем и ограничился. Бывшие друзья возобновили союз с прибавлением тайного артикула: «Княжество Лифляндское со всеми своими городами и местами его королевскому величеству польскому, как курфюрсту Саксонскому, и его наследникам присвоено и уступлено быть имеет».

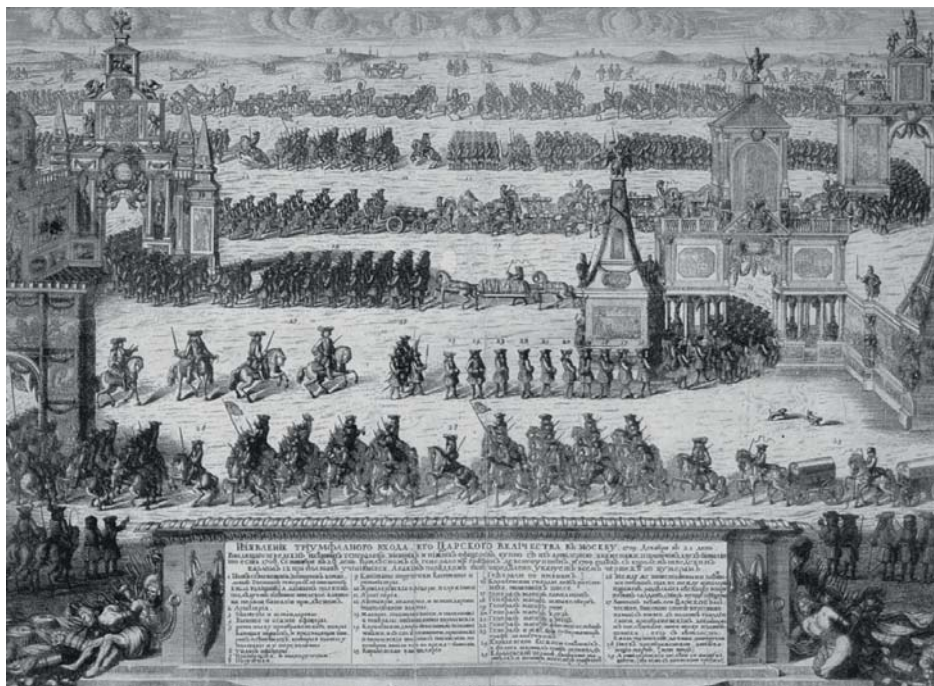
Из Торуни Петр спустился еще ниже по Висле — к Мариенвердеру, где состоялось его свидание с прусским королем. Договорились о союзе и браке царевича Алексея с принцессой Вольфенбюттенской. Переговоры об этом браке шли с 1707 года, но тогда герцог Вольфенбюттенский не спешил выдать свою дочь за наследника, отца которого, того и гляди, свергнет с престола победоносный шведский король. Теперь переговоры о женитьбе шли как по маслу.

Тогда же Петр устроил еще один династический союз — сосватал свою племянницу Анну за молодого курляндского герцога Фридриха Вильгельма, племянника прусского короля. Оба эти сватовства были весьма необычны — впервые московский

царь женил на иностранке царевича и выдавал царевну замуж за иноземного принца.

Из Восточной Пруссии через Курляндию Петр направился к Риге, вокруг которой завершали осадные работы войска Шереметева. Фельдмаршал специально отложил начало бомбардировки города до приезда царя. 13 ноября Петр собственноручно поднес фитиль к мортирам, послав в город три первых ядра. Удовольствовавшись этим символическим актом возмездия за обиду десятилетней давности, царь поехал дальше.

*Торжественное вступление русских войск в Москву после Полтавской победы.
Гравюра А. Зубова, 1711 год*

В Нарве Петр обедал с датским посланником Юстом Юлом. Датчанин обратил внимание на шута — князя Шаховского, которого величали кавалером ордена Иуды; сей удивительный орден свисал у князя с шеи на массивной серебряной цепи. Петр с удовольствием пояснил, что орден был учрежден особо для изменника Мазепы, но достался любезному князюшке. Он вообще один из умнейших людей в России, однако обуюн

мятежным духом: когда однажды речь зашла о том, что Иуда продал Христа за тридцать сребреников, Шаховской возразил, что сумма маловата и Иуда должен был взять больше. За эти слова он тут же и получил упомянутый орден.

Другие шуты сидели и ели за царским столом. Пока царь болтал с датским посланником, один из них подошел и громко высморкался — мимо царского лица — в лицо другому шуту. Тот, ни слова не говоря, утерся и запустил в обидчика горстью миног, схватив их со стоявшего перед ним блюда. Петр прервал рассказ и оглушительно захохотал...

Ненадолго задержавшись в парадизе, царь по установившемуся санному пути проследовал в Москву, чтобы торжественно отпраздновать викторию. 12 декабря он прибыл в Коломенское и на несколько дней погрузился в приготовления к празднеству.

18 декабря грандиозное шествие готово было начаться, но тут Петра известили, что Екатерина родила дочь.

Отложив торжество государственное, царь отправился на торжество семейное. Новорожденную нарекли Елизаветой.

Спустя два дня Петр, наконец, вступил в Москву. Под триумфальными арками проскакали эскадроны русской кавалерии, прогромыхали пушки, прошла в пешем строю гвардия — преображенцы в зеленых мундирах, семеновцы в синих; следом за ними, верхом на Лизетте, проехал Петр в мундире полковника, который был на нем в день Полтавской битвы. И царь, и гвардейцы были как нельзя лучше нагружены вином. Заметив, что один солдат шагает не так, как следует, Петр в гневе выхватил шпагу и зарубил его. Лицо царя перекосилось, щека задергалась; некоторое время никто не смел приблизиться к нему. Потом царь успокоился, и шествие возобновилось. Солдаты пронесли триста трофейных шведских знамен, волоча полотнища по земле. Затем под конвоем провели пленных шведских офицеров во главе с Рёншельдом и Пипером, и, наконец, по заснеженным московским улицам потянулась нескончаемая колонна шведских солдат — больше 17 000 человек.

Царь не утерпел, чтобы не поиздеваться над побежденными. В шествии участвовал француз Вимени, сидевший на санях, запряженных оленями. У себя на родине он долгое время провел в Бастилии, что отразилось на нем периодическим умопомешательством. В промежутках между приступами болезни Вимени обнаруживал в своих речах тонкую наблюдательность и умел

придать беседе занимательную остроту. Петр познакомился с ним у Августа, выпросил его себе и назначил царем над самоедами. Теперь за санями Вимени следовал его придворный штат — девятнадцать саней с ненцами, одетыми в шкуры оленей шерстью наружу. Сумасшедший самоедский царь как бы олицетворял сумасбродного короля шведов.

На следующий день состоялся благодарственный молебен в Успенском соборе. Народу набилось столько, что сам Петр оказался стиснут толпой со всех сторон. После службы царская компания отправилась во дворец, где гвардейский офицер провозгласил викторию и объявил о награждениях. Князь-кесарь, восседавший на троне, поблагодарил Шереметева за победу под Полтавой, Меншикова — за пленение шведов у Переволочны, Петра — за победу при Лесной, и только. (Царь шутил, что Лесная — мать Полтавской виктории, а кто не верит, пусть сочтет: от одной до другой ровно девять месяцев.) Затем взвились ширмы, загораживавшие часть зала, и взорам приглашенных открылись пиршественные столы, уставленные серебряной посудой и подсвечниками. Сотни зажженных свечей разогнали зимний сумрак, и гости хлынули за столы, рассаживаясь как попало, без чинов. Царь с князем-кесарем и Шереметевым сел за отдельный стол. Позади царского кресла встал церемониймейстер, который всякий раз, когда провозглашался тост, подходил к распахнутому окну и стрелял из пистолета. Спустя мгновение окна во дворце и посуда на столе сотрясались и звенели от оглушительного залпа десятков орудий, и толпа шумно поднимали кубки. Обед завершился великолепным фейерверком, который, по уверениям английского посла Уитворта, намного превзошел некогда виденный им в Лондоне и обошедшийся королевской казне в 40 000 фунтов стерлингов.

Забавы и развлечения на этом не кончились. Наутро выяснилось, что Вимени за вчерашним обедом опился и ночью умер. Царь похоронил беднягу на свой манер. В похоронной процессии участвовали сам Петр и вся компания; одетые в черные кафтаны, они сидели на самоедских санях. Тело Вимени отвезли в католическую церковь в Кукуе, отпевали его иезуиты. Одним словом, потешились на славу.

Год завершился для москвичей еще одним невиданным зрелищем — персидский шах прислал полтавскому победителю в подарок слона, который и прошествовал по Москве, к изум-

лению всего честного народа. Ибо ноги имел длиною с человека, толстые, яко бревно, был толстотелесен, бесшерстен, великоглав, черновиден, горбоспинен, задокляпен, ступанием медведеподобен, от верхней губы имел нос, или хобот, им же, яко рукой, брашно и питье принимал и, согнув, в уста свои совал; два верхних зуба имел зело велики, также уши, яко заслоны печные, а рожки малы, подобно агнчим, хвост подобно воловьему. Диковиннее же всего было зрети, что сия гора ходячая ни народу, ни зверя не потопта, не досади кого...